

НАДЕЖДА

ДУШЕПОЛЕЗНОЕ
ЧТЕНИЕ

ВЫПУСК 15

Посвящается моим духовным чадам.

НАДЕЖДА

**ДУШЕПОЛЕЗНОЕ
ЧТЕНИЕ**

ВЫПУСК 15

ЦЮРИХ – МЮЛУЗ

Настоящее издание субсидируется Международной Христианской Солидарностью г. Цюриха и является христианским даром верующим в СССР.

Перепечатка и переиздания материалов из сборников "Надежда" №12, 13, 14, 15 – только с разрешения их составителя священника Владимира Шibaева.

Сборник продаже не подлежит

Настоящий 15-й выпуск душеполезного чтения "Надежда" составлен мной по многочисленным просьбам православных верующих в России. Эта книга является прямым продолжением сборников "Надежда" 12, 13 и 14 выпуска, составленных мною еще в 1984 году в Москве, по желанию и согласию составителя прежних выпусков.

В основу сборников вошли материалы, которые мне удалось вывезти из СССР, так как моя семья и я были лишены советского гражданства и вынуждены были покинуть пределы СССР.

Здесь, в эмиграции, я не думал о продолжении издания душеполезного чтения, так как считал, что подобные издания могут иметь место только в России, т.е. на той земле, которая является источником бесценного православного наследия. Но Господь распорядился иначе... Я продолжал получать различные материалы из СССР, имеющие подчас непреходящее значение как для христианской души, так и для истории православной Церкви в России.

Те мои близкие, которые продолжают мне посылать различные документы, свидетельства и т.д., не теряли надежды на их публикацию, обращаясь ко мне с просьбой продолжать издавать душеполезное чтение здесь, в свободном мире.

Милостью Божией это стало возможно благодаря бескорыстной помощи CSI (Международной христианской солидарности) в деле издания этого сборника.

Несколько слов мне бы хотелось сказать вообще о "Душеполезном чтении". Сборники прошлого века и начала нашего — вплоть до катастрофы 17-го года — представляют собой скорее подшивку, подчас довольно разных публикаций. Здесь и поэзия, и проза, и молитвы, и проповеди, статьи на социальные темы — в общем, все то, что волновало всякого христианина в России. Часто можно было бы видеть в сборниках и то, что материалы были даже набраны различным шрифтом. Одним словом, это была некая "подшивка". Несмотря на эту как бы "дробность" и кажущуюся "разношерстность" материалов сборников, которые даже часто не имели подписи авторов или содержали только их инициалы, они несли в себе удивительное единство в силу того, что все проблемы и материалы в "душеполезном чтении" объединялись воедино духом, и имели единственную точку отсчета — Православие.

Имя автора-составителя душевнополезных чтений до революции 1917 года отсутствовало, а имя духовного цензора было обязательным.

Мне бы очень хотелось надеяться на восстанов-

ление издания "Душеполезного чтения" в России, сохраняющего старые традиции. Будущие сборники, на мой взгляд, должны обязательно подвергаться духовной цензуре. При собирании материалов сборника надо исходить из церковной православной этики и традиций. Сборники помогут нам сохранить то, что читают верующие, помогут сберечь наше наследие. И даже если в публикуемые материалы вкрадутся неточности и ошибки, то публикация их позволит выяснить и уточнить тот или иной факт.

Так, например, было с известной книгой Польского о Новомучениках, которая содержала ряд неточностей исторических фактов, и публикация их могла это установить и сделать ряд поправок теми, кто еще и по сей день жив и имеет прямое отношение к тому, что было опубликовано. Работа над собиранием материалов, составление сборников, а также и издание их, должны быть, на мой взгляд, совершенно независимой деятельностью, т.е. никак не соприкасаться с советскими издательствами и московской патриархией. В противном случае в свободное христианское чтение обязательно вкрадется безбожная цензура.

В настоящий сборник вошла небольшая часть материалов, хранящихся у меня. Будем надеяться, что по Милости Божией появится возможность публикации остального.

Господь да благословит и поможет всем бескорыстным собирателям и издателям этого и будущих душеполезных сборников.

А сегодня мы благодарим Господа за Его Ми-

лость к нам и всем сердцем остаемся признательными бескорыстным христианам в Швейцарии, CSI за ту радость, которую несет нам душеполезное чтение "Надежда" – 15-й выпуск.

С Любовию и молитвенной памятью
обо всех мне близких в России.

Владимир Шибяев.

МОЛИТВА СВЯТЫМ НОВОМУЧЕНИКАМ И ИСПОВЕДНИКАМ РОССИЙСКИМ

Святые Новомученицы и исповедницы Церкви Российской, услышите усердную мольбу нашу! Ве мы, яко неции от Вас, еще отроцы суще, послушающие от древних страстотерпцев, в сердце своем помыслиша, колико прелюбезно и доброхвально есть таковым подражати, ихже ни муки, ни смерть не разлучиша от Любви Божией. Благо же Вам, яко последовали есте вере и терпению тех, от них же слышасте и их же возлюбисте. А понеже на всякое время возможно есть наити на ны испытанием не-

чаянным, испросите от Господа нам мужества дар, иже толико благопотребен есть в житии человечестем. Вся концы отечества нашего или страданными своими освятивши, яко общици за вся ны молитвенницы, умолите Бога, избавити отечество наше от ига, ужаснейшего паче всякого иного, и да отпустится нам и всему роду нашему грех на народе Российском тяготующий: убиение Царя, помазанника Божия, Святителей же и Пастырей с паствою, и страдания исповедников, и осквернение Святынь наших. Да уразднятся расколы в Церкви нашей, да будут все едино и да изведет Господь на жатву делатели Своя, си есть да не оскудевает Церковь пастырьми добрами, иже имут просвещати светом истинныя веры столь великое множество людей, вере ненаученных, или от веры отратившихся. Недостойные есмь Милости Божия, обаче страданий ради Ваших Христос Бог наш да ущедрит и помилует всех нас в помощь вас призывающих. Мы же Ему, Спасителю Нашему со Отцем и Святым Духом сокрушение о гресех и благодарение за вся всегда приносим, славяще Его во веки веков. Аминь.

Выходить еженедельно.

С начала года издаётся.

Адрес редакции: Москва, Пятницкая, 18.

Подписка принимается только на полгода: с 1 января по 1 июля.

Подписная цена на полгода: с приложениями 6 руб., без приложений—

3 руб.—Сотнями и полусотнями для раздачи народу и продажи при церквях 2 руб.

О СОВѢСТИ. *)

XX.

Едва ли можно найти болѣе яркое признаніе несостоятельности закона человеческого, какъ то, которое сдѣлала новая, водарившаяся надъ нами теперь путемъ оружія, власть. Читаемъ совершенно неоспоренно распоряженіе: упразднить всѣхъ судей, всѣ суды, отмѣнить всѣ писанные законы, потому что они являются пережитками стараго строя,—и судить впредь всѣхъ только по совѣсти. Конечно, распоряженію этому неслышанному, невиданному, не суждено сбыться, ибо оно есть признакъ анархіи. Но оно, по существу своему, въ высшей степени знаменательно. Итакъ, если послѣ перваго государственнаго переворота правительство наше все время обращалось „къ разуму и совѣсти народа,“ и ничего не добилось, кромѣ всеобщаго разрушенія жизни, то и теперь, новая, браждебная, провозвѣстующая крахъ временному правительству, власть, тоже заговорила о совѣсти. Мы убѣждены, что и результатъ будетъ тотъ же: ничего изъ этихъ обращеній не выйдетъ, потому что, вѣдь, ни слова о законѣ Божьемъ, а о совѣсти человеческой, не управляемой Божественнымъ закономъ, носить на себѣ печать общей человѣческой грѣховности и сама по себѣ всегда остается безсильной. И вотъ, въ этомъ отношеніи особнякъ смѣлыя приобрутаетъ для современности вѣчное слово вышшняго, евангельскаго чтенія. Одинъ законникъ, *искусная Спасителя*, спроситъ: „Учителя! Что мнѣ дѣлать, чтобы наследовать жизнь вѣчную?“ Въ чемъ здѣсь было искушеніе? Почему это вопросъ искушительный? Можетъ быть, законникъ презрительно смотрѣлъ на Иисуса, какъ на получившаго общепризнаннаго у евреевъ законническаго образованія, какъ на человѣка, мало освѣдомленнаго въ законѣ,—и думалъ, что Иисусъ публично получитъ посярмленіе, покажетъ нещадно законца, покажетъ полную свою несостоятельность въ отвѣтъ на самый важный вопросъ человеческого духа: что дѣлать, чтобы наследовать жизнь вѣчную? Но къ этому присоединилось еще другое обстоятельство, сообразно съ обычаями тогдашняго еврейства. Въ то время появились вообще много новыхъ учителей, и каждый изъ нихъ, чтобы выдѣлиться изъ числа себѣ подобныхъ, чтобы заинтересовать своей личностью болѣе широкій кругъ людей и привлечь болѣе учениковъ, объявлялъ что-либо новое: новую заповѣдь, новое толкованіе закона, новое направленіе жизни и т. п. Истинно, законникъ могъ думать, что и Спаситель не отличается въ этомъ отношеніи отъ другихъ учителей, и скажетъ ему въ отвѣтъ на предложенный вопросъ что-либо новое, а это дастъ законнику поводъ къ своему разсудку, къ тому, чтобы себя похвалить и унижить Иисуса. Вотъ почему законникъ и спрашивалъ Спасителя, какъ сказано въ евангеліи,—искушая Его.“

ЦЕРКОВНОСТЬ

О СОВЕСТИ*

XX.

Едва ли можно найти более яркое признание несостоятельности закона человеческого, как то, которое сделала новая, воцарившаяся над нами теперь путем оружия, власть. Читаем совершенно неожиданно распоряжение: упразднить всех судей, все суды, отменить все писанные законы, потому что они являются пережитками старого строя, — и судить впредь всех только по совести. Конечно, распоряжению этому неслыханному, невиданному, не суждено сбыться, ибо оно есть признак анархии. Но оно, по существу своему, в высшей степени знаменательно. Итак, если после первого государственного переворота правительство наше все время обращалось "к разуму и совести народа" и ничего не добилось, кроме всеобщего разрушения жизни, то и теперешняя, враждебная ниспровергнутому кратковременному правительству, власть тоже заговорила о совести. Мы убеждены, что и результат будет тот же:

* В неделю 25 по Пятидесятнице, 12 ноября 1917 года.

ничего из этих обращений не выйдет, потому что нет ни слова о законе Божьем, а одна совесть человеческая, не управляемая Божественным законом, носит на себе печать общей человеческой греховности и сама по себе всегда остается бессильной. И вот, в этом отношении особый смысл приобретает для современности вечное слово нынешнего евангельского чтения. Один законник, *искушая* Спасителя, спросил: "Учитель! Что мне делать, чтобы наследовать жизнь вечную?" В чем здесь было искушение? Почему это вопрос искусительный? Может быть, законник презрительно смотрел на Иисуса, как на не получившего общепризнанного у евреев законнического образования, как на человека, мало осведомленного в законе, — и думал, что Иисус публично получит посрамление, покажет незнание закона, покажет полную свою несостоятельность в ответе на самый важный вопрос человеческого духа: что делать, чтобы наследовать жизнь вечную? Но к этому присоединилось еще и другое соображение, сообразно с обычаями тогдашнего еврейства. В то время появилось вообще много новых учителей, и каждый из них, чтобы выделиться из числа себе подобных, чтобы заинтересовать своей личностью больший круг людей и привлечь больше учеников, объявлял что-либо новое: новую заповедь, новое толкование закона, новое направление жизни и т.п. Естественно, законник мог думать, что и Спаситель не отличается в этом отношении от других учителей, а это даст законнику повод к словопрению, к тому, чтобы себя показать и унижить Иисуса. Вот почему законник

и спрашивал Спасителя, как сказано в Евангелии, — “искушая Его”.

И что же вышло? Иисус Христос вдруг обращает самого искушителя из положения спрашивающего в положение отвечающего. Он в свою очередь задает вопрос законнику: “В законе что написано? Как читаешь?” И законник пред народом не мог молчать, он вынужден был отвечать и отвечал: “Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душою твоею, и всею крепостью твоею, разумением твоим, и ближнего твоего, как самого себя”. Это, действительно, основные слова ветхозаветного закона, (Лев. XIX, 18, Втор. VI,5). Тогда Иисус Христос кратким словом и разрешил все собеседование: “Право отвечал еси. Сия твори, и жив будещи”, т.е. “правильно ты отвечал; так поступай и будещь жить”. Этим и надо было кончить разговор, но законник, конечно, почувствовал всю нравственную свою несостоятельность и всю неудачу своего намерения искушить Иисуса Христа, всю негодность избранного им для этого средства, и все-таки, “хотя оправдаться”, сказал Иисусу: “а кто мой ближний?” В ответ Спаситель предложил слышанную нами сегодня в Евангелии притчу о милосердном самарянине, и снова вопросом, обращенным к законнику, привел его к сознанию, что и сам законник неправильно толковал вопрос о том, кто наш ближний, и объяснил, как это надо правильно понимать.

Итак, даже Спаситель обращает нас в разрешении нравственного смысла жизни и в направлении действия совести — к *закону*. Он ли, как Бог и Вла-

дыка, не мог отменить закона и судить по слову Своему единому? Но Он, Законоположник *нового* завета, тем не менее всегда говорил, что "пришел не нарушить закон, а только исполнить", т.е. выполнить, вдохнув в него новую жизнь, развить его основы, продолжить его действие в людях. Он не отменил древнего богооткровенного закона. (Мф. V,17).

Почему же люди иногда вдруг начинают тяготиться законом? Потому, что он оказывается для них так или иначе невыгодным. В таких случаях они или начинают его понимать по-новому, либо заменять его чем-либо другим, или совсем отвергать. И здесь причина всего того, что мы наблюдаем в наши дни, — этого сплошного беззакония и насилия, воцарившихся в нашей жизни. Спаситель же внушает нам, что нравственные основы или, как теперь говорят, *нравственные нормы вечны и неизменны*. То, что было добро тысячи лет назад, будет добром и через тысячи лет вперед, — и то же самое, что было прежде злом, таковым же злом и впредь останется. На естественной совести человека отображается живущий в человеке грех, и поэтому она может говорить по-разному в определении добра и зла. Но Божественное Откровение, Божественный закон есть постоянный направитель, руководитель совести человеческой, постоянная и верная охрана ее действий и самого, так сказать, ее содержания, и как исходивший от Святости вечного и неизменяемого Бога этот закон Божий тоже свят, непререкаем и неизменяем. Только надо войти в Божий закон, как бы вжиться в него, именно возлюбить в нем глаголю-

щего Бога — всем сердцем, и душою, и крепостью, и всем разумением, т.е. всем существом, и тогда закон Божий будет вечно старым, и вместе вечно юным и новым, неизменным и непоколебимым, ибо станет корнем, из которого произрастает /.../

[В оригинале пропущены две страницы.]

/.../ преждевременная телесная смерть от штыка, меча или голода, то все находятся в положении богача, внезапно умершего, по крайней мере, для своих богатств. Не одна Россия, прежде богатая и привольная страна, вдруг, подобно Иову, сделалась нищей. Нет, и все, кто хоть что-либо имел, теперь, подобно тому же Иову, слышат скорбных вестников, возвещающих им, что их добро вдруг потеряло или потеряет свою цену или будет у них отнято.

Пришла новая власть на штыках и мече, пришло насилие, в свое время приветствуемое всей Россией, — и все, кто его приветствовал и оправдывал, на себе, по Божьему суду, испытали его действие. Тако собирай себе, а не в Бога богатей!

Капиталисты, которые возлагали надежды на деньги, как источник пожизненного обеспечения, как на ограду своей свободы, своего влияния, видевшие в деньгах, коими владели, источник спокойствия за свое потомство, вдруг увидели насильнический захват банков, удешевление денег, вздорожание жизни, государственный крах, обращающий деньги в простую кучку ненужных бумаг, — и от капиталов не осталось ни следа.

Землевладельцы, домовладельцы, почитавшие

самым верным помещением нажитых денег землю и дома, вдруг увидели, что одним распоряжением насильно утвердившей себя власти они лишены права собственности.

Торговцы, привыкшие думать, что занятие их необходимо, зависит от их энергии, умения и труда, дает и им обеспечение жизни и людям необходимую пользу, вдруг узнали, что им могут приказать торговать так, что о выгодах и пропитании их от труда не может быть и речи.

Фабриканты, заводчики, истратившие огромные капиталы на построение фабрик, на приобретение машин, истратившие столько времени и труда на изучение того и другого дела, вдруг объявлены простыми слугами своих предприятий, и притом на время, пока в их знаниях есть нужда, а над ними господами поставлены или, точнее, себя поставили их вчерашние рабочие и слуги.

Владельцы золота, серебра, дорогих вещей, драгоценных тканей, так называемой обстановки, одежды и проч. — знайте, что первый обыск, под видом изыскания оружия, под видом охраны порядка, — и у вас заберут все, как забрали веками скопленные вещи и дорогие, редкие предметы во дворцах, в музеях, даже в церковных ризницах...

Дворяне, чиновники, заслуженные и почетные деятели, представители почетных сословий, скопившие от пожертвований, от удачных трудов те или другие сословные имущества, — в один час объявлены лишенными и званий, и титулов, и имений, с уничтожением сословий распоряжением новой власти.

Офицеры, чиновники, ученые, врачи, инженеры, всякие специалисты, думавшие, что за ум, за труд, за знание, за энергию, они имеют право на вознаграждение, обеспечивающее их культурные потребности, вдруг объявлены в положении равном с низшими слугами, офицеры в однопипном вознаграждении с солдатом, слуга в школьном здании — втрое выше по вознаграждению, чем учитель, инженер — в равном положении с рабочим.

Церкви, монастыри, их средства, часто завещанные на дела благотворения, на молитву об умерших — стоит ли о них говорить для новой власти? Они, оказывается, не нужны, как пережиток суеверия, их земли должны быть отобраны, а здания церквей и монастырей могут быть обращены в места общественного пользования — для науки, для увеселений и для других назначений.

Общественные деятели, деятели земств, городов, гордые недавними громкими резолюциями, выражениями то сочувствий, то порицаний, влиянием на всю Россию — один момент, и вы высланы, арестованы...

Представители интеллигенции, писатели, журналисты, потрясавшие Россию своими выступлениями, воспитывавшие общественное мнение, подготовившие дорогу новой власти — демократии, угладившие ей путь часто ценой своих страданий, радостно приветствовавшие приход ее, — вы загнаны, забиты, в нищете, в гонении и даже лишены права говорить, писать, высказывать свои мысли, у вас отняты и газеты, и бумага, и типографии.

Так преходит слава мира, так преходит сила человеческая, преходит, рушится и гибнет то, на что люди возлагают столько надежд для своего торжества и господства в мире. Безумие, в сию ночь душу твою истяжут от тебе, и яже уготовал еси, кому будут?

Кому? Отвечают: землю дадут крестьянам, деньги — беднякам, права — низшим, средства — рабочим и батракам, вещи — неимущим.

Увы, все это несбыточная мечта всеобщего счастья в материальных средствах, все это удовлетворение похоти имущества и стяжания только на одну неделю. Сто миллионов в руках одного человека — это огромная сумма, а данные ста миллионам людей, — это увеличение средств каждого только на один рубль. Ни счастья, ни довольства, ни обеспечения здесь прочного не найдем, да и сегодняшнее равенство завтра же, в зависимости от труда, умения и различного состояния каждого отдельного человека, обратится опять в неравенство.

И здесь преходит слава, сила и значимость мира сего!

И вот, в такие-то времена, когда все рушится, все непрочно, все неверно, в такие-то времена определяется истинная цена того богатства, о котором сегодня нам говорит Христос в Евангелии: "Тако собирай себе, а не в Бога богатея".

Бедный страж своих земных богатств, — ибо иначе трудно назвать самонадеянного обладателя земных сокровищ, — ты повторяешь на своей судьбе, на своем душевном настроении вековые обли-

чения святых и великих и мудрых учителей жизни. "Все грезы", говорит св. Амврозий Медиоланский, "стареются с человеком! одна любостыжательность юнеет с каждым днем".

"Вы не должны давать цены золоту более, чем грязи, ибо ценность его зависит не от внутреннего их достоинства, а от мнения людей. Подумавши на минуту, найдут, что железо имеет более достоинства, чем золото". Св. Василий Великий как бы продолжает эти слова великого Златоуста: "Кого богатство спасло когда-либо от смерти? Кого золото искупило когда-либо от болезни?"

Послушаем еще блаженного Иеронима: "Любостыжательному недостает ни того, что он имеет, ни того, чего не имеет. Чего он не имеет, того желает, а чем уже обладает, боится потерять. В несчастье он надеется на счастье, в счастье страшится несчастья и, таким образом, постоянно обуреваются волнами бурного моря".

Сравните с этим сомнительным достатком и беспокойным богатством то богатение в Бога, о котором нам говорит Спаситель: его воры украсть не могут, его моль ни испортить, ни уничтожить не в силах!

Повторяем, в чем же оно, это богатение в Бога?

Конечно, в той чистоте и безупречной совести, о которой мы столько раз здесь беседуем, и притом совести, просвещенной от Бога и Его святого закона. Вот где опять можно повторить слова св. Андрея Критского о такой совести: "Еяже ничтоже в мире нужнейши!.."

И в такие времена, какие мы переживаем, когда жизнь представляет бурное и неверное море, когда все падает и рушится, когда не на что опереться и надеяться, когда все земное вдруг теряет ту цену, которую мы привыкли ему давать, — мы можем понять настроение умирающего человека, сознающего неизбежное приближение смерти: все отходит назад, все тускнеет, блекнет и бледнеет, все обесценивается, и остается только одно сокровище, о котором говорит Тайнозритель: "Блажени мертвии, умирающий о Господе, ей, глаголет Дух, почиют от дел своих, — ибо дела их идут вслед за ними".

Соблюди веру, сохрани закон Христов, украсься добродетелями христианскими, и будешь иметь богатение в Боге, и тогда не страшно станет и внезапно реченное слово: "В сию ночь душу твою истяжут от тебе"...

Посему призовем себе все спокойствие в настоящие беспокойные дни, укрепим верой и молитвой наш слабеющий и некрепкий дух, оторвемся помыслами и желаниями от земных попечений любостяжания, очистим совесть от мертвых дел.

Так будем собирающими не себе, но в Бога богатея! Аминь.

Протоиерей *И. Восторгов*.

Глубокие противоречия между законом Божиим и законом юридическим, человеческим, нами уже отмечены в предыдущих беседах. Мы указали, что в основе юридического закона лежит начало пользы, а польза не всегда совпадает с нравственным долгом. Полезное, говорили мы, можно только советовать и рекомендовать, а не вводить, как нечто обязательное; что полезное действительно полезно, надо еще доказывать, ибо не всегда ясно, что для меня полезно; да и полезно в одном отношении часто не полезно в другом отношении; посему и нельзя принудительно заставить признать и исполнить полезное. Отсюда, польза не может быть основой нравственного закона.

Нравственный долг христианский, наоборот, имеет все признаки ясности, ибо заключен в Божественном законе; он прямо вытекает из голоса просвещенной Евангелием совести; он не нуждается в доказательствах, ибо непосредственно указывается совестью; он не носит в себе раздвоения; он, наконец, обязателен самой строгой обязанностью, именно *добровольной*, которая опирается на безусловное и непосредственное повеление Божие, приемлемое нашей верой и любовью.

Все это убедительно и доказательно для всякого непредвзятого суждения. И все-таки, жизнь бесконечно убедительнее и доказательнее слов.

* В нед. 27 по Пятидесятнице; 26 ноября 1917 г., по поводу законодательства большевистского правительства.

Такова жизнь современная. Если бы нам год тому назад сказали о том, что теперь творится пред нашими глазами, мы бы никогда тому не поверили. Вот на наших глазах теперь с необычайной простотой творится в полном смысле слова новый закон. Предупреждаю, что я, как церковный проповедник, совсем не касаюсь ни старого, ни нового, ни новейшего правительства (ни Лениных, ни Керенских), ибо между ними по существу и нравственной значимости нет ни малейшей разницы, и мое дело только указать и подчеркнуть нравственные выводы и законы для верующей души, как они выдвигаются жизнью. Но речь наша — о законе человеческом. Пред нами же с необычайной быстротой, решительностью, с редкой прямолинейностью творится теперь новый закон: явление в высокой степени интересное и поучительное. Его не выдумать и не создать веками. Декреты и постановления нового правительства сыпятся с необычайной быстротой. Ими возмущаются газеты, возмущаются представители человеческого закона, — и забывают, что решительно все, до последней мелочи, все, что творится на наших глазах, — все это заключено, как в зерне, в юридическом чисто человеческом законе вообще и теперь только развивается с необычайной быстротой, и все, что ставится в вину новой власти, — все это делали сами, когда стояли у власти, те, кто осуждает теперь новое законодательство, — сознаемся, действительно, напоминающее дом умалишенных, воплощение бредовых идей...

Начало эгоизма, начало пользы, начало насилия

и несправедливости, отсюда же начало лицемерия и мерки на два аршина, с точки зрения собственной и особенно партийной выгоды, — все эти начала лежали и лежат в основе так называемой ныне буржуазной логики, которую сменила теперь такая же точно по существу логика демократии. Оправдывать некого и некого предпочитать, ибо и буржуазия, и демократия обе отошли от Божьего закона, и сами себя толкают на гибель, вполне заслуженную.

Буржуазии в европейском смысле, как доброй гражданственности, как силы исторической и нравственно-культурной, у нас в России, в сущности, никогда не было и теперь пока нет. Когда в Париже заключают договор о найме квартиры, то в договоре квартирант обязуется "жить буржуазно", т.е. граждански-порядочно, с соблюдением законов общества, честно и прилично. Наша буржуазия, увы, всегда была только партийной, она слилась с политиканствующей интеллигенцией, и большевики теперь в своей деятельности и направлении ее не изобрели ничего нового; они буквально повторяют уроки, полученные от буржуазии. Кто хочет в этом убедиться — пусть вспомнит хотя бы только литературу, печать, которая руководила общественными настроениями. Эта печать в России всегда была партийной и всегда расценивала людей, события, явления жизни только с партийной точки зрения. Если старое правительство когда и собиралось сделать что-либо доброе, правилом было у его противников во что бы то ни стало ему мешать. Почему? Потому что это не мы! Подрывание авторитета Церкви, всякой власти,

сочувствие сектантству, сочувствие всяким забастовкам, бунтам, всяким пожеланиям народностей, входящих в состав России, отделиться от нее, восхваление демократии, намеренный подбор фактов для сообщения в печати, намеренное замалчивание или искажение фактов, неблагоприятных для партии, замалчивание достойных мыслителей, писателей, деятелей не своего лагеря, клевета, ложь, газетные преследования их, оправдание насилия, если оно выгодно партии, возмущение : асилием, если оно было направлено против партии: разве все это не знакомая картина? Бранят большевиков за разрушение святынь Кремля — и бранят справедливо. Но будем справедливы до конца: разве их противники не поставили пулеметов на храме Христа Спасителя? Разве в мартовском перевороте, если бы столкнулись между собой защитники старого и нового строя, и если бы та или другая сторона засела бы в Кремле, разве пушки противников пощадили бы храмы Кремля? Все равно! Но тогда бы говорили "печальная необходимость"; теперь говорят: "возмутительное насилие". Как всегда — две мерки! Когда первоклассная всесветная знаменитость медицины, европейская величина, профессор Московского Университета (Захарьин) пожертвовал из своих денег полмиллиона на церковные школы, студенты устроили ему кошачий концерт в аудитории, а на погребение его профессора даже не пустили студентов, это называлось свободой. Разве это не самое гнусное насилие?

Когда после мартовского переворота во главе

управления Церкви поставлен был сумасшедший человек, который кричал на митрополитов, выгонял их, арестовал, сослал и заточил в тюрьмы двадцать пять архиереев, терзал Церковь, издевался над ней под видом свободы Церкви, из его товарищей по министерству, социалистов, и несоциалистов, — а ведь в начале был в министерстве только один социалист, — ни один в течение шести месяцев не поднял голоса и не остановил безумца. Это тоже называлось свобода. Такое поведение разнузданного дикаря терпелось и буржуазной печатью; когда теперь к буржуазии применяют те же приемы недавнего обер-прокурора Святейшего Синода большевики, то поднимается вопль — справедливый, признаем, но... но не оправдываемый предыдущим поведением по отношению к другим! Опять две мерки: мы можем всех насиловать, нас — никто не смей...

Итак, после всего того, что было, не удивляйтесь тому, что есть, что творится. Кто сеет ветер, пожнет бурю. Пред нашими глазами совершается невиданное в истории, почти сказочное явление. Представьте себе такую картину: какими-то чудодейственными силами пред вами в 5 минут произвели опыт — посадили в землю семячко яблони; на ваших глазах оно собирало из земли нужные вещества; на ваших глазах совершались химические процессы — явился росток, зелень, листья, ветви, ствол, цветы, завязь, созревание плода — и вы видели все те процессы роста и созревания, взаимоотношение тепла, влаги, света, которые скрыты обычно от нашего глаза... Такое же явление происходит теперь

на наших глазах в области человеческого законодательства. Мы видим это необычайно быстрое и решительное новое житнетворение, новое "законотворение", в основе пользы и выгоды, и все оно отрицательное и разрушительное. Суд — долой; армия — долой; чины — долой; сословия — долой; собственность — долой; долги внутренние и внешние — долой; право — долой; городское самоуправление, земства, общества, наука, ученость, пресловутое Учредительное Собрание, буржуазия, интеллигенция — решительно все долой! Почему все долой? Ради свободы. Чьей свободы? *Только моей.*

С полной и редкой откровенностью нам заявляют, что дозволительно, законно и допустимо — только то, что мне выгодно. Все прочее должно быть разогнано штыками. Все это проявление единственной и величайшей в мире смелости — смелости невежества, которое не понимает ни одного вопроса жизни, сложного строя государства и общества, и все рубит с плеча. Но все это вместе с тем только откровенное проявление, резкое и обостренное, всего того, что творилось и раньше. Во всем нет *правды Божией*, нет Божьего закона, нет искания воли Божьей.

И в этом смысле нет времени более поучительного, чем то, в котором мы с вами живем, и нет уроков и напоминаний более грозных, убедительных и наглядных, чем те, которые мы теперь получаем. И все это мы, каждый из нас, я и ты, — буквально все мы заслужили. Снова повторяем: надо спрашивать теперь не о том, кто виноват в том, что происходит, а о том, кто не виноват.

Есть ли отрезвление? Все твердят, что есть. Утверждаем, однако, что его нет! Мы внимательно следим за всем тем, что пишут, печатают, говорят. И видим: есть пока чувство боли, есть досада, есть недовольство, есть брань и злоба, *но раскаяния нет*. Как? спросите вы, — а разве не видите, как перестали в газетах бранить Церковь и ее служителей, как стали ходить во храмы те, кого прежде там не видели? Разве не видите, как ученые, профессора, общественные деятели вдруг заговорили о церковных вопросах, о религии?.. Да, когда потеряли учебные заведения, учащуюся молодежь, печать, думы и земства, когда выгнаны отовсюду, когда выпустили из-под влияния улицу, рабочих, армию, то теперь ищут стричь овец не своего стада, идут к кротким и доверчивым детям Церкви; но, увы, — идут учить Церковь, а не учиться от нее, и идут с теми же за-taskанными и опозорившимися лозунгами — выборами, большинством голосов, борьбой за права свои, за ограничение прав пастырей, за борьбу классов. Ничему не научились! Та же гордыня! И все это надолго ли? Пока не пройдет гроза, пока не отпустит рука, которая теперь схватила за горло, за карман... все отбирает и не дает дышать!

Нет, отрезвление будет тогда, когда все прошлое поведение мы осудим бесповоротно, когда, подобно разбойнику благоразумному, скажем: "И мы убо терпим вправду, достойные бо по делам нашим восприемлева"...

Отрезвление наступит тогда, когда смирится гордыня, когда вместо самолюбования и сознания

своей непогрешимости, та же буржуазия и та же демократия устами своих глашатаев скажут: мы виноваты, мы ошибались, мы произвели по своей надменности и эгоизму разрушение жизни. Отрезвление наступит тогда, когда к вере, к закону Божьему, к Церкви недавние кумиры и победоносные глашатаи общества, потрясавшие Россию всякими своими резолюциями и выступлениями, придут не как учителя, по-прежнему в горделивости своей ищущие наивных и благоговейно внимающих им учеников, а сами, как смиренные ученики, познавшие нищету своей превознесенной гордыни. Отрезвление наступит тогда, когда увидят, что всякий человеческий закон без закона Господня — ничто, что все эти прославленные реформы, без духа Евангелия, веры, подвига и жажды вечного спасения, отравлены себялюбием, жадностью, насилием и лицемерием. Отрезвление придет тогда, когда перестанут верить в силу только человеческой добродетели и познают всю правду слов одного из древнейших отцов Церкви, назвавшего языческие добродетели только "блистательными пороками". Отрезвление придет тогда, когда отбросят теперешнюю нравственность дикаря, по которой к добру применяются две мерки: оно — добро, когда мне выгодно, и оно есть не добро — когда мне не полезно...

И когда мы познаем духовную красоту закона Божия, когда все одинаково склонимся пред ним, когда познаем нашу черноту и недостойность пред судом закона Божия и им, как зеркалом, станем проверять и расценивать себя и все окружающее: тогда только мы получим то оружие и всеоружие

победы в духовной борьбе, о котором сегодня мы слышали у апостола. "Братие, — наставлял нас апостол: облечитесь во всеоружие Божие, шлем спасения воспримите и меч духовный *иже есть глагол Божий*". (Еф. VI. 17). В силе этого всеоружия мы и найдем твердое основание для устройства рассыпавшейся теперь храмины нашей жизни. Оно ведомо, это основание жизни.

"Основания иного", говорит апостол, "никто же может положить, паче лежащего: еже есть Иисус Христос". (1 Кор. III, 11). Аминь.

Протоиерей *И. Восторгов*.

XXIII.*

Шедше, покажитесь священником... (Лук. XVII, 14).

Продолжая беседы наши о совести и законе, можем сказать, что вы сегодня находитесь в полном противоречии между законом Божиим и требованиями христианской совести с одной стороны, и с другой стороны, — законом человеческим.

Сегодня в Евангелии говорит Христос исцеленным прокаженным: "Шедше, покажитесь *священником*"... Говорит то же и в другой раз другому исцеленному: "Иди к священнику и принеси жерт-

* В нед. 29-ю по Пятидес. 3 декабря 1917 г.

ву во свидетельство исцеления”. (Мр. I, 44, Мф. VIII, 4).

Исцеленные в христианстве от духовной проказы, исцеляемые от нее всегда в Церкви Христовой, мы тоже идем всегда в храмы с нашей жертвой молитвы, богообщения, — идем, по заповеди Христовой, к священникам. Таков закон христианский.

А вот самый последний закон человеческий. Вы, конечно, слышали и читали, что новое правительство *упразднило духовенство, как сословие бесполезное*. Не в осуждение ему и не для жалобы пред вами мы об этом говорим. Случилось то, что должно было случиться. Лично я еще в марте месяце этого года, после первого государственного переворота, в первую же службу, которую я здесь мог совершать после произведенного надо мной насилия и запрещения печатать, писать и давать свои книги и сочинения, — я говорил, что нас ожидает теперь отделение Церкви от Государства, и приглашал вас спокойно и бодро, с полным повиновением власти государственной, отнестись к грядущему изменению в жизни и положению Церкви. Нынешнее правительство, наконец, осуществило то, что лежит в основе демократического строя, что по существу требуется социализмом и демократией: оно поступило прямолинейно, открыто, я бы сказал, оно по своему поступило честно. Этого нельзя сказать о правительстве, ему предшествовавшем, вступившем во власть с марта месяца. Тогда объявили Церковь свободной, но от властительства над ней не отказались и во главу Церковного управления поставили

жестокого и злобного, страдавшего припадками безумия человека, который потом принес столько зла самому правительству уже в другой области, — и сделали его буквально палачом архиереев и священников; тогда насильно распустили Святейший Синод и вместо него не позволили свободно выбрать другой состав Синода, а так же насильно назначили. Тогда изгнали, заключили в тюрьмы, лишили кафедр десятки архиереев. Все это совершалось при заявлениях, что Церковь свободна, т.е. делалось лицемерно и нечестно. Теперь, повторяем, все и до конца совершенно прямолинейно.

Впрочем, впереди для Церкви стоят еще и еще черные дни. Надо и на них устновить правильное воззрение, к ним быть готовыми, сообразно с этим и вести себя. А впереди нас может ожидать вот что.

Отнимут земли у церквей и монастырей, отнимут дома и имущества. Это — несправедливо, но отстаивать и отвоевывать имущества Церкви силой, с крестом в руках, с Евангелием и книгами святых отцов нельзя. Отобранию имущества надобно будет покориться. Отнять, может быть, захотят и храмы. Это уже будет вопиющее беззаконие и неправда. Но все-таки. и в этом придется насилью уступить. Будем тогда молиться по домам, в лесах, в полях; если не позволят, — будем собираться в скрытых и потаенных местах. Но если совсем вздумают упразднить веру, запретить Евангелие и христианство, упразднить пастырей, воспретить нам, пастырям, преподавание учения Христова и таинств, а вам получение молитвы и благодати от пастырей, — то мы сделаем то,

что сегодня сделали: закон об упразднении духовенства, вы видите, дан, а мы его не исполняем и никогда не исполним, — и вот — пришли во храм. Там на улицах и площадях, около нашего храма сегодня толпы, манифестации, споры, может быть, столкновения и убийства, — а мы во храме. Мы должны сказать и говорить в таком случае словами апостолов, которым их иудейское правительство строго воспретило проповедь об Иисусе: "Судите сами, можем ли мы вас слушать более, чем Бога"... (Деян. IV, 19) *"Мы не можем"*. (ст. 20).

Делаем здесь и общий вывод в последовательном ходе наших бесед. Вы видели, в чем превосходство закона Божьего пред законом человеческим: закон Божий обязывает самую совесть человека. И посему его подобает хранить, исполнять всегда, везде, без всяких исключений, а закон человеческий мы исполняем только до тех пор, пока он не нарушает Божьего закона, пока он не противоречит нашей христианской совести. Закон Божий для закона человеческого есть мерило и вместе предел, о коем говорится в слове Божиим: "доселе дойдешь, и не прейдешь". Дальше и выше закона Божия человеческий закон идти не может. Так некогда преподобный Сергий говорил Димитрию Донскому, когда князь спрашивал, идти ли ему против Мамай, владыки и завоевателя Руси. Узнав, что Мамай желает насадить на Руси мусульманство, а веру Христову упразднить, преподобный сказал князю: "Если требует от тебя Мамай золота, — отдай; если требует чести — отдай, а за веру Христову нам подоба-

ет кровь свою пролити и живот свой положить”...

Триста лет после Христовой смерти стоял все- сильный тогда человеческий закон все- сильного рим- ского народа пред христианской Церковью и все без конца постановлял: упразднить Евангелие; упразд- нить Церковь; упразднить духовенство... Пастырей Церкви вешали на плахах, эшафотах и на шею им привязывали Евангелие, — для обозначения того, в чем состояло преступление казненных. За этим за- коном Рима стояло все, что было мощного в мире: стояли императоры римские и правители — самые лучшие, умные и способные, даже гуманные; стояла армия; стоял народ; стояла наука и литература; стояло страшное по силе всегда и везде обществен- ное мнение... Но триста лет христиане отвечали на требование закона одно и то же: *”мы не можем”*, — не можем исполнить требований гражданского за- кона, нарушающего закон нашей христианской со- вести. Они без сопротивления отдавали конфиско- ванные у них имущества, они покорно шли в ссыл- ки, в тюрьмы, под меч и на все виды казни, — а ве- ры не отдавали. И число их все множилось и множи- лось, пока сам закон и власть не увидели, что всех не перебьешь, не посадишь в тюрьмы; пока не уви- дели, что за христианами на самом деле нет никаких преступлений.

То же повторяется и теперь. Мы, духовенство, упразднены. Мы, пастыри, во многом заслужили это гонение: мало и лениво молились, мало и плохо учи- ли, худо жили, растлению народа не противились, а здесь, в Москве, в начале марта этого года мы шли

не как пастыри во главе пасомых, призывая к спокойствию, к исполнению закона христианской любви, а двигались в хвосте у тех, кто нас вел злобными призывами, обманывал несбыточными обещаниями. Мало того, мы приветствовали тех, что на конце меча несли и принесли рабство и гонение Церкви; мы здесь, в Москве, публично приветствовали и восхваляли в собраниях духовенства и мирян того самого насильника-безумца, который разгонял Синод, топал ногами и кричал ругательски на архиереев и выгонял их с позором с их апостольских сидалищ. Это никогда не забудется и никогда не пройдет даром. Теперь мы получаем то, что призывали, что приветствовали, чему служили, — и в этом отношении не отличаемся от буржуазии, суда, интеллигенции, газет, деятелей печати, — от всех тех, кто также получает теперь должное и по заслугам... ибо весь этот ужас все сами готовили и призывали.

И все-таки, хоть мы упразднены, мы, пастыри, однако, будем молиться, учить и служить, а вы — от нас никогда не отойдете. И все-таки народ будет идти в храмы, и все больше и больше, все усерднее и усерднее. В этом мы глубоко убеждены. Ибо никто и никогда не в силах заглушить и подавить в человеке человека, его самых возвышенных, вечных и могущественнейших потребностей и запросов религии, чувств веропокаянных. И неумолчно будет и раздаваться, и исполняться слово: *"Шедшие, покажитесь священником"*. Скорее можно упразднить солнце и воздух, чем религию.

Не падайте духом, не смущайтесь, не отчаивай-

тесь. Россия больна. Народ наш в страшной духовной проказе. Но близко время, — и чем более остро и страшно проявляется болезнь, тем время это ближе, — близко время, когда, подобно прокаженным евангельским, наш народ, стоя издали, возопит и воззовет гласом великим: "Иисусе, Наставниче, помилуй нас"... И случится то, что слышим мы сегодня в евангелии:

"И видев, рече им Иисус: шедше, покажитесь священником; и бысть идущим им, очистишася"... (Лук. XVII, 14).

И он уже идет, идет наш народ во храмы, идет к священникам. И никто, ничто — ни запрещения, ни приказы, ни угрозы не остановят этой тяги к Богу и к Церкви.

Не смущайтесь. Не отчаивайтесь. Слишком не вовремя гонители Церкви дали безнадежно-неисполнимый закон об упразднении пастырей, слишком не вовремя они объявили пастырей ненужными и бесполезными... Дай же Бог скорее услышать радостное слово Господа Русскому народу: "Восстань, иди: вера твоя спасе тя"! (ст. 19). Аминь.

Протоиерей *И. Восторгов*.

ПАМЯТИ МИТРОПОЛИТА ФИЛАРЕТА 19 ноября 1867 – 19 ноября 1917 г.*

Сегодня мы нарушаем обычное течение наших субботних собеседований ради воспоминания, близкого всей Российской Церкви, и особенно — нашей местной Церкви Московской.

Пятьдесят лет тому назад, 19 ноября 1867 года, скончался знаменитый Московский митрополит Филарет. Высшая церковная власть приглашает сегодня верующих на всем пространстве Русской Церкви помянуть почившего святителя заупокойной молитвой.

Имя его известно всей России. Это был великий ум, в области богословия часто равный знаменитейшим и прославленным отцам Церкви и богословским светилам древности; это была великая нравственная сила, высшим своим авторитетом влиявшая в свое время на все стороны Церковной и государственной жизни. Вместе с тем, это был человек высоких нравственных качеств, высшего нравственного обаяния и великого молитвенного подвига, не раз являвшего знамения чудотворений.

Наконец, это был и выдающийся правитель Церкви и, в частности, своей епархии, которая в его время сделалась во многих отношениях образцом в устройении Церкви для всей России. Он сумел сосредоточить в Москве выдающиеся силы веры, благо-

* Сделано за всенощн. бдением в соборе св. Василия Блаженного.

честия, слова литературного и высокой учености.

Господь сулил ему светить светом жизни и слова в тяжкое время опасностей, грозивших чистоте веры и жизни христианской. Митрополит Филарет и явил подвиг твердости и православного разумения веры в такое тяжелое время. Он был в течение пятидесяти лет своего епископства воистину неусыпным стражем Церкви, — твердым хранителем преданий отеческой веры, православно-церковного строя жизни, чистоты и уставности молитвы и православного богослужения. Строгий к себе, он был строг и к другим; это оставило воспоминания о нем, иногда тяжелые. Но строгость к другим, повторяем, была у него нравственно оправданною и той священной ревностью о Боге, которая некогда Саму воплощенную Любовь вооружила бичом и подвигла на изгнание торгующих из храма; и затем неусыпной требовательностью по отношению к себе самому. Он был грозен для врагов истины, а не для друзей ее, для сынов противления, а не сынов послушания. И слово его, действительно, было как меч, посекавший врагов Божественной правды и ее растлителей.

Ему, без сомнения, мы обязаны тем, что в тяжкую годину опасности для церкви он охранил много верных душ от колебаний и увлечений и воспитал целую школу защитников церковно-православного учения, которые и доныне живут его словом и действуют по его примеру.

В наши дни новых опасностей для веры и Церкви, для строя церковного, в священную и древ-

лепреданную ограду которого теперь столь нагло вторгаются бури и вихри земных увлечений, нам отрадно и поучительно вспомнить молитвенно великого архипастыря Московского и оживить пред нашим сознанием подвиг его жизни и заветы его служения. Эти заветы зовут нас к непоколебимой вере и твердости исповедания святого православия.

Твердое основание Божие, Церковь Христова, стоит, имея печать сию: позна Господь своя... (2 Тим, II, 19)

Да познает усопшего Господь в селениях небесных. Аминь.

Протоиерей *И. Восторгов.*

ПОЧИТАНИЕ БОГОМАТЕРИ*

Ныне вводится во храм Пресвятая Богородица — "благодать совводящи", по словам песни Церковной. С Нею, действительно, вошло предизображение Божьего благоволения к людям, Божией милости и благодати, а затем и открылась во Христе в полноте и совершенстве.

И если в праздники Богоматери так торжественно звучит наше православное богослужбное слово, если церковные песнописцы в это время призывают небо и землю к торжеству и радости, если вся

* К празднику Введения во храм Пресв. Богородицы 21 ноября.

Церковь сияет в эти праздники особливим торжеством: то не ясно ли, что почитание Богоматери имеет самую глубокую и непосредственную связь с самым существом нашей христианской веры? Припомните дивный акафист Богоматери. Найдите равный ему иной гимн по воодушевлению! Найдите на всем пространстве литературы всемирной большую и совершеннейшую красоту слова, найдите большую образованность, большую поэзию. Если мы начнем только ряд приведенных там образов и сравнений, мы уж не кончим их, как не кончим и всего этого возвышенного акафистного пения. "Радуйся, Ею же радость воссияет; радуйся, Ею же клятва исчезнет; радуйся, падшего Адама воззвание; радуйся, слез Евиных избавление! Радуйся, высоту, неудобовосходимая человеческими помыслы; радуйся, глубино, неудобозримая и ангельскими очима. Радуйся, яко еси Царево седлище, радуйся, яко носиши Носящего вся! Радуйся, звездо, являющая солнце; радуйся, утробо Божественного воплощения. Радуйся, Ею же обновляется тварь; радуйся, Ею же поклоняемся Творцу! Радуйся, Невесто Невестная!"..

Не правда ли, что слово это готово продолжать в бесконечность?

Сравните теперь с таким возвышенным почитанием Богоматери в православии — холодное и даже как бы враждебное отношение к Ней в немецком лютеранстве и его отпрысках, ныне распространенных, к стыду и прискорбию нашему, и у нас на Руси, в виде штунды, баптизма, адвентизма и других сект. Сравните, — и для вас многое, все станет понятным

и ясным в том грубом искажении христианства, которое естественно и необходимо отразилось и отражается нравственной жестокостью и грубостью в немецкой и сектантской жизни.

Что такое почитание Богоматери? Это призвание Жены, от Которой должно было произойти То Семя, Тот Потомок, что сотрет главу змия-губителя, по обетованию первоевангелия, данного падшему человеку. Это признание Божественной Благодати, не погубившей, но пещадившей падшее человечество в его бедственности, после его противления Господу своему. Это признание Божественного Промысла, действовавшего и действующего в мире, в жизни людей, в направлении событий мировой истории. Это — признание смысла в ветхозаветной и новозаветной истории, обращенной и приуготовленной ко Христу, действующей во Христе. Это — признание высочайшего достоинства человеческой природы, сохранившей способность дать вторую Еву в лице Препоблагословенной Девы, при помощи благодати Божественной. Это — признание высшего достоинства женщины в ее девстве и ее материнстве, освящение человеческого достоинства женщины, независимо от положения жены и матери, вопреки унизительному воззрению на нее древнего язычника. Это — признание святости и подвига девства и служения семейственного в лице Богоматери, совмещившей то и другое. Это — признание вечного чуда Божьего домостроительства неизменно, направленного и направляемого к искуплению и спасению людей. Это — приятие живой и действенной богоче-

ловеческой жизненности христианства, живой жизни людей, вошедшей в жизнь Божественную...

Отнимите почитание Богоматери, — и как мертвою станет в нашей вере, какая рассудочная холодность в ней воцарится, какая отрешенность от действительной человеческой жизни будет чувствоваться и видеться в истории нашего спасения!

Нужно ли говорить, что вместе с тем от нас отойдет и чудный духовный образ Преподобной Девы, этой прекраснейшей Дщери Давидовой, прекраснейшей Дщери человечества, совместившей в Себе благоухание всех святых, самых возвышенных добродетелей верующего человека? Эта всецелая посвященность Богу, эта жизнь в Его воле и законе, это несказанное смиренномудрие, эта кротость, чистота, милосердие, терпение, это страдание Девы, заподозренной в чистоте добродетели, это страдание Матери, видящей распятие Сына, это умение все слагать в сердце своем, эта бессмертная красота молчаливого непорочного духа, — разве отойти от этого дивного духовного образа не значит потерять многое в самом понимании и осуществлении добродетели?

Радуйся, яко небесная срадуются земным; радуйся, яко земная сливковствуют небесным! Радуйся, всего мира освящение, радуйся, пристанище житейских плаваний, радуйся, добродетелей зеркало, радуйся, Божие к смертным благоволение, радуйся, смертных к Богу дерзновение, радуйся, приятное молитвы кадило, радуйся райских дверей отверзение!..

Той и мы ныне велегласно возопиим: радуйся, смотрения Зиждителява исполнение! Аминь.

Протоиерей *И. Восторгов*.

ЗЛО ПОД ЛИЧИНОЙ ДОБРА*

Возмутительный и отталкивающий случай фарисейского лицемерия представлен сегодня в евангельском литургийном чтении. Спаситель в одну из суббот исцелил в синагоге несчастную больную женщину, которая восемнадцать лет страдала мучительной и страшной болезнью — была скорчена и не могла выпрямиться (Лук. XIII, 10-17). Народ с благоговением смотрел на Чудотворца Иисуса, он "радовался о всех славных делах Его".

Что же начальник синагоги? Трудно даже представить себе тот изворот слова и завистливого чувства, которым он совершенно неожиданно пришел не к прославлению, а к косвенному осуждению Спасителя и к прямому осуждению самого народа за его благоговение к Иисусу Христу. "Начальник синагоги, негодуя, что Иисус исцелил в субботу, сказал народу: есть шесть дней, в которые должно делать, в те и приходите, а не в день субботний".

"Лицемер!" — сказал ему в ответ Спаситель, — и показал ему, что тот самый закон Моисеев, в защиту которого якобы выступал этот фарисей, раз-

* В нед. 27-ю по Пятидес.

решает в субботу исполнять дела необходимой помощи даже волу и ослу, тем более — страдающему человеку.

Но если бы для начальника синагоги требовалось простое разъяснение закона, то этот начальник был бы человек просто огра /.../

[В оригинале пропущены две страницы.]

/.../ иначе: "Молившиеся первою молитвою — выйдите! говорил диакон. Матери, возьмите к себе детей! Да никто против кого-либо; да никто в лицемерии: станем добре пред Господом, станем со страхом и трепетом, святое возношение в мире приносить"...

Так боялись древние христиане лицемерия...
Аминь.

Протоиерей *И. Восторгов.*

В ДЕНЬ СВ. НИКОЛАЯ

Правилom веры, образom кротости, учителем воздержания и другими хвальными наименованиями величает св. Церковь угодника Божия Николая святителя, память которого чтим мы сегодня. Но между различными именами, которыми украшаем мы ныне св. Николая и которые указывают на многочисленные добродетели святителя, обращает особое внимание следующее обращение к нему церковной песни: Святе Николае, по имени твоему тако и житие твое бысть.

По данной нам заповеди Апостола, которую ныне мы слышали на Богослужении, поминать наставников наших и подражать им, хочу остановить внимание ваше на указанной черте из жизни Николая святителя, что по имени его, так было и житие его. Имя Николая означает победитель, посему и в песнях церковных часто восклицают ему: радуйся победы тезоименный, т.е. победе равноименный. Не будем останавливаться долго на выяснении того, каким образом св. Николай был победе тезоименным. Полезно, достаточно уже сказать, что он свят. Вероятно, не найдется таких, кто станет утверждать, что святость дело легкое, не требующее усилий, не предполагающее борьбы с собой и победы над своими дурными привычками, слабостями. Быть правилом веры, образом кротости, учителем воздержания, соединить в себе чуть не весь круг христианских добродетелей и из них особенно милосердия и нестяжательности, — это значит явиться победителем зла, победителем себя. Сие есть победа, победившая мир, — вера наша, пишет Апостол. Итак, понятно именование Церкви Николаю и похвала ему за то, что житие его было по имени его. Обратимся теперь к себе и посмотрим, подражаем ли мы в этом великому святителю? Имеем ли мы имя, по которому могли бы располагать жизнь нашу. Да, при самом появлении нашем на свете св. Церковь принесла каждому из нас имя одного из того великого сонма великих святых Божиих, которыми украшена она, как венцом славы, как багрянцей и виссоном; принесла нам в дар имя это

прежде всего во свидетельство, что причислила нас к своим сынам, сделала не странниками и пришельцами, не чуждыми Богу, а присными Ему и ближними. На всю жизнь и в вечность останешься ты с этим именем, получив его при крещении: с ним ты будешь жить среди миллионов тебе подобных, свидетельствуя самым именем своим о своей принадлежности к обществу верующих во Христа, с этим именем ты умрешь, и принесут тебя в гробу в св. храм, и здесь Церковь в умиленных песнопениях будет плакать над тобой и просить о прощении грехов, под этим именем будешь жить ты в памяти своих близких и в молитвах о тебе Церкви. И всякий, услышав твое имя, скажет, что ты был христианин, принадлежал к обществу верных, истинных поклонников Отцу Небесному. Это первое. А во-вторых, для того дает тебе свое особое христианское имя Церковь, чтобы поставить тебя под небесное руководство и заступничество того, чье имя ты носишь. Это подобно тому, что делается в больших и благоустроенных семействах, где младшие члены, нуждающиеся в руководстве и научении, поручаются заботливости старших. Так поступает и Церковь: для нее нет мертвых, она как на земле, так и на небе. И вот она поручает тебя одному из своих старших сынов, членов Церкви небесной.

И, как руководство старших в семействе тогда только бывает благотворно для младших, когда руководимые любовно и охотно подчиняются своим руководителям, исполняют их внушения и наставления, так и для нас тогда только принесет спасе-

ние руководство святых, когда оно любовно и добровольно принимается и когда мы слушаем их учение и наставление. Как же учат нас святые? Своей жизнью. Верой победившие мир, восторжествовавшие над злобой врагов спасения, испытавшие силы свои в достижении всех добродетелей, увенчанные славой небесной и честью, — это ли не достойные руководители и образцы для подражания. О св. Антонии Великом рассказывается, что он собирал сведения о всех святых и в каждом изучал то, чем он преуспевал пред другими; в одном наблюдал приветливость, в другом — неутомимость в молитве; одному удивлялся за его безгневие, другому за терпение, кротость, воздержание и всему этому старался подражать. Но особенно нужно это наблюдать по отношению к тому святому, именем которого почтила и назвала нас Церковь при нашем рождении. Переносись мыслью в те, часто далекие времена, и созерцай духовную красоту его жизни. Пусть жизнь его будет для тебя зеркалом, по которому ты проверял бы жизнь свою, чтобы сблизиться с ним духом и сердцем, стать едино с ним, и явиться некогда достойным водвориться с ним в горних обителях небесного царствия. Обращайся к нему чаще с молитвою, как твоему ходатаю: он слышит тебя, всякие нужды знает, о благе твоём заботится. В этом нетрудно убедиться, просмотрев только жизнь хотя бы св. Николая, неисчислимыми благодеяниями отвечавшего всегда на молитву к нему. Каждый день молись своему святому, а особенно в те дни, когда Церковь молитвенно чтит его память, как ныне па-

мять св. Николая. День этот воистину должен быть для тебя днем ангела. Вот обязанности, налагаемые на нас тем именем, которое мы носим. Исполняем ли мы их? Подражаем ли мы жизни святых, имена коих возложены на нас Церковью, и которые даны нам, как наши руководители и ходатаи небесные? К сожалению, нет, не подражаем, не созерцаем мысленно их жизнь, не подвигаемся примерами их к жизни благочестивой и богоподобной, но и подражать не можем часто. Отчего это? Не потому ли, что силы наши слабы и подвиг, предлагаемый нам, превышает их и невозможен для нас? Нет, ибо и святые были человеки, плоть носящие и в мир живущие, и им знакомы были соблазны и искушения; тот же мир лежал вокруг них, те же силы были у них, только они возлюбили больше райскую красоту добра и победили в себе дурные желания, склонности и стремления и явились, как Николай, носителями победы. Не может быть того, что мы не можем часто подражать своим святым, что жизнь их представляется слишком не соответствующей современности, что они являли такие подвиги, которые для нас иногда невозможны. Правда, не всем быть столпниками, юродивыми, монахами, каковыми были многие из них, но то ложь, что в жизни какого-либо святого нет ни одной черты, которой нельзя было бы подражать. А есть она — усвой ее себе. Христианские добродетели таковы, что каждая из них и предполагает прежде себя другие добродетели, и рождает их из себя и они, все вместе, представляют из себя нечто единое, цельное, стройную лестницу, ведущую от земли к небу.

Отчего же в самом деле, мы не можем часто подражать жизни святых? Оттого, что часто и не знаем их жизни. Стыд и позор нашему пресловутому образованию. Побасенки о различных народах древности, побасенки, в которых часто ни цели, ни смысла нет, мы знаем, и что сказал такой-то полководец при переходе через такую-то реку, и как остроумно выразился философ такой-то, или министр — это нам известно, а жизнь величайших героев нравственных, людей подвига и высокой духовной жизни, имена которых мы носим, часто для нас покрыты мраком неизвестности. И план какого-либо сражения мы разъясним, и действия пара расскажем, — а план борьбы добра со злом, а дорогу к небу, требующую не пара, а духа, духа человеческого, как будто нам и не нужны. Что мы читаем, чем занято наше воображение? Всем, только не тем, о чем говорено выше. А подобало бы, по мудрому слову Христову и сие творити, и оных не оставляти. Повторяю, нужно, необходимо каждому из нас быть хорошо знакомым по крайней мере с жизнью того святого, имя которого носим. Тогда и остальных святых легче нам узнать: и это очень просто; ты знаешь своего святого, я — своего; отчего нам не поделиться знаниями; и так не с одним, а со многими. Средство, как видите, простое, а сколько бы пользы от него. (Самые праздники в честь святых были бы тогда христианскими днями ангела, как мы называем их, а не языческими пиршествами, как некогда, как, вероятно, помните, пиршество Ирода, на котором он усекнул главу Предтечи). Праздники действитель-

но были бы тогда днями святыми и богоугодными.
Протоиерей *И. Восторгов*.

САМОМНЕНИЕ

К нед. 30-й.

Слышим сегодня за литургией евангельское чтение о юноше, который подошел к Иисусу и спрашивал Его о пути вечной жизни. Спаситель указал ему на исполнение заповедей. Что же юноша? Признал ли себя повинным против заповедей Божиих? Кто, в самом деле, может сказать о себе, что он их все исполнил?

К крайнему нашему удивлению, мы слышим от юноши самоуверенный и, в сущности, легкомысленный ответ: "Все это я сохранил от юности моей".

Оказалось, что юноша понимал все внешним образом, исполнял заповеди не в духе, а в букве, и не имел первого и главного: смиренномудрия и свободы от привязанности к земным благам.

Это он и доказал тем, что отошел от Спасителя со скорбью, когда Он указал ему путь отказа от имений для получения жизни вечной.

Урок нам всем — не высоко мудрствовать о себе, не предаваться самомнению, не уподобляться фарисею, не услаждаться собой.

Таковы заветы и постоянные уроки Православной Церкви. Дух смиренномудрия есть отличительный признак ее истинных, православных чад.

Наоборот, все, что отпало от Православной Церкви, всегда и неизменно, *без единого исключения*, водится духом гордыни и самохвальства, превозношения и самомнения и в этом именно отличный признак всякого раскола и сектантства.

Послушайте раскольника. По его мнению, только старообрядцы все знают об истинной вере, только они одни — хранители церковных и отеческих преданий, только они одни усердны к молитве и спасены обрядами древними. Они настолько почитают себя чистыми, что боятся пить воду из одной посуды с православными, и поговоривши с православными пред обедней, должны получить очистительную молитву.

Послушайте сектантов. Они уверены в своей святости, в своем спасении и оправдании; они смотрят на Православную Церковь, как на царство сплошного греха и нечестия. Постоянное любование собой, постоянное осуждение других — вот чем живет сектантство. "Мы — трезвенники, мы — люди Божии; мы — белые голуби; мы — святые и спасены; мы — чисты и свободны от греха" — вот что постоянно мы слышим от баптистов, "братцев", "евангеликов".

Разве это христианское чувство? Гордыня, грубое понимание заповедей, самомнение юноши осуждено Христом Спасителем, — осуждено на все века. Поэтому-то и раскол, и сектантство, — это есть царство самомнения, есть царство сатаны прегордого, а не царство Христово.

Протоиерей *И. Восторгов*

В НЕДЕЛЮ СВВ. ОТЕЦ

Если вы сегодня внимательно слушали церковные чтения из божественного писания, то, без сомнения, обратили внимание на их особенность. Из всех чтений, слышанных нами в течение года, чтения настоящего дня звучат особенной торжественностью, скрывают в себе особый глубокий смысл. Апостол вдохновенным словом рисует дух всей ветхозаветной истории, указывает, что было самым главным в жизни и деятельности ветхозаветных праведников. Евангелие почему-то останавливает наше внимание на родословии Спасителя нашего по человечеству, указывает предков его по плоти и заключает повествованием о событиях, предшествовавших непосредственно событию Рождества Христова. Оттого на языке Церкви настоящая, приуготовительная к празднественному воспоминанию Рождества Христова неделя именуется неделей святых Отцов. С особенной силой и с глубоким чувством повествует об отцах св. апостол: послушайте его: верой Авраам прииде на землю обетования, якоже на чужду и ждаше бо основания имущего будущего града, емуже содетель и художник Бог, верою приведе Авраам Исаака, искушаем, и едиnorodного приношаше, обетование приемый. Верою руководился, когда благословлял детей Иаков, верою Иосиф заповедал вынести кости свои из земли рабства, верою сохранен был Моисей, и верою потом водился, изводя народ из Египта. Верою руководилась даже Раав блудница, когда, признав величие Бога Израилева,

способствовала богоизбранному народу в его победном шествии в землю Ханаанскую. И что еще скажу, заключает апостол, мне не достанет времени повествовать о всех ветхозаветных праведниках, иже верою победиша царствия, содеяша правду, получиша обетования, заградиша уста львом, угасиша силу огненую, избегоша острия меча, возмогоша о немощи, быша крепцы по бранех, обратиша в бегство полки чуждых. Каков конец был многих из них? И ответствует апостол: инии избieni быша, другие руганием и ранами искушение прияша, узам и темницами, камением побиени быша, претрени, перепилени быша, искушени быша, в пытках, убийством меча умроша; придоша в милотех и козих кожах, лишени, скорбящи, озлоблени. И все они, руководимые верою не получили обетования. Что это за вера и что это за обетование? В кого вера? О ком обетование? Это вера в обещанное семя жены, в чаяние народов, обетование об Искупителе Христе. Вот дух священной ветхозаветной истории. В течение 55 веков имя Мессии находилось в устах пророков, записано в их книгах, вырезано на камнях еврейского храма. С именем Мессии связано было все, что было лучшего и самого дорогого у евреев. Верой в него жил Израиль, и взоры умирающего благочестивого еврея с тоской обращались к Мессии. Во всю свою долгую историю Израиль ни на одну минуту не отворачивал взора своего от колыбели имеющего родиться Искупителя, не переставал повторять со своими пророками о времени Его пришествия, о месте Его рождения, об особенностях Его жизни и смерти.

Так Спаситель еще до своего рождения оживлял своим духом народ иудейский и жил в сознании его целые десятилетия. Трудно, и не всем достается на долю и после смерти своей, и после проведенной в нуждах на общую пользу жизни остаться надолго в памяти потомства. Нечего и говорить, что нет никого, кто известен был бы, да еще целому миру, еще до своего рождения. Но вот, смотрите, Тот, Который еще до появления своего на свет жил в памяти людей целые 5 1/2 тысяч лет; вот Человек, рождение Которого увенчали прошедшие 55 столетий, вот Человек, взирая на колыбель Которого, за тысячи лет впредь человечество повторяло: в таком-то семействе, в таком-то городе, в такое-то время родится Дитя и Оно будет Богом. Человек ли это только, или действительно вместе и Бог? Да, надо избрать одно из двух: или человечество до Рождения Христова было безумно, не владело здравым рассудком, или Родившийся во исполнение его лучшим надежд Младенец есть Человек и вместе Бог.

Но может быть только один народ еврейский жил мыслью о Мессии, а все остальное человечество в подавляющем большинстве жило в неведении о Христе и узнало о Нем уже только после Его рождения? Нет, тысячу раз нет. Разверните историю мира, — и увидите, что он весь — и еврейский и языческий согласно ждал Избавителя. Об этом свидетельствует и наука язычества, и его поэзия, и его философия. В глубине своих храмов, посвященных часто неведомому и Искомому Богу, с высоты своих памятников, в чаще своих лесов, язычество в лучших и

наиболее мудрых своих представителях стонало и вздыхало к той колыбели, которая некогда должна была явиться в пещере Вифлеема. Язычество соединялось здесь с Богоизбранным народом в один согласный голос, несмотря на невежество толпы, несмотря на предрассудки науки, опаснейшие и упорнейшие всех предрассудков, вопреки сопротивлению народной гордости, и выразило этот голос как в философии и поэзии — достоянии учености и мудрости, так особенно под покровом мифов — достояния и создания народа. На пространстве веков кровь жертв падала в подтверждение постоянного и всеобщего ожидания Того, Кто некогда Сам принесет Себя в великую и умиловительную жертву.

И чудное дело: как только пришел на землю этот Божественный Младенец, так и все человечество перестало ожидать на землю Бога, Которого прежде так пламенно желало видеть, о Котором вещали пророки, говорили поэты и философы. Только незначительная горсть людей, упорная и ожесточенная, и доселе еще не признала в Пришедшем Обетованное Семя жены и живет среди нас живым напоминанием всей тяжести положения дохристианского мира, и не на реках только Вавилона, а на реках всего мира слышится плач и стон и рыдание не принявшего своего Бога племени... Но довольно о сем. Ныне в виду скорого празднественного воспоминания великого события Рождества Христова Церковь предносит пред нашим взором образы всех ветхозаветных праведников, напоминает о чаяниях всего мира и как бы так говорит нам: смотрите, вот ве-

ликие люди древности, о которых апостол говорит, что весь мир не был их достоин, вот величайшие праведники ветхозаветные умерли не дождавшись обетования, не дождавшись счастья увидеть Христа своими очами. А вы дождались Его, пользуйтесь, что дал Он людям по Своей милости, просветились светом Боговедения, познали истину в совершенстве. Чувствуете ли вы, какое имеете в руках драгоценное сокровище, или останетесь холодными, равнодушными и безучастными к величайшим событиям Божественного домостроительства человеческого спасения. Ощущаете ли вы сладость благодарности к Господу, чувствуете ли себя способными склониться в благоговейном почитании у Вифлеемских яслей и воздать поклонение родившемуся Господу?

Если так, то под влиянием воспоминаний этих великих событий, воспряньте духом, постарайтесь быть достойными называться именем Того, Кому ныне поклоняетесь и рождение Которого собираетесь праздновать. Приложите к себе слова апостола, заключающие его нынешнее повествование о мужах ветхого завета: имея вокруг себя такое облако свидетелей, свергнем с себя всякое бремя и запинаящий нас грех и с терпением будем проходить предлежащее нам поприще, взирая на Начальника нашей веры и Совершителя Иисуса. Аминь.

Протоиерей *И. Восторгов*.

БЛИЗОСТЬ ГОСПОДА*

Некогда Господь явился народу избранному на Синае, чтобы объявить ему закон Свой, тот закон, который и мы доселе слышим в так называемых десяти заповедях. Грозное и ужасающее то было явление; земля тряслась, гора была покрыта облаком, с неба слышался гром, блистали молнии. Народ стоял в страхе и трепете кругом горы; пред ним была проведена и указана черта, за границу которой нельзя было переходить никому; всякий дерзновенный наказывался смертию. Таково было Богоявление Синайское.

Совсем иное было Богоявление в Вифлееме, которое мы ныне празднуем в веселии и радости. Явился Христос Бог наш, — и ангелы воспели о Нем радостную песнь. Простым людям, пастухам, сказал о рождении Бога небесный вестник. Они пошли в указанное место, и что же они увидели? Бог явился в образе слабого младенца, повитого и лежащего в яслях! В простоте и бедности было Его рождение; в простоте и бедности протекла потом Его жизнь. Он близок к нам так, как только может быть близок человек к человеку; Он плакал, как младенец; Он возрастал, как отрок; Он говорил потом устами к устам человеческим — простым, всем понятным и доступным словом.

Для чего это безмерное и несказанное уничтожение Божества? Отчего бы не явиться Христу на

* К празднику Рождества Христова.

земле со знаменами власти и силы, чести и славы, господства и царства, чтобы устроить грешника и заставить его следовать святому Божьему Закону?

Такова воля Божия. Таково изъяснение Божией милости и премудрости. В ветхом завете Господь воспитывал людей страхом и угрозами наказаний, в новом завете Он, после долгого ветхозаветного приготовления, воспитывает верующих любовью и милостью. Он восхотел, чтобы люди видели закон Его не в словах только и заповедях, а в живом образе, в примере Богочеловека Христа. Он восхотел стать близко к человеку, принять тело человека и душу и, явив Себя безгрешным, показать, что и всякому другому человеку открыт путь святости. Он восхотел не устроить человека страхом, а привлечь его к Себе любовью, и тем расположить его к исполнению Божественного Закона. Он восхотел, чтобы самое добро, которое делает человек свободно и по любви к Богу, чрез это было выше и ценнее в очах Божиих, ибо невольник — не богомольник, и добро, совершаемое по страху и принуждению, недостойно человека. Вот что значит Богоявление Вифлеемское!

Возлюбленные братья! Празднуя ныне радостно праздник Рождения Христова, вспомним с умилением и со слезами, с благодарностью и благоговением к Богу, — вспомним, как близок к нам теперь Господь чрез воплощение Спасителя от Девы. Не страшатся Его дети: Он Сам был ребенком. Не страшатся Его люди бедные: Он Сам родился в нищете. Не страшатся Его люди скорбные и несчастные: Он Сам

терпел стужу в зимнюю ночь, когда родился, плачем и слезами и Он приветствовал жизнь, записан в списки Августа, языческого царя-поработителя, был преследуем злым Иродом и от него спасался бегством в Египет. Не страшатся Его люди бездомные, немощные кровя: Он Сам не имел, где главы подклонити. Велия Твоя милость к нам, Господи, Слава Тебе!

Но на милость нельзя отвечать неблагодарностью и злобой. Мы же будем и злыми, и неблагодарными, если закон веры Христовой, закон любви к Богу и ближним, святые заповеди Его не станем соблюдать. Мы окажемся неблагодарными к Богу и злыми, если будем продолжать жизнь нечестную, нечистую, в злобе, пьянстве, блуде и всяком нечестии, как будто Христос не родился.

Слышите, братья, — ангелы поют на небеси: "Слава в вышних Богу"...

Расположим же нашу жизнь так, чтобы, исполняя теперь Божий Закон, получив примирение с Богом, имея доступ на небо чрез Иисуса Христа, мы прославляли бы Бога своими добрыми делами. Расположив жизнь так, чтобы неверующие люди и не знающие Христа смотрели на наши добрые дела и прославляли Бога; чтобы и верующие христиане, видя нашу любовь ко всем, кротость христианскую, готовность всем помочь ради Христа и Его учения, еще более располагались воздавать и возвещать Славу Всевышнему Богу.

Пели ангелы: "на земле мир"... То был мир между Богом и человеком, то было примирение земли и неба. Но этот мир отражается и в жизни верую-

щих. Расположим же нашу жизнь так, чтобы кругом нас был мир, и по крайней мере, исполним наставление апостола: если возможно *еже от вас*, т.е. сколько от вас это зависит, со всеми людьми мир имейте (Евр. XII, 14). Если будем мы водворять мир среди людей, если будем миротворцами, то и сами станем подобны Примирителю Сыну Божию, Воплотившемуся ныне Христу, и мы достойны будем назваться сынами Божиими; блажени миротворцы, яко тии сынове Божии нарекутся!

Пели ангели: *в человецах благоволение...* То было Божие благоволение к людям, то была весть о том, что окончилось проклятие, отвержение наше от Бога. За что оно нас постигло? За грех! Кто нас проклял и отверг от Бога? Мы сами, чрез свой грех, ибо нельзя же, в самом деле, удаляясь от Бога, приближаться к Нему.

Будем и мы теперь приближаться к Богу: ибо Он родился, воплотился, вочеловечился; ибо теперь *"С нами Бог"*; ибо Он стал к нам близок несказанно. Не грехами, конечно, мы к Нему приблизимся, не жизнью нечистой, злобною и порочною; такая жизнь удаляет от Бога. Придем к Христу в вере, в любви, в смирении, в служении благу, в чистоте мыслей и дел, в исполнении Его святых и животворных заповедей.

Глаголет апостол: *приблизитесь к Богу, и Он приблизится к вам* (Иак. IV, 8). Аминь.

Протоиерей *И. Восторгов.*

НА НОВЫЙ ГОД

Еще один год ушел в вечность, прошел — и не возвратить его ничем, никакими силами не возвратить к бытию и одной минуты его. И все мы — старые и малые, и много пожившие, и только вступившие в жизнь — одним шагом ближе стали к тому неминуемому концу, о котором так нужно почаще думать, и так не хочется думать, который называем смертью.

Весело и радостно встречают новый год, торжественно проводят День нового года — день благожеланий и поздравлений, день радости. Что же, можно и признать его днем радости, имея в виду даже и то его значение, которое только что указано, значение глагола времени, проповедника сокращения нашей жизни, приближения смерти. Людям, отягченным скорбью, людям, чающим небесного отечества или, по апостолу, имущим желание разрешиться и со Христом быти, разве не радостно знать, что время их искушений и скорби сократилось целым годом — временем не малым на пространстве нашей краткой жизни, — разве не радостно им знать, что время земного пребывания уже коротко, и скоро откроются для них врата неба и блаженства?.. Да, это так. Но кто сей блаженный, кто этот счастливец? А у нас эти новогодние ликования, эти всеобщие пожелания и поздравления не звучат ли горькой насмешкой, не отзываются ли тяжелым укором совести? Чего желать, с чем поздравлять?.. Пожелать еще нового года, который будет копией прошедшего, поздравить

еще с новым годом, который даст возможность снова предаться плоти и греху, такой жизни, что при взгляде на нее можно будет подумать, что мы будем вечными обитателями земли, что Бог, смерть, суд, ад и рай для нас только пустые звуки?.. Невеселые мысли на веселый день!

Но нельзя сказать, чтобы эти мысли как бы насильственно не заставляли нас сосредоточиться на них вниманием, и особенно теперь, в настоящие часы нового года, ибо этому учит нас многозначительный и поучительный настоящий день. Премудрый царепророк Давид даже и в безмолвной смене дней и ночей слышал некий голос и некую торжественную проповедь, объявляемую миру на всех языках и наречиях. "День дню передает речь, и ночь ночи вещает знание. Нет языка и наречия, на котором не слышался бы голос их". Тем более есть проповедь в смене одного года другим. Стоя ныне на рубеже, которым кончился год старый, и размышляя пред неизвестностью нового, послушаем, насколько можем, этой проповеди. Старый год дает нам факты, новый — среду и условия для приведения в дело и осуществление выводов из этих фактов. Что дал нам год старый? Чем ознаменовался? Что особенно внес он в нашу жизнь? Старый год ко внешней войне прибавил еще войну внутреннюю, междоусобную, дал нам нестроение в государственной и общественной жизни, совершенное безначалие, лишение всего самого необходимого и местами страшный голод; в прошлом году послал на нас Господь гнев ярости Своей, ярость и гнев, и скорбь, казни и нака-

зания... Целые миллионы наших собратий лишились своих жилищ, не имеют одежды и обуви, остались без куска хлеба. Новый год застает нас в годину тяжелого народного бедствия. Надрывается сердце всякого русского, надрывается сердце всякого человека при мысли только о том, что приходится испытывать теперь многомиллионному населению несчастных, лишенному насильственным образом всего своего имущества и часто куска насущного хлеба. Несчастье вашей родины так велико, бедствие так ужасно, что касается не одних только тех, кто действительно уже пострадал и голодает, оно ужасает всех здравомыслящих.

Некогда Спасителю сказали, что Пилат смешал кровь Галилеян с их жертвами, и Божественный Учитель даже и в этом бедствии, постигшем только несколько человек из целого народа, указал нечто общее, относящееся ко всему народу: думаете ли вы, что эти Галилеяне были грешнее всех Галилеян, что так пострадали? Нет, говорю вам, но если не покаетесь, все также погибнете (Лук. XIII, 2). То же применить должно и к нам при настоящих обстоятельствах и в бедствиях, которые переживает Россия, видеть грозное знамение Божиего наказания. Вот наблюдатели над русской жизнью последних лет, правильнее, последних десятилетий, все единодушно говорят, что у нас стала падать религия, что наша наука забыла Бога, что наша жизнь Его прогневала, что наше ученье, искусства, все способности наши были направлены к получению одних материальных благ. И вот открывается гнев Божий с

небесе на всякое нечестие и неправду человеков (Рим, 1, 18), скорбь и теснота на всяку душу человека, творящего злое (Рим, 2, 9)! С одной стороны — и прежде всего на нас исполнилось грозное слово Господа, обещающего отнять от людей, погрязших в безрелигиозности и нравственном оупении, отнять премудрого и разумного советника: исполнилось Божие наказание, выражающееся прежде всего в том, что отнимается у наказуемых разум, и они предоставляются на собственную их волю ходить в неразумном сердце. Погублю премудрость премудрых и разум разумных отвергну. Мнящиеся быти оумудри бюродеша! Во всех сферах нашей жизни, — в литературе, науке, общественной деятельности, по сознанию исследователей нашего быта и жизни, замечается удивительная скудость, застой, бедность духовная. Все обратилось к выгоде; ум изощрился в погоне за красными мира, за благами чувственными, но вместе и истощился, ограничив себя только этой деятельностью и в других областях не создал ничего выдающегося; с ревностью и изобретательностью, достойными лучшего дела, мужи науки трудились только над разрушением веками сложившегося строя и порядка, над изобретением усовершенствованных способов классовой борьбы для уничтожения себе подобных. Издевались над всеми положительными и творческими силами жизни... Одна толстовщина чего стоит! Давно ли было время, когда наша родина изобиловала выдающимися людьми на всех поприщах жизни и деятельности? То время не знало современного религиозного не то

чтобы отрицания, а какого-то индифферентизма, обидного и горького равнодушия ко всем вопросам высшего порядка. А теперь как высокомерно смотрит современность на наивное, как она говорит и думает, прошлое! Но где у нас теперь гении, где таланты, где люди сильные духом и крепкие верой? Объяуродели мнящиеся быть мудрыми!

С другой стороны, Господь показал нам, как ненадежны те блага, за которыми мы, как дети за красивыми игрушками, гонялись, в которых полагали и цель и лучшее украшение нашей жизни. Можно воочию убедиться, как легко без помощи Божией очутиться в безвыходном положении, без куска хлеба, хотя все усилия наши во все предшествовавшие годы жизни, все средства науки, — чуть не все в нашей жизни всецело направлено было к тому, чтобы приобрести побольше этого хлеба. Подобно приточному богачу, мы ставим идеалом своей жизни разорить житницы свои и большие создать, собрать туда вся жита своя и благая своя; в своем служении культу мамоны, в своем поклонении экономическому благосостоянию народов, мы, подобно этому безумцу, смешивая даже душу с чревом, восклицали, получив хоть в воображении своем богатство: "душе, имаши блага многа, лежаща на лета многа; почивай, яждь, пей, веселися. Зачем нам религия, к чему все духовное? Нам нужно то, что существенно; это только и необходимо, это и есть единое на потребу, и во всем этом мы обойдемся и без помощи небес!" Так говорили, да и ныне еще говорят некоторые безумцы. И вот Бог, как и оному

приточному богачу, явил нам наше безумие. И вот, один только год гнева Божия, только немного времени гнева и ярости, и скорби, и послания ангелов лютых, — и что же видим? Что защитит и спасет нас от гнева Божия? Пусть теперь наука повелит облакам небесным пролить дождь на землю; пусть теперь искусство, вся мудрость и сила человеческая, соединившись вместе, произведут вновь изобилие плодов земных, которых Бог лишил, пусть заставят землю послушаться голоса их, хотя бы во имя ее собственных законов, которые человеческая мудрость, как хвалятся они, в таком совершенстве изучила. Но мудрость человеческая не раз заявляла во всеуслышание мира, что в открытых ею мастерских, руками ученых ее служителей, ни в какой ученой лаборатории она не может произвести даже сотой части ржаного зерна. Пусть теперь повелит гордыня наша дать нашей гибнущей жизни мир и порядок! А что, если Бог не престанет во гневе, что если и новый год несет то же, что дал уже старый?

Но довольно о сем. Мы уразумели, чему научил нас прошедший год. Пора сказать нечто и относительно нового.

Что же вещает старый год новому? Чему учить нас? Что делать нам в виду указанных явных знамений гнева Божия? Надо поучиться не у одного года старого, а у целой совокупности старых годов. Те же наблюдатели над жизнью русского народа, указывающие нам темные стороны современности, говорят, что русский человек всегда был крепок и несокрушим твердой верой в Бога, надеждой на Его

бесконечную благость. Молитва веры склоняла не раз Божию милость к русскому народу, и он перенес все ниспосланные ему тяжелые испытания, от татарского ига до нашествия двенадцати языков, перенес и не погиб. И теперь, делая все, зависящее от нас, вспомним Бога, Которого может быть не раз забывали в суете жизни, на Его милость и помощь возложим больше всего упование. Господь Иисус вчера и сегодня Тот же и во веки, говорит апостол; подобно человеку, Он не бывает ныне милостивым боле, а завтра менее. И если Он исцелял во время земной Своей жизни больных, утешал печальных, насыщал чудесно голодных, то и ныне Он, оставшись неизменным, может сделать то же. Угодна Ему и ныне молитва веры, окрыленная спасительной надеждой и споспешествуемая любовью и делами любви. Преклонит Его на милость наша беспредельная преданность, горячая мольба, совершенное упование. Лишь бы мы, люди Его, достояние Его, были достойны милости. Лишь бы мы, умея различать и рассуждать лицо неба и земли, могли и умели познавать знамения времен и уроки в них Промысла (Мф. XVI, 3). А знамения времен, прежде всего свидетельствуют нам, что мы должны больше горняя мудрствовать, а не земная, искать прежде всего царствия Божия и правды его, веруя, что все остальное приложится нам. А затем и о том свидетельствуют эти знамения времен, что Господь, наказав нас, дал нам и возможность исправиться, заставив нас задуматься о нашем нравственном состоянии и увидеть его несовершенство, внушая нам желание ис-

правиться, идти по пути добродетели, дает нам тотчас же и возможность осуществить свое желание и показать его на деле.

Христос и вещает: "понеже сотвористе единому от сих малых Мне сотвористе".

Без всякого прекословия в старом заключается семя нового, без всякого сомнения, но все должно жить уроками старого, если желает доброго плода своей деятельности и если не руководится философией, свойственной бессловесным: будем есть и пить, ибо утром умрем... Пусть же в настоящий день, день нового года, будут нам особенно памятные уроки старого. Аминь.

Протоиерей *И. Восторгов*.

В ШКОЛЕ.

В нед. 26-ю.

О ЛЮБОСТЯЖАТЕЛЬНОМ БОГАЧЕ

Итак, можно быть богатым, не имея богатства, и, наоборот, можно с богатством, собирая себе, не богатеть в Бога и быть жалким и нищим. В словах Господа безумному приточному богачу на все века изречено справедливое осуждение этим стремлениям к одним материальным благам, этому идеалу жизни, годному только для бессловесного: "ешь, пей, веселись", — это можно сказать только грубому

телу, и только безумию богача возможно было обратиться с этим воззванием к душе.

Вы, дети, самым присутствием здесь в учебном заведении, в этом храме науки и воспитания, показываете, что хотите богатеть в духе, а не в теле, что ваши желания и стремления идут дальше удовлетворения ограниченных потребностей чрева, которыми жил приточный богач. Но смотрите: зло так сильно и извортливо, что самые, по-видимому, возвышенные занятия обращает к низшим целям и заставляет их служить тем же низменным стремлениям плоти. И наука обращается в ремесло, и образование лишается своего высокого значения, если мы смотрим на него только как на средство хорошо пристроиться в жизни, выгодно поместиться на службе, словом, если образованию не дается иного значения, кроме средства к приобретению сытного куска хлеба.

К сожалению, губительный дух своекорыстия и стяжания проникает всюду, проникает и в среду учащейся молодежи, и не напрасно везде слышатся жалобы на то, что современные юноши на школьной скамье уже заняты не учением, а мечтами о том, какие блага ждут их в жизни по окончании этого учения. Да не будет этого среди вас, дети, помните слово Апостола: "духа не угашайте", а он угаснет и умрет, когда и науку, сродную ему пищу, вы отнимете от него и отдадите телу. Тогда и мы достойны того же грозного слова: безумный, душу твою возьмут от тебя, а то, что ты приготовил, кому будет?

В природе вещественной есть вековые фи-

зические законы, и отступление от них влечет смерть тела; в природе духовной есть такие же вечные законы нравственные, и отступление от них влечет смерть духа. Питайте же дух святою и бескорыстною любовью к науке и просвещению, отдайте молодость прекрасному, чистому и благородному служению добру и истине, и не мечтайте о "житах" и "благах". Это придет само собой: "Ищите прежде всего царствия небесного и правды его, и сие все приложится вам!"

Протоиерей *И. Восторгов*.

В НЕД. 27-Ю

Евангелие (Лук. 13, 10-17) рассказывает нам об исцелении Спасителем женщины, страдавшей продолжительной и тяжелой болезнью. О женщине этой мы знаем немного, но то, что знаем, — изображает ее, как человека, достойного внимания и подражания. Еврейская синагога, где совершено было ее исцеление, не была в собственном смысле домом молитвы, а скорее местом поучения, проповеди, школой, где читалось и объяснялось Св. Писание. Таким образом, посещение синагоги для женщины, 18 лет скорченной и страдающей, очевидно не могло быть поставлено в непременною обязанность. Однако, в обыкновенный день субботний мы видим ее в числе посетителей синагоги. Здесь увидел ее Сердцеведец Господь и благоволил пред всеми оказать

ей особенную милость. Несомненно, больная физически не была больна нравственно; имея недостатки тела, она отличалась достоинствами души. Среди нас нет людей, страдающих болезнью несчастной женщины, — но слово Божие часто и настойчиво наводит нас на мысль: нет ли в нас болезней душевных, исцеление от которых еще желательнее, еще нужнее, чем освобождение от болезней тела.

Телесная немощь, правда, тяжела и мучительна, но она никогда не идет к гибели вечной, а часто, если не всегда, приносит даже пользу духу нашему, пробуждая его к размышлению и покаянию, к исправлению и смирению. Не то болезни душевные: они не могут быть полезны ни в каком отношении, они в конце концов ведут к вечной гибели и зрят во дно адаво.

Итак, охраняя свое тело от вредных влияний стихий, заботясь о сохранении и развитии сил его, питая тело соответствующей пищей и проч., — нужно ставить гораздо выше всего этого душу и ее ограждать от вредных влияний, от вредных мыслей, чувств и желаний. Сохраняйте и развивайте ее силы на соответствующей нравственно доброй деятельности, питайте ее необходимой духовной пищей — словом Божиим и молитвой. Тело — при всем старании и при всей осторожности — не охраните от болезней, ибо надлежит ему умереть, — это удел наш, но душа может и должна быть охранена от разложения, так как удел ее — вечность. Дерево смолоду бывает прямо или криво, и нравственное здоровье души во многом зависит от первых детских лет. Будьте же

осторожны и внимательны к себе, особенно теперь, когда душевная жизнь ваша только складывается. Храните себя от болезней душевных. Какие это болезни, — поговорим в следующих наших беседах.
Протоиерей *И. Восторгов*.

В НЕДЕЛЮ 29-Ю

Ныне же отложите вы та вся: гнев, ярость, срамословие от уст ваших. (Колос. III, 8).

Это вы слышали в нынешнем апостольском чтении: Апостол напоминает своим ученикам колоссянам, что они уже теперь христиане и поэтому должны с несравненно большей требовательностью относиться к своему поведению. Недалеко то время, пишет Апостол, когда вы были язычниками. То были дни, в которые вы были настолько порочны, что от вас нельзя было требовать расположения своей жизни по правилам и требованиям добродетели. Теперь не то, теперь, когда вас озарил чудный свет Христов, все старое нужно отложить, пороки отбросить, явиться во Христе новой тварью. И это понятно. Христианство есть по преимуществу вера мира и любви, чистоты и святости. *В христианстве ли место гневу, ярости, злобе, срамословию? Такие пороки пусть даже и не именуется в вас*, пишет Апостол в другом месте (Еф. V, 3).

Обратимся и мы каждый к своей жизни, прилагая к ней мерку, указанную Апостолом для определения ее нравственного достоинства, и что увидим? Пороки эти не только именуются в нас, но и усердно исполняются, как некая обязанность; жизнь настолько проникнута ими, что скорее напминает язычество, чем христианство. Итак, обращаясь к словам первых провозвестников Евангелия Христова, через десятки веков мы видим, что они писали как будто бы в наше время и имено нам. *Ныне же отложите та вся: гнев, ярость, злобу, срамословие от уст ваших.* Не подходит ли это к нам? И гнева, и злобы, и ярости разве не довольно в нашей жизни? А срамословие? Не им ли приобрел печальную известность русский народ? и не позор ли это Руси, которую величают святой, православной? Идете ли вы днем, ночью, во время ли службы Божией около народной толпы и сборища — обходите дальше, иначе вы оскверните и оскорбите слух ваш сквернословием и /.../

[*В оригинале пропущены две страницы.*]

/.../ высоты, но он был богат и из богатства сделал себе кумир, который и поработил его. Он все сделает, но только так, чтобы не трогали его кумира. Вот почему слова Господа показались ему жесткими, и он отошел от Него со скорбью. Так будет всякий раз, когда желание исполнить долг встретится с желанием сохранить и умножить богатство и стяжания. Несомненно, скоро придет время, когда заботы о сохранении, употреблении и умножении богатства поработят его окончательно, — и тогда вопросы о

нравственном совершенстве, о пути к жизни вечной уступят запросам жизни временной. Ум окончательно объят будет болезнью, которая на языке Писания называется *многопопечительностью*.

/Был/ у юноши зачаток и другой, очень опасной болезни ума — к *гордости*. Все это я сохранил от юности моей, отвечает он на предложение Господа исполнить общеизвестные заповеди. Ответ смелый и чрезвычайно самонадеянный, обличающий отсутствие правильно развитого нравственного чувства и внешнее понимание нравственного долга. Юноше казалось, что он уже находится у конца той дороги, которая ведет к совершенству духа: Спаситель показал ему, что он еще не вступил на эту дорогу, потому что не сумел еще владеть собой и подавлять себялюбивые мысли и желания. Юноша не понимал этого, хотя был учен; ученость не спасла его, как видите, от заблуждения. Напротив, ученая гордость — более всего ослепляет человека. Это она, замкнувшись в себе, желает измерить пядью небо — и проглядит, не найдет там Бога; она, значит, будет к последним и самым убийственным болезням ума — к *сомнению и неверию*. Утешительно, впрочем, что люди действительно ученые, не по имени, а на самом деле ученые, никогда не страдали ученой гордостью. Все величайшие представители науки были людьми глубоко верующими, и только недоучки, едва вступившие за порог науки, тотчас опьяняются успехами ума и впадают в сомнение и неверие. Так, в полутьме не видны на одежде и большие пятна, а при ярком свете бросаются в глаза и маленькие

пятнышки. Так, ум человеческий, достигнув высоты познания, замечает все их ничтожество и видит, что область непознаваемого простирается без конца, а узнанное так мало, так незначительно. Ум человеческий всегда ищет истины твердой и постоянной, точной и вечной и всегда себе равной. Без обладания такой истиной — жизнь просто мучительна. Но наука с ее колеблющимися выводами, с предположениями и утверждениями изменчивыми и часто взаимно уничтожающими друг друга, не дает такой истины. Ее может дать и действительно дает одна религия. Вот почему действительно ученые люди, свободные от многопопечительности и гордости, были свободны от религиозного сомнения, неверия.

Избави и вас, Боже, от этих болезней ума.

Протоиерей *И. Восторгов*.

В НЕД. СВВ. ПРАОТЦЕВ

I.

В историческом смысле слышанная нами сейчас притча Господа относится к иудеям, современникам И. Христа. Хозяин, устроивший вечер — это Бог Отец; вечеря — это даруемое Им спасение. Посланный с приглашением на вечер — это И. Христос, Бог превечный, но уничиживший Себя на земле, принявший зрак раба. Званные — это иудеи и, преимущественно, избранные из них фарисеи и книж-

ники; причина их отказа — привязанность к земным благам, которых не обещал И.Христос Своим последователям; взятые с улиц хромые и увечные — это мытари, рыбаки, люди по общему мнению низкие, и, наконец, язычники, вошедшие в царство Христа, в Его Церковь, обновившие и победившие мир.

Нельзя было лучше изобразить современное Спасителю общество. Но прочитанная притча имеет приложение и к современникам нашим и к нам самим. И ныне много званых, но мало избранных. И ныне проповедь Христова раздаётся торжественно и открыто, и призываются на эту вечерю Божию все. Зовёт людей Бог благодеяниями, зовёт несчастьями, зовёт голосом собственной нашей души. Но из всех званых особенно настойчивый и громкий призыв обращается к нам, людям науки. Научно мы можем доказать древность нашего божественного Писания; мы видим в нём поразительные пророчества, дивным образом исполнившиеся; мы поражаемся чистотой нравственного учения нашей святой веры о взаимной любви, о прощении обид и смирении, о любви ко врагам, запрещении мести, о чистоте нравов; мы знаем, что сделало это учение в мире: оно обновило мир и сделало людей людьми, и не даром истинная цивилизация возникла не в другом месте, а в христианской Европе.

Сколько призывов, — а где же последование? И не люди ли науки чаще всего бывают равнодушны к вере, ведут грубый и чувственный образ жизни? не книжники ли это, своей жизнью и убеждениями распявшие Господа Христа?

А рядом с ними — как много людей простых, по-видимому, неразумных, которые, однако, услышат голос Бога и следуют за Ним!

Из-за чего же, вы спросите, отказываются от вечери новые книжники?

В этом отношении они не отличаются от книжников древних: одному тяжело побороть в себе чувственность и проводить жизнь святую; другому — стыдно собратий и сотоварищей, иной увлекается наживой и за эту чечевичную похлебку продал свое первенство. Итак, много званых, а мало избранных. Постарайтесь же, дети, с юных лет развить в себе духовный слух, который чуток бы был к голосу Божию, развить такую любовь к религии, которая победила бы все препятствия от плоти и мира, и из званых сделала бы вас в избранных. Имея уши слышать, да слышит.

II.

Из притчи (Лук. 14, 16 и д.) не видно, имели ли желание быть в числе избранных все званые: видны только побуждения, которые заставили их отказаться от приглашения. Но если притчу эту приложить к нам, то положение дела станет еще более грустным. Все мы не только признаем себя в числе званых к высшему совершенству и к участию в царстве Божием, как царстве всего доброго и святого, но и всем сердцем желали бы оказаться в числе избранных, быть действительно на высоте нравственной, осуществить действительно в жизни своей

задачи царства Божия, т.е. начала добра и святости. В самом деле, никто, решительно никто из людей сознательно и намеренно не поставляет себе целью непременно быть дурным человеком, напротив, все мы до единого хотели бы и в будущем и в настоящем быть в числе хороших, нравственных людей, быть угодными Богу, полезными ближним. Отчего же так случается, что хотим быть хорошими все до единого, а действительно хороших людей среди нас так мало?

Оттого, дети, что хотеть быть хорошим не значит быть им на самом деле. Оттого, дети, что недостаточно признать истину умом и полюбить ее сердцем, но нужно еще и осуществить ее усилиями воли. Ясно, что причина малого числа избранных находится в болезнях человеческой *воли*, в ее слабости, в ее лени. И нужно сказать, что если какая-либо школа хочет принести действительное благо своим ученикам, обществу и человечеству, то она прежде всего должна воспитать волю детей, укрепить ее и направить на добрый путь. Вы можете видеть, что в попечениях об этом здесь нет недостатка. Вам назойливой может показаться та настойчивость, с которой требуют от вас постоянного, неослабного прилежания и внимания в учении и исполнении всех правил в поведении, правил, по-видимому, неважных и как будто мелочных. Но все это и делается с той целью, чтобы упражнять нашу волю, и тем укреплять ее и с детства указать ей доброе направление. Привыкнув теперь в вашем небольшом деле к исправности, настойчивости и исполнительности, вы тем са-

мым укрепите свою волю и сделаетесь способными исполнить в будущем и всякое другое дело, гораздо важнейшее, которое поручено будет вам обществом и государством. Так исполняются слова Христовы: верный в малом над многими поставлен будет.

Но всегда людьми сознавалось, что их собственных усилий недостаточно для полного укрепления человеческой воли. Павел ли, великий апостол, не владел силой доброй воли? Но и он свидетельствует о себе: "не то, что люблю, — т.е. доброе творю, а то, что ненавижу, — т.е. злое — сие содеваю". Посему и апостол Павел и все люди всегда искали подкрепления и основы для доброй и твердой воли в силе верховной и безусловной, т.е. в религии. Вот почему и вам внушают исправность в исполнении религиозных обязанностей. Исполняйте, как следует, долг религии, долг учения и правила благоповедения, и вы выработаете в себе волю твердую и добрую, способную со всей энергией и с полным успехом следовать добру. А без этого будут одни добрые намерения и пожелания без исполнения и осуществления. Известна истина: "добрыми намерениями вымощен ад". Никто, взявшись за плуг и озирающийся по сторонам, не годен для царства Божия, говорил Спаситель. Вот и еще Его слово: "царство Божие *силою* берется и употребляющие *усилия* получают его.

В НЕД. СВВ. ОТЕЦ

К этой вдохновенной проповеди апостола (Евр. XI, 1—XII—1), что прибавит слабое человеческое слово?

Пред вашим духовным взором проходят образы великих мужей древности, лучших людей дохристианского времени, скорбные образы ищущих правды и спасения, жаждущих Избавителя... "И все сии умерли в вере, не получив, не дождавшись обетования, а только издали видели их и радовались"... Радовались они в ожидании будущего; не больше ли радость нам, дождавшимся осуществления их ожиданий, получившим исполнение древних обещаний в лице Того, Чье рождество, осчастливившее человечество, мы скоро будем праздновать? И не побуждение ли это для нас всеми силами души отдаться возвещенному спасению, со всем усердием идти той дорогой, которая указана родившимся Сыном Божиим, столь долго ожидаемым? Говорят: трудно это. Да, правда, трудно, но не настолько, чтобы сказать: невозможно; трудно, но не труднее, чем древним праотцам и отцам, имена и подвиги которых вы слышали. Кому из нас дана тяжесть жизни Авраама и Моисея, кто из нас испытывал поругания и побои, узы и темницы? А те, которых недостоин был весь мир, как вы слышали, были побиваемы камнями, умирали в пытках и от меча, скитались нищими, терпя недостатки, скорби озлобления, гонимые, жили в пустынях и горах, в пещерах и пропастях земных. Трудно: но что же важное дается без труда, что ве-

ликое приобретается без подвига? Вы здесь желаете достигнуть просвещения и образования, — добрая цель и высокая. Что же, не трудом ли долгим и упорным, не усилиями ли она достигается? Как же хотим, чтобы возвышеннейший идеал веры, нравственное совершенство и спасение вечное давалось без труда?

Нам сказано: "царствие Божие силой берется, и употребляющие усилие получают его"; нам возвещено: "никто, возложивший руку на плуг и озирающийся назад, не годен для царствия Божия". В этом неустанном восхождении, в этом непрестанном подвиге светят нам, как путеводные звезды, образы святые, образы великих мужей древности, этих героев веры. Под их руководством, при свете их жизни и мы, имея такое облако свидетелей, свергнем всякое бремя и препятствующий нам грех, с терпением будем проходить предлежащий нам подвиг. Без труда же, терпения и усилия нам не дастся ничто великое. "Бог, по слову одного мудрого учителя, сотворил нас без нас, но спасти нас без нас не хочет". (Августин).

НА РОЖДЕСТВО ХРИСТОВО

Две великих, имеющих особенное значение, ночи было в жизни нашего Спасителя: одна ночь Вифлеемская, в которую Он родился и в которую Он, Царь неба и земли, положен был вместо младен-

ческой колыбели в ясли, другая — ночь Иерусалимская, в которую /Он/ в ожидании лютой смерти, изливал тоску свою пред Богом, потом предстоял на суде у Своего создания — человека и был осужден на крестную казнь теми, которых возлюбил до конца, для которых родился и которым Сам ничего не желал, кроме величайшего блага. Воспомяв сегодня первую ночь, первую и в Его жизни, приступим к Вифлеемским яслям и поклонимся Возлежащему в них, пеленами младенческими обвитому Господу. Поклонимся и посмотрим, что нашел Господь для Себя, когда родился, чтобы спасти людей. Рассмотрение этого может быть для нас поучительно. Вот Царь царствующих и Господь господствующих приходит на землю, приходит Жданный всем человечеством, приходит Тот, о Котором вещали все пророки, Которого в продолжении тысячелетий верой ожидали праведники. Пришел на землю Царь, совершилась велия благочестия тайна: Бог родился во плоти. В каких палатах поместили блаженную Мать Его? какое место подготовили для Высокого, как сказали бы теперь, Новорожденного? Подготовили Ему скотскую пещеру, приготовили Ему колыбель — ясли. Куда записали имя Новорожденного Царя? в каких манифестах возвестили миру о появлении Его на свете? Записали в списке рабов Кесаря Августа, повелевавшего в то время написать всю вселенную. Взглянул ли владыка Рима на эти списки и видел ли там в числе своих подданных имя Родившегося Иисуса, сына плотника из Назарета, пред Которым чрез несколько веков склонилась в

благоговейном почтении огромная всемирная империя? Какая свита около народившегося Царя? — Бедный плотник Иосиф и его нареченная жена — смиренная Дева Мария. Не блестящая свита; впрочем, еще было два, но бессловесных существа около Иисуса, которые и оказали Ему некоторую услугу. Повествует предание, что при рождении Иисуса в пещере стояли вол и осел; безмолвно уступили они Ему ясли и своим дыханием согревали Новорожденного в холодную декабрьскую ночь. Слава страстем Твоим, Господи, и святому Твоему воскресению, восклицаем мы при воспоминании страшной Иерусалимской ночи, ночи Его осуждения на смерть. Слава безмерному снисхождению Твоему, Владыко, безмерному унижению, воскликнем и ныне, при воспоминании ночи Вифлеемской, ночи Его рождения. Но вот рождение Бога Младенца совершилось: ангелы о Нем пели, небо возвестило о Нем чудесной звездой, земля принесла Ему в дар пещеру, бессловесные животные и те послужили, чем могли. Где же люди, они что сделали?

Вот простые пастухи, стерегущие стада свои на полях Вифлеемских, простецы веры, не мудрствующие лукаво. Ангел заключил свое благовестие к ним словами: Вот вам знамение — обрящете Младенца повитого и лежащего в яслях. И несмотря на простоту знамения, они поверили ему, пошли в вертеп и поклонились лежащему в яслях Младенцу, как своему Владыке и Господу. О, святая простота веры!

Вот волхвы, служители науки, из далеких

стран пришедшие поклониться Царю Иудейскому, звезду Которого увидели на востоке.

Вот книжники Иудейские и весь Иерусалимский синедрион, почивающий на законе, знающий по пророкам, где Христос рождается.

А вот кровожадный Ирод, лукаво выведывающий от волхвов время появления звезды и уже строящий против Христа козни и питающий злые замыслы. Что же, узнав от волхвов весть чудную, подвинулся ли он на поклонение ожидаемому столько веков Царю Мессии, рожденному в Вифлееме? Нет, он выдал волхвам как бы справку из книг о месте рождения Спасителя мира, а сам остался холодным и равнодушным, погруженным в свои политические счета и расчеты. Он, знающий, где Христос рождается, не познал Его, когда Он, действительно, родился.

А вот, наконец, и жители Вифлеема, и собравшиеся сюда со всех концов Палестины рассеянные по ней царственные потомки Давидовы, торопящиеся поскорее исполнить волю всемогущего Кесаря и потом отойти каждый на села своя, во град свой, — холодная, тупая и равнодушная толпа, не приметившая, как около них, в их же городе родился Спаситель мира, из-за Которого сам незначительный Вифлеем, по пророку, был не мал, велик среди городов Иудиных.

Вот люди, которых мы видим при рождении Христовом и их отношение к этому великому событию. Современное человечество не представляет ли нечто подобное указанному?

Рассмотрение всего этого поучительно для нас. Ибо хотя и родился Спаситель, и жил, и учил, и страдал, и умер, и весь мир победил, и весь мир уловили Ему Его св. Апостолы, но и доселе около Него есть и пастухи, и волхвы, но есть и синедрион Иерусалимский, и Ироды, и суетливая в погоне за благами мира, все забывающая толпа Вифлеемская. Люди каковы были прежде, таковы и теперь. Сколько есть и ныне смиренно верующих в простоте сердца в рожденного в Вифлееме Бога, сколько их по городам и весям, особенно в нашем обширном царстве: и доселе эти счастливы, как и при Христе, больше в низкой доле, — это больше люди, так называемые, темные, но не всегда таковые на самом деле; есть и волхвы, люди ученые, внимательные испытатели судеб Божиих, оправдывающие на деле ту высокую истину, что всякая наука ведет к Богу; эти люди — цвет и украшение нашей науки, нашей православной цивилизации. В тиши своих ученых занятий, часто смиренно и никому неприметные, одушевленные св. верой, они громко проповедуют и доселе миру о Родившемся некогда в Вифлеемских яслях Боге. Есть и гордецы науки, люди с великим ученым самомнением, воображающие, что они смеряли пядию небо, но не отыскали там Бога. Подобно синедриону, не узнавшему в смиренном сыне Марии своего Царя, они проглядели в своих ученых изысканиях Бога; подобно Ироду, они больше всего боятся за свой авторитет, ищут прежде всего своей славы, часто ложной, ищут больше всего своего блага; всякая мысль о Боге им ненавистна, как тяжкий

упрек, как живое отрицание всякого значения за их мудрствованиями и изысканиями; подобно Ироду, если они и знакомятся с истиной, положенной в слове Божиим, заключенной во Св.Церкви, то не для того, чтобы благодатно освятиться ею, а чтобы лучше суметь подкопаться под нее, перетолковать и извратить ее на погибель себе и другим. Слава Богу, мало таких, но к счастью и Ирод был только один. Наконец, большинство из нас, увлекшиеся благами и красными мира, в своих заботах о службе, обеспечении, услаждении чувств и временной греха сладости, живущие так, как будто бы придется на земле быть вечно, не думающие ни о Боге, ни о смерти, представляем мы, как бы жалкую толпу Вифлеемлян.

Вокруг нас все напоминает о Боге, явные и дивные знамения Божия посещения, то в ударах бича Его — как в голоде и в народном бедствии, то — в знамениях милости — в чудесах и исцелениях. Вокруг нас Церковь, внимательно испытывая прошедшие судьбы человечества празднично вспоминает и останавливает наш взор на великих событиях Божия домостроительства о нашем спасении, — а мы, хотя и прониклись смыслом совершающихся вокруг нас событий, умягчились ли сердцем при воспоминании священного события, горняя мудрствуем, или по-прежнему земная?

Итак, остановившись мыслью на лицах, окружавших Господа при Его рождении, мы видели, что и ныне люди занимают по отношению к Нему такое же положение, как и 19 веков тому назад. Только

ли ограничимся тем, что увидели это, или и назидание себе вынесем, уроки нравственные получим?

К какой из перечисленных групп пожелали бы мы принадлежать? Что и мне пожелать вам в настоящий великий праздник?

Если принимать во внимание ваше положение, как учащихся и будущих мужей науки, пожелаю вам быть подобными волхвам ученым, которых наука привела к Богу из далеких стран, которых благоговение заставило принести Христу дары и поклониться Ему, Царю и Богу. Кланяйтесь и вы Ему ныне и во все дни жизни несите ему дары от своего усердия, и злато и ливан и смирну. Помните, что истинное знание, истинная наука никогда и никого не поставляла в сообщники Синедриона, или Ирода, или толпы Вифлеемской. Учитесь, зрите во славу Божию и наукой, как Рождественской звездой, приводитесь к Вифлеемской и Голгофской пещере.

Но хотя и похвально поступили волхвы, а не они первые удостоились поклонения Христу: смиренные пастухи, не могшие принести Ему в дар ничего, кроме своей веры, и явление ангелов видели, и Богомладенцу в яслях первые поклонились. Божественная благодать впервые открылась людям простым и немудрым. И я особенно пожелаю вам ныне, чтобы вы вместе с развитием научным сохраняли ту детскую простоту, чистоту и непосредственность веры, за которую возвеличил Бог пастухов Вифлеемских. О, святая, блаженнотворная простота веры! Она первая удостоилась приблизиться к родившемуся Богу. Кто нашел ее, поистине нашел

сокровище! Жизнь для него чище, счастье для него выше, горя для него меньше, Бог к нему ближе. Живет такая простая вера среди простых, немудрых людей сердца, совершающих свой незаметный подвиг жизни. Находит себе место везде и всегда, применима ко всем людям.

Ибо что было бы, где была бы правда Божия, если бы только волхвы и им подобные люди науки познали и могли познать Христа, Жизнь всего мира? А простота веры доступна всем, всем несет радость о Христе и надежду спасения. Что окружало Спасителя в жизни, в чем Он находил Себе, как человек, хотя малое утешение? В простоте веры своих последователей. Дивное явление представляют собой и пастухи у Вифлеемского вертепа, и рыбаки апостолы у Иерусалимского Креста.

И когда люди истомятся в бесплодных исканиях земных целей, когда наука, отрешенная от религиозной почвы, сама познает собственное свое бессилие, когда руководители жизни общественной изнемогут и почувствуют бесплодность своих исканий и беспомощность своего разума, то куда они нас тогда позовут, где обрящут спасение? Откройте книги наших лучших писателей и найдете ответ. Зовут они нас тогда в народ и из глубины его духа, из простоты его непосредственной веры, из искренности его глубокого религиозного смирения чают себе отрады и утешения и спасения.

И ныне и сейчас, что может соединить нас вместе в этом храме, что может заставить слушать немощное слово проповедника и, может быть, дово-

дить его до сердца, будить лучшие мысли и чувства и склоняться низ к подножию Вифлеемского вертепа?

О, святая простота веры! Она наполняет жизнь нашу неземными утешениями, она в праздниках наших несет нам радость неизглаголенную, она и ныне заставит нас радоваться, как будто сегодня, сейчас и вот здесь только родился нам Христос Господь. Кто нашел тебя, тот воистину нашел сокровище. Жизнь для него чище, счастье его выше, горя у него меньше, и Бог к нему ближе. Аминь.

Протоиерей *Иоанн Восторгов*.

ЦЕРКОВНОСТЬ

Мы называем наш журнал тем именем, которое для нас всегда особенно дорого, а в настоящее время — дорого по преимуществу. Вера есть святая святых нашей души; она необходима, естественна, неистребима в нашем сердце, она для души то же, что дыхание для тела. Никогда не было и никогда не будет времени, и не может быть такого времени, когда бы люди, все и по всей земле, оставили веру и стали бы безбожниками. Поэтому-то по причине того, что потребность веры нельзя в человеке окончательно подавить, а можно только временно ослабить, и притом не во всех людях, а только в некоторых отдельных их группах, — по этой-то причине всегда после некоторого упадка веры всегда бывает ее оживление и подъем.

Такие именно дни мы и переживаем теперь.

Но когда море взволнуется бурей, то долго и

после прекращения бури вода не успокаивается и продолжается волнение; когда лошади разнесут в дороге повозку, то и после того, как они перестанут бешенно мчаться, колеса не сразу попадают в колеи. Так точно случается и в духовной области. После бури сомнений, после бешеного разбега всяких страстей и ложных учений, души, хоть и ищущие веры, не сразу находят истинный ее путь.

Путь святой Христовой веры раз и навсегда открыт и указан Господом только в *Его Церкви*. Всякий иной путь есть блуждание и заблуждение. А по дороге неверной никогда не придешь туда, куда надо. Церковь есть единственная руководительница верующей души к Богу, небу и вечному спасению. "Кому Церковь не Мать, тому и Бог не Отец", сказано очень давно святым епископом Карфагенским Киприаном, 1700 лет тому назад. Раньше его говорили о том же ученики святых апостолов св. Игнатий Богоносец, святой Папий Иерапольский, св. Поликарп Смирнский, св. Иринея Лионский, а св. Киприан Карфагенский и позднее св. Златоуст выразительно поучали, что *грех противления Церкви нельзя загладить даже мученической кровью*. Наш русский великий святитель, митрополит Московский, святой Алексей, в послании своем к чадам русской Церкви писал, что как не пропадет из стада и всюду заметна овца меченая, так не затериваются и не гибнут и Богу дороги христиане, имеющие помету: Тело и Кровь Господа Иисуса Христа, приемлемые во святой *Церкви*.

К сожалению, видим, что после блуждания неверия и сомнений многие наши братья все еще идут путем не церковным, то есть ложным: этим путем они не к Богу и Христу идут, а удаляются от Христа,

и не спасение найдут, а гибель. Гибельный путь есть всякого рода сектантство и самоизмышленные общества религиозные вне ограды Церкви Божией.

Что же нужно им для спасения? Нужна *Церковность* веры и жизни, мысли и чувства, молитвы и всего поведения христианского. А что нужно нам, верующим и церковным людям? Та же святая *Церковность*, бесконечно развиваемая и углубляемая в душах наших и во всей нашей жизни. Ибо Церковность есть жизнь в Церкви, а Церковь есть собрание верующих по *любви* к Богу и по взаимной *любви* к ближним под главенством Христа Господа. На сих двух заповедях основана, по слову Христову, вся жизнь верующих во Христа. Значит, в Церкви и церковности и только здесь заключена *полнота христианской истины, христианской веры и жизни*.

Вне Церковности — отделение от Бога и отделение от ближних, гордыня и восстание против Бога и Его слова.

Церковности, святой Церковности по мере сил мы служили до сих пор. Церковность же будет знаменем нашего журнала и в будущем. С Новым Годом, дорогие читатели!

Протоиерей *Иоанн Восторгов*.

О ПОДПИСКЕ НА 1918 ГОД

Великая всемирная война и происшедший на третьем году ее революционный переворот вызвали гибельное расстройство в общественной жизни страны и привели великую Россию к совершенному безначалию и жизнь в ней к полному развалу. Немало и Православная Церковь в исте-

кающем году испытала волнений и беспорядков, возбуждаемых и устраиваемых разным безумными, своевольными нецерковными людьми, каковы бывший обер-прокурор Львов, протоиерей Цветков, профессор Титлинов и им подобные революционеры-реформаторы. Всероссийский Церковный Собор много уже сделал для упорядочения жизни Церкви и управления ею, и можно быть уверенным, что возглавляемая теперь Патриархом Русская Церковь крепко будет охранять истину Православия, и твердо содержать правила, принятые ею от Св. Отцов и Учителей, и что внешние бури и волнения, коими и до сих пор еще обуреваются земля Русская, уже не смогут направить корабль нашей Церкви на ложный путь реформации. Но сделать это и теперь все еще устремляются многие революционеры-обновленцы и, пользуясь неустойчивостью окружающей нас государственной и общественной жизни, стремятся и в сферу Православной Церкви влить яд своеволия и бесцерковья, внести в жизнь и управление Церкви губительные начала борьбы мирян и иерархии, т.е. пресловутой "классовой борьбы", вместо духа любви и единения.

Сложить оружие и оставться в бездействии в такое опасное и тревожное время мы считаем невозможным, и потому, несмотря на невероятные трудности издательства журнала в наше время, будем продолжать нашу "Церковность" и в будущем 1918 году, освещая вопросы и события церковной и общественной жизни с православно-церковной точки зрения.

Ввиду технических затруднений печатания журнала в увеличенном объеме, вследствие чего за последнее время номера журнала выходили с большим запозданием, в 1918 году "Церковность" будет выходить в объеме 4-8 страниц, но по возможности аккуратно и еженедельно, причем проповеднический материал и особые поучения для детей под заголовком "В школе" будут печататься в журнале и рассылаться подписчикам с таким расчетом, чтобы могли быть получены на месте своевременно. Чтобы не лишать наших подписчиков назидательного чтения, в первой половине наступающего 1918 года мы решили предложить своим под-

писчикам в качестве особого приложения нижеследующие книги: 1) Митрополит Владимир — "Где истинное счастье: в вере или неверии?"; 2) Профессор Алексей Введенский — "Социализм как нравственная и теоретическая задача"; 3) Варжанский — "Оружие правды", конспект для ведения противосектантских бесед; 4) Сборник проповедей прот. И. Восторгова, изданный в дополнение к 3-му тому полного собрания его сочинений; 5) Листки и брошюры разных названий.

Вследствие непрерывного повышения цен на рабочие руки и бумагу и неустановившегося порядка в государственной и общественной жизни, подписка принимается только на полгода с 1 января по 1 июля 1918 года.

Подписная цена за полгода со всеми приложениями 6 рублей с пересылкой. Без приложений — 3 рубля. Выписывающим сотнями и полусотнями для продажи при церквях и раздачи народу — 2 рубля.

О подписке на вторую половину года будет объявлено особо.

Адрес редакции: Москва, Пятницкая, 18.

Редактор-издатель Прот. И. Восторгов.

СОДЕРЖАНИЕ: О совѣсти 20, 21, 22 и 23,—прот. І. Восторгова
Памяти митроп. Филарета,—прот. І. Восторгова. Почитаніе Богоматери,—
прот. І. Восторгова. Зло подѣ личиною добра,—прот. І. Восторгова. Само-
мѣніе,— прот. І. Восторгова. Въ нед. св. Отецъ,—прот. І. Восторгова. Бли-
зость Господа,— прот. І. Восторгова. **На новый годъ**,—прот. І. Восторгова.
Въ Школѣ: Въ нед. 26, 27, 29, 30. Простецъ I и II; Св. Отецъ; На
Рождество Христово,—прот. І. Восторгова. Церковность,—прот. І. Восторгова.
Объявленія.

К ГОДОВЩИНЕ КАНОНИЗАЦИИ ОПТИНСКИХ СТАРЦЕВ

ВОСПОМИНАНИЯ О СТАРЦЕ НЕКТАРИИ

Н.А.Павлович

Батюшка родился в 1852 году.

Приход в монастырь — 1876 год.

1887 — постриг.

1894 — иеродиакон.

1898 — иеромонах.

1913 — избран Старцем.

Особенно настаивал на избрании его Старцем архим. Агапит. Духовный отец его и учитель по смерти батюшки о. Анатолия Зерцалова.

Архим. Агапит — одна из таинственных фигур в Оптиной. Он был исключительно образован (в мирском смысле и вместе духовно одарен.) Ему предлагалось и архиерейство и старчество, но он не захотел принять на себя подвиг общественного служения. В старости он стал юродствовать, заболел,

Св. Старец Нектарий. Рис. Л. Бруни

порой впадал как бы в слабоумие, хотя в просветах сохранил и прозорливость, и всяческую высоту духовную. Жил в больнице. Батюшка Нектарий говорил, что болезнь его — наказание за отказ от общественного служения.

О Старце Агапите очаровательно рассказывала сиделка Дунечка, ходившая за ним в больнице. Однажды она тихонько сняла его четки с перекладины постели, где они всегда висели, и взяла их с собой в храм. "Вот-то, — думает, — помолюсь я по его четкам!" Старец Агапит словно бы и не заметил, как она четки брала. Стоит Дунечка в церкви, пробует молиться по его четкам, а ее в сон клонит. Никогда в жизни она так спать не хотела — засыпает стоя — и все. Тут она видит, что неладно что-то, раскаялась и понесла четки обратно. Хочет их незаметно повесить на место. А Старец Агапит открыл глаза, смотрит на нее и смеется: "Открой-ка мой ящик". Дуня открыла. "Вот возьми там четочки. Те легонькие, а эти мои слишком тяжелы для тебя".

Старец Нектарий ходил исповедываться к о. Агапиту в больницу и советоваться с ним. Когда Батюшку избрали Старцем и братским духовником, он трижды отказывался, плача, и лишь за послушание принял этот крест. Уже на хуторе Вас. Петр. он сказал мне: "Я уже тогда, когда избирали меня, предвидел и разгон Оптины, и тюрьму, и ссылку и не хотел брать всего этого на себя".

Он часто говорил: "Как я могу быть наследником прежних Старцев? У них благодать была целыми караваями, а у меня ломтик".

Про Старца Амвросия: "Это был небесный человек или земной ангел, а я едва лишь поддерживаю славу Старчества".

Духовный путь Батюшки был окрашен юродством. Он юродствовал и в платье (в прежние годы), и в еде. Носил яркие платки, шапки, пестрые кофты и шали. Сливал весь обед: и щи, и кашу, и холодец, и кисель в одну кастрюлю. Смущал еще тем, что играл игрушками. Я поинтересовалась, какие же у него были игрушки. Оказалось — трамвай, автомобиль и т.п. Меня он просил привезти ему игрушечную модель аэроплана. Так играя, следил он за движением современной жизни, сам не выходя десятилетиями из Скита. Я помню, на хуторе у Вас. Петр. стоит он на крылечке и глядит на Плохинскую дорогу, по которой тянутся возы на базар. Он глядит своим прекрасным умным человеческим взором — и вдруг круто поворачивается ко мне: "...ведь я 50 лет этого не видел".

Еще был у Батюшки в Оптиной музыкальный ящик, и граммофон он завел с духовными пластинками, да скитское начальство отняло его у него и запретило заводить. Еще были у него прелестные миниатюрные вещицы, — какие-то ножнички и наперсток, помещающиеся в орехе, какие-то безделушки из слоновой кости, которые он в минуты отдыха рассматривал. В нем было чутье и понимание изящного. Его пальцы удивительно касались всех этих хрупких вещиц. А потом у него была птичка, в которую можно было дуть, и она свистела, и он заставлял пищать в нее взрослых людей, приходивших к нему с пустыми горестями. И был волчок, который он заставил запускать известного русского профессора. И были детские книги, которые он давал читать мне и подобным мне. И у него были кисти и краски — весь набор художника. Но его взяли при обыске, и он долго на это жаловался.

С раннего утра и до поздней ночи — непрерывный поток посетителей со всех концов России.

Вот он выходит на благословение — в шапочке, в фиолетово-малиновой ветхой епитрахили с убогими галунными крестами. В руке свеча. Идет по рядам, за ним келейник. Старец никогда не торопился на благословение и никогда не опаздывал. Отец Макарий пасечник сказал про него: "Он никогда не выйдет к посетителю сразу, всегда даст подумать, зачем ты пришел".

Наступает революция 1917 года. В 1923 году Оптиная, как монастырь, ликвидируется, Батюшку арестовывают.

Его вели по Скитской дорожке в монастырский хлебный корпус, превращенный в тюрьму. Дорожка мартовская, обледенелая. Он шел и падал.

Келья, где он сидел, была перегорожена не доверху. Во второй половине были конвойные. Они курили. Он задыхался. Потом его перевели в больницу.

В Страстной Четверг, как ударили к 12-ти Евангелиям, повезли в тюрьму в Козельск. За кучера ехал брат Яков. Сначала привезли его в милицию, там было очень плохо, но потом удалось устроить Батюшку в больницу, и здесь только часовых поставили.

Следствие показало, что он неповинен ни в какой контрреволюции, он был освобожден, даже имущество ему было возвращено, но по административным соображениям его выслали за пределы губернии.

Сначала он поехал на хутор Василия Петровича в 45 верстах от Козельска, но это еще Калужская губерния — 2,5 версты от границы ее с Брянской, и оставаться здесь нельзя.

Здесь Батюшку поместили в отдельном доме. С ним был келейник Петр. Потом приехала я с Феней. Батюшка был очень печален, плакал целыми днями. Хозяева служили ему от всего сердца. Вас. Петр. и жена его истинные христиане и преданные Батюшке духовные дети. И нас они привечали, как родных.

Здесь Батюшка иногда выходил на воздух, гулял в полях, однажды я гуляла с ним. Он был в коричневом подряснике, в широкой светлой соломенной шляпе, раньше принадлежавшей о. Иоанну Кронштадтскому. Я вела Батюшку под руку. На неровных местах поддерживала его; а он шел тихими, мелкими, колеблющимися шагами.

Мы сначала пошли в сад — прекрасный, весь цветущий. Батюшка посмотрел на него, вдохнул аромат, улыбнулся и сказал: "Я боюсь клещуков". Я обещала принести ему цветущих веток в комнату.

Потом мы пошли осматривать двор, машины, постройки. У Вас. Петр. культурное хозяйство. Батюшка всем заинтересовался: и колодцем, и машинами, — благословлял все. С любовью и особенным уважением благословил старушку-работницу. Потом еще долго стоял на крыльчке.

С хутора, еще в самом начале, Батюшка послал меня в Холмищи посмотреть квартиру Андрея Евфимовича. Надо было выбрать, куда перевезти Батюшку — в Плохино, большое село в 2-х верстах от Вас. Петр., или в Холмищи, в 14-ти верстах (и то, и другое уже в Брянской губернии). Андрей Евфимович умолял, чтобы Батюшка устроился у него. Я поехала. Квартира мне понравилась, светлая, чистая, для Батюшки отдельная половина. Андр. Евфимович страшно ухаживал за мной, обещал устроить и

меня и Петра, обещал покоить Батюшку — я согласилась, вернулась к Батюшке и дала хороший отзыв о Холмищах. Батюшка переехал, но уже без меня, потому что тут я захворала малярией и уехала лечиться в Москву. А когда я вернулась, Андрей Евфимович был уже другим человеком. Он был груб не только со мной и с Петром-келейником, но и с самим Батюшкой. В один прекрасный день Андрей Евф. заявил, что он требует прекращения моих посещений Старца (я жила в доме напротив), и Батюшка едва вымолил (я слышала, как он умолял) позволения для меня приходить два раза в неделю.

Я была в ужасе, чувствуя свою ответственность за неудачное помещение Старца и умоляла его позволить мне поискать для него другую квартиру, но он сказал: "Меня сюда Бог привел".

Скоро после этого он отправил меня в Ленинград.

Но тут-то на хуторе и в Холмищах у Батюшки одно время был страшный упадок духа. На хуторе он прямо сказал мне: "Не спрашивай меня ни о чем. Сейчас я не могу быть Старцем. Ты видишь, я не знаю, как я сейчас собственную жизнь управлю". И я служила ему как дочь и как сиделка, не спрашивая ни о чем. Наш день проходил так: я спала с Феней в том же доме, где он, на другой половине. Утром мы шли на благословение, и я оставалась и поила Батюшку чаем. Потом я убирала посуду, а Батюшка начинал перекладывать сухарики или сидел в страшной грусти. Однажды я заметила, что он нервничает и как-то не так, как всегда, возится со своими коробочками. Я спросила, что с ним, и чтобы он оставил все это, я уберу. Он сказал очень быстро и жалобно: "Ты думаешь, мне легко? В Скиту у

меня посетители были, и грядка моя была под окном, и я трудился там. А сейчас что мне делать?" Потом плакал: "Я умру голодной смертью". Потом мы шли в его комнату, где он ложился и спал, а я садилась рядом, и читала ему вслух Добротолюбие 5 том, или он просто говорил со мной. Часто от слабости он засыпал, и я переставала читать и только берегла его сон. Иногда он впадал в полное малодушие и плакал у меня на руках, как ребенок, особенно если приходили посетители. Он никого не хотел принимать, и я умоляла пожалеть приходивших. Я помню один ужасный день. Он отказался наотрез. Наконец я в отчаянии сказала ему: "Батюшка, ведь это за 500 верст люди приехали. Если пастырь впадает в такое малодушие, чего же можно требовать от овец". И он принял, но велел мне не отходить. И я видела дивное и страшное. Уговаривала я плачущего слабого старца. И вот на моих глазах он выпрямился и стал величественным. Вошли посетители. Перед ними был Оптинский Старец. Он говорил с силой и властью. Через минут 15-20 отпустил их, и опять немощь человеческая вернулась к нему.

Обедали мы розно. Он у себя, я у Вас. Петр., затем он отдыхал один, а я уходила гулять. Часов в 5 мы опять вместе пили чай. Затем приходили хозяева, разговаривали и молились. Потом опять порознь ужинали, и после ужина я к Батюшке обычно не входила.

ПОСЛЕДНИЕ ДНИ

В феврале 1928 года я узнала, что у него (о. Нектария) открылась грыжа и что доктор признал его положение опасным. Я мгновенно поехала к не-

му. Батюшка позвал меня к себе. Он полусидел на постели с очень светлым помолодевшим лицом, с блестящими и страдальческими глазами...

Меня пронзило такое ощущение его святости и вместе — моей неразрывной связи с ним, и боли за его человеческую боль, что я только тихонько опустилась и поцеловала его сапожки.

А когда подняла голову, увидела, что лицо его все просветлело нежностью и что он крестит меня. Он сказал мне: — Н. Ты видишь, что я умираю.

...Я очень растерялась от прямого его слова о смерти. Он долго смотрел на меня:

— Ты не погибла. Ты грешна, но дух у тебя истинно христианский. Эти же слова он сказал мне во время первой моей исповеди у него в 1922 году.

...Потом смотрел на меня: — "Над тобой туча демонов. Ты непременно исповедуйся и причастись". Я сказала: — "Я так бы хотела исповедаться у Вас". Он улыбнулся: "Я от тебя не отказываюсь. Только груз у меня. Нет сейчас сил у меня. Ты исповедуйся у другого православного священника. И только в красную церковь не ходи".

...Он еще посидел немножко с очень отрешенным и бесстрастным лицом и ел сухарики. Потом поднял голову и сказал: — Пойди теперь. И завтра пораньше уезжай".

...Он благословил меня и сказал: "Ночью перед отъездом приди ко мне"... До трех часов ночи пролежала я без сна... Пробило три. Иду на Батюшкину половину. Из темноты голос: — "Н! Воды!"

На лежанке, в аршине от Батюшки был чайник с водой и пустой стакан, но дотянуться до них, и тем более налить воды у Батюшки не было сил. А перед этим у него была рвота. Я напоила его. Он попросил

положить в воду сахару и долго выбирал нужный кусок: "Вот этот положи, квадратный". Потом он приподнялся и спустил ноги с постели. Он был в белом халатике с отложным воротником, и опять юным и белым было лицо.

Он заговорил очень отчетливым, ясным и громким голосом. Я поняла — сейчас опять говорит только Старец: — "Я умираю и вымолю тебя у Бога. Я все твое возьму на себя. Но одно испытание ты должна выдержать сама. Ты должна выдержать опять такое же искушение: если ты покончишь с собой — не взыщи!" И голос его стал нежным: — "Н! Умоляю тебя, выдержи, вытерпи. Но когда я умру и меня не будет, ты вспомни то, что я сейчас говорю тебе. Как придет искушение, ты только говори: "Господи, помилуй!""

Я посмотрела на него. Чего-то я не понимала и спросила: — "Батюшка, о чем Вы говорите: о прошлом или о будущем?" Он улыбнулся: — "И о настоящем".

Я сказала: "Я боюсь".

— А ты не бойся. Ты только сохрани Причастие, и все будет хорошо... Потом был разговор о некоторых моих знакомых. Сначала о Нектарии кое-что говорил, а потом сказал: — "Я больше в ваши мирские дела входить не могу. Помни, что я — монах последней ступени". Тут я увидела, что лицо его делается усталым, и голос слабеет.

— Что мне прислать Вам?

— Благодарствую. Ничего не надо. Только вина... портвейна. Я им свои силы поддерживаю...

А потом Батюшка сказал очень строго:

— "Передай всем, что я запрещаю ко мне приезжать". Пауза... Другим жалобным тоном:

— Передай, что я умоляю, чтобы не приезжали: от этого мне еще больнее.

Я видела, что слабость Батюшки с каждой секундой увеличивается. Я вспомнила, что у меня целый список вопросов... но Батюшка уже бледнел у меня на глазах.

— Пощади меня, больше не могу.

Лицо его совсем побледнело... Он что-то невнятно пролепетал и стал клониться на бок... Вошел хозяин и стал помогать мне: взял Батюшку за туловище, я — за ноги, и мы удобно уложили его. Он лежал на боку и чуть заметно перекрестил меня.

— Андрей Евфимович, проводите их. Я поклонилась ему и вышла.

...На хуторе у Вас. Петр. он говорил мне: "По-едем в Японию, там Православие сохранилось..."

О духовных подвигах, конечно, не рассказывал, только сказал как-то: "Сидел я в своей келье и каялся. И ничего нет на свете скучнее покаяния. А надо", — и засмеялся.

...Тихий, тихий вечер в Холмищах. Батюшка в своем кресле. — Ты знаешь, как сладок отдых после труда. Вот я теперь отдыхаю. Он говорит мне о трудностях предстоящей мне жизни. Я огорчилась... — "Можешь ли ты понять? Это — о самом высоком. Бог — Любовь есть. И Христос по любви сошел в мир. А Мария Египетская в пустыне была по любви".

Рассказывали, что еще во время ареста, когда власть требовала, чтобы Батюшка отказался от приема посетителей, ему явились все Оптинские Старцы и сказали: "Если ты хочешь быть с нами, не от-

казывайся от духовных чад твоих". И он не отказался.

А второе явление Оптинских Старцев было ему тогда, когда хотели увезти его из Холмищ, тогда они запретили ему уезжать.

Я /Н./ чувствовала свою ответственность за неудачный выбор местожительства для Батюшки (в Холмищах), умоляла его позволить мне поискать ему другую квартиру, но он сказал: "Меня сюда привел Бог".

ВОСПОМИНАНИЯ ОБ ОПТИНСКОМ СТАРЦЕ О. НЕКТАРИИ

Запись со слов Н.Д.

Я ездила в Оптину с 1907-го года. Там передо мной, как солнце горел о. Анатолий, а на других Старцев я и внимания не обращала, только по большим праздникам ходила на благословение к бат. Иосифу. Несколько раз я в то время встречала я бат. Анатолия, бат. Нектария — тогда еще иеромонаха. Ходил он в шали, на одной ноге — башмак, на другой — туфля, и вообще будто юродствовал. Одной моей подруге бат. Анатолий сказал: "Попроси благословения у о. Нектария. Это наш Скитский затворник и молитвенник. Он — великий муж".

Когда Батюшка стал Старцем, однажды на Новый Год я с моими подругами пошла к нему. Он сразу нас принял и сначала все говорить о судьбе моей подруги: "Твоя судьба за чашкой чая определится". Так и случилось впоследствии. Пила она чай

у батюшки о. Анатолия; тут вошла ее мать и тут же благословила ее на монашество.

А я стою в стороне, пока батюшка Нектарий говорит с моей подругой и рвусь к бат. Анатолию. И вдруг моя душа стала смягчаться, и я подумала: "Батюшка Нектарий прямо Ангел".

Тут он позвал меня к себе, и я ближе всех очутилась к нему. "А твоя судьба не решена еще", — и стал говорить о нерешительности моего характера.

Потом стал он оделять нас апельсинами, всем по одной доле дает, а мне — двойную. Его и стали спрашивать, почему нам постольку, а Н. вдвойне? А он говорит: "У Н. две руки".

А потом, через много лет, напомнил мне: "Я потому сказал, что у тебя две руки, что мы тебя вдвоем поддерживаем — я и бат. Анатолий". После этого раза он долго не обращал внимания на меня, и я к нему не ходила.

Умер батюшка Анатолий — я переселилась в Брянскую губернию и обрадовалась, что тут батюшка Нектарий живет. В моем селе одна женщина увидела во сне старца — монаха со слезящимися глазами, который сказал ей: "Ты придешь ко мне". По описанию ее я узнала батюшку и предложила ей поехать вместе со мной к нему. В тот день, как мы приехали к нему, Батюшка отказался обедать: "Сегодня у меня гости будут, которых покормить надо". А мы, правда, приехали к нему голодные. Пошла мать Е. доложить о нас, имен-то наших она не знала. Выходит от батюшки и говорит мне: "Это вас Н.В. зовут? Батюшка сказал, что Н.В. приехала, я ее давно жду". А когда я вошла к нему, он сказал: "Батюшка Анатолий поручил тебя мне и просил за тебя. Я тебя три года дождался и молился — и вот

Вы изволили прибыть”. А та женщина, что приехала со мной, как увидела его, так и закричала: ”Ты самый меня звал, я, Батюшка, пришла к тебе”. А Батюшка сразу ушел к себе в комнату.

Первым моим испытанием было — это когда он меня не пустил на праздники ни в Москву, ни в Козельск. Очень мне было горько, но испытание я выдержала. Приезжаю к нему потом, а он меня не принимает. Я плачу. Наконец в 12 часов ночи он присылает за мной. Я хочу с ним наедине говорить, а он других посетителей не отпускает и говорит мне при всех: ”Я за тебя обещал В.П., что ты будешь жить у него”. Я очень обиделась, как это так, он, не спросив меня, решил за меня, и не соглашалась. Даже подруга стала меня уговаривать: ”Ты сама говорила, что он такой великий Старец, а не слушаешься”. А я все стою на своем. А на другой утро просыпаюсь с такой легкостью сердечной. Иду к Батюшке прощаться, а он удерживает меня за руку. Я упала перед ним на колени и говорю: ”Батюшка, простите меня. Я отдаю себя Вам”. А он подвел меня к образам, воздел руки и сказал: ”А я отдаю тебя Благодати”. Потом шла я пешком в Думиничи, не ощущая никакой усталости, счастливая от чувства союза с Господом.

Раз стою я за всею ночью у Батюшки и думаю: ”Я здесь одинока, брата нет, родину я оставила, все кругом чужие”. А на следующее утро Батюшка, прощаясь со мной, говорит: ”Ниночка, милая, ведь ты тут не одна. У тебя есть друг, который так тебя любит, заботится о тебе. Ниночка, ты как, считаешь меня своим другом?” Я заплакала, целую его ручки: ”Вы для меня отец и мать, Вы — мой истинный друг”. — ”Да, я друг, не такой, как там...” — и пока-

зывает в сторону. Я улыбнулась. Всю семью мою он привел к вере своей прозорливостью.

Отправляюсь я раз к Батюшке и все смущаюсь. Пройду кусок дороги и вернусь обратно. По две версты ворочалась. Думаю: "как еще Батюшка примет, и м. Е. там. Был бы это батюшка Анатолий, я бы шла спокойно". Наконец и пересилила себя и пошла прямо в Холмищи. А Батюшка сам мне дверь открывает, стал мне руки согревать своим дыханием. "Я тебя ждал, разденься, Ниночка, и поспеши ко мне". А когда я вошла, он говорит: "Где ты была до сих пор? В Козельске? А я тебя все ждал к себе. Ниночка, ведь батюшка Анатолий положил только начало, а ты, ты все младенствуешь. К тебе был голос Божий, когда я посылал тебя к В.П., а ты тогда отказалась. А теперь ты потерпи до пенсии". Я заплакала. "Ну, не плачь. Голос Божий будет к тебе вторично, и тогда ты услышишь, оставишь все и пойдешь за Христом".

Чудный сон мне снился еще в самом начале после того, как я устроилась поблизости от Батюшки. Вижу я: стоят оба Старца — Батюшка Нектарий и Батюшка Анатолий, и к обоим очередь на благословение. Я вхожу и теряюсь, к кому мне подойти, а батюшка Анатолий подозвал меня и говорит: "Подойди, подойди сюда", — и благословляет. А потом обращается к батюшке Нектариию "Отец Нектарий, примите, примите". А Батюшка протягивает ко мне руки, благословляет, обнимает. Тут я проснулась.

— Батюшка, я скучаю без Вас.

— Я всегда с тобой. Но когда тебе грустно и скучно, ты выйди на крылечко и поговори со мной по беспроволочному телеграфу, и я тебе отвечу, непременно отвечу.

Однажды захотелось мне причаститься, и чтобы Батюшка меня, как м.Е. из своих рук причастил. А Батюшка говорит: "Нет, нет, пока можно в храме, ты пользуйся этим. Ты положи-ка святое намерение в своем сердце, чтобы готовиться на завтра". А у меня никакого намерения нет. Вечером идти на исповедь к Батюшке, — ну, грехи записала, а раскаяния у меня нет, один каприз. Батюшка встречает меня: "Давай, мы с тобой помолимся". И стал говорить: "Господи, помилуй". — Повторяй за мной: "Господи, помилуй" Я сначала бессознательно повторяла, а он все выше и выше берет: "Господи, помилуй!" И такой это был молитвенный вопль, что я вся задрожала. Тогда он оставил меня перед иконами и сказал: "Молись", а сам ушел к себе. Я молюсь, а когда ослабеваю, он сам от себя голос подает: "Господи, помилуй". Когда же я всю греховность свою сознавала, он вышел и стал меня исповедовать. Я говорю: "Батюшка, я записала грехи".

— "Умница. Ну, прочти их". Я прочла. Батюшка говорит: "Сознаешь ли ты, что грешна во всем этом?" — "Сознаю, Батюшка, признаю". — "Веришь ли ты, что Господь разрешит тебя от всех этих грехов?"

— "Батюшка, я имею злобу на одно лицо и не могу простить".

— "Нет, Ниночка, ты со временем простишь, а я беру все грехи твои на себя". И мою голову он прижал к себе и поцеловал. Прочел разрешительную молитву и сказал мне: "А завтра ты пойдешь в церковь к утрени, а оттуда приходи ко мне, и что в церкви недостаточно будет, мы здесь пополним". В Церкви наутро не читали утренних молитв, и Батюшка велел мне прочесть это у него, и я читала как бы перед Престолом Божиим, и каждое слово глубоко

оставалось в моем сердце. Потом дал прочесть акафист перед Причастием, читают одни иереи, и я читала его со страхом. А потом Батюшка благословил меня идти в храм, и Причащение было чудным и торжественным.

Я прихожу к Батюшке и спрашиваю: "Все говорят, что все признаки второго Пришествия исполнились". А он в ответ: "Нет, не все. Но, конечно, даже простому взору видно, а духовному открыто: раньше Церковь была обширным кругом во весь горизонт, а теперь он — как колечко, видишь ли, как колечко, а в последние дни перед Пришествием Христовым она вся сохранится в таком виде: один православный епископ, один православный иерей и один православный мирянин. Я тебе не говорю, что Церквей совсем не будет, м.б. они и будут, да Православие-то сохранится только в таком виде. Ты обрати внимание на эти слова. Ты пойми. Ведь это во всем мире".

При воспоминании об о. Анатолии Батюшка всегда говорил: "Ведь отец Анатолий тебя видит. Вот и теперь, мы с тобой говорим, а он на тебя смотрит и радуется. Отец Анатолий тебя поручил мне, и если я от тебя откажусь, мне будет грех. Не могу я от тебя отказаться. Если тебя не допускают ко мне, я от тебя не отказываюсь".

РАССКАЗЫВАЕТ ИРИНА ИВАНОВНА **(Впоследствии дух. дочь о. Рафаила М. Любовь)**

Я тогда еще в Шамордине жила, как батюшку Нектария Старцем выбрали. До тех пор я видела его лишь один раз, тогда он к нам приезжал служить

седьмицу, и я очень запомнила, как он служил молебен Казанской Божией Матери. Все пыталась я тогда подойти к нему под благослование. А тут я услышала, что он Старцем стал. Выпросилась я в Оптину и прямо лечу в хибарку. Тогда народу еще мало было. Батюшка сразу же приютил меня. Я прошу у него на совет, а он мне: "Нет, нет, ты к Батюшке Анатолию обращайся". Я ему говорю: "Батюшка, ведь здесь же хибарка, и Вы в ней Старцем, как же Вы отказываетесь?" А он в ответ: "Это одно недоразумение — я здесь поставлен только сторожем". Наконец я уж вымолила у него, чтобы он сказал мне что-нибудь. Тогда он говорит: "Ну вот, когда тебе 30 лет будет, про тебя в книге напишут". Я удивилась и засмеялась, а он говорит: "Я тебе серьезно говорю, про нас с тобой в книге писать будут". Потом стал меня конфетами угощать и пряниками: "Видишь, как я тебя утешаю, а ведь не всех так. Вот когда я не смогу принять тебя, или у тебя скорби будут, то вспомни сегодняшний день и утешайся воспоминанием". Потом я прошу: "Батюшка, скажите мне еще что-нибудь, Вы же Старец". А он говорит: "Какой я Старец, я нищий. Ко мне еще присмотреться надо. Это вы — земные ангелы и небесные человеки, а я — земнородный". А прощаясь, сказал: "Благодарствую за посещение. Я был скорбен и уныл, а Вы пришли и утешили меня".

А другой раз было так: у меня очень заболели зубы, воспаление надкостницы. Мне и пришлось опять в Оптину собираться. А я и рада. Иду к Батюшке. Он мне маслицем щеку помазал. Рвать зуб не благословил. И говорит: "Ты тут с недельку поживи, и приходи ко мне каждый день лечиться". Я и стала к нему ходить каждый день. Однажды он вы-

нес мне граненый бокальчик с церковным вином и велит выпить. Я беспрекословно выпила, он смеется: "Видишь, вино было темное, как туча, а сейчас на стекле одни звездочки остались. И нет тучи". И так мне утешительно было. А потом я прошу его опять, чтобы он сказал мне что-нибудь на пользу. А он прижал мою голову к сердцу своему и говорит: "Слушай". Я слушаю, а сердце дивным образом бьется у него. Он спрашивает: "Слышишь ли что-нибудь?" Я отвечаю ему: "Батюшка, у Вас сердце Иисусову молитву творит". А он говорит: "Ну, еще послушай. "А когда тебе будет 90 лет, и твое сердце будет так биться". Я возражаю: "Батюшка, я не доживу до 90 лет, значит этого никогда не будет". "Нет, нет, Бог тебе поможет", — успокоил меня Батюшка.

Как-то прошу у Батюшки, чтобы он дал мне свою фотографическую карточку, а он отказывается. — "Лучше ты мне дай свою". А потом засмеялся и говорит: "А, впрочем, твоя карточка у меня есть. Едва ты вошла ко мне, я тебя сразу снял. Такая у меня есть таинственная фотография".

Я очень этим заинтересовалась, а все продолжаю у Батюшки выпрашивать его карточку. Он велит мне придти вечером: "Дать тебе свою карточку я не могу, потому что у меня есть только большой мой портрет, и давать мне его неудобно, а показать — покажу". Он вынул большое зеркало, встал перед ним, и меня рядом поставил: "Вот и семейный портрет наш, и сама видишь, что дать его невозможно".

В январе месяце пришли мы к Батюшке с одной послушницей, а Батюшка говорит: "Вы ко мне в феврале приходите, тогда аэроплан вызовем, поле-

тим на юг". Я как засмеюсь, а потом прошу прощения за смех. "Ничего, ничего, это у нас радость духовная". Это значит, сердце наше той радости Батюшкиной Благодати не вместило. "А нам на юге-то, — продолжает Батюшка, — так хорошо будет. Ведь там в феврале — весна уже, цветы цветут. А в мае прилетим мы обратно. Все обрадуются, закричат: "Приехали, приехали!" А мы скажем: "Нет, нет, мы прилетели".

И никак сначала мы не могли понять, почему нам Батюшка все это рассказывает. А потом вот что случилось: "у той послушницы брат был послушником же в Оптине. И вот он, никому не сказавшись, в феврале уехал на юг. Сестра много плакала о нем, но он написал, что ему там хорошо, и она успокоилась. И такая радость была ей.

Знала я еще Батюшку Герасима из Сергиева Скита и гащивала у него по две недели. Однажды он надевает камилавку и спрашивает меня: "А что означает камилавка?" Я говорю: "Батюшка, как я могу отвечать Вам, я не знаю. Это Вы должны сказать мне".

А он мне: "И я не знаю. А ты спроси. Это я за послушание прошу тебя, спроси разъяснения у Батюшки Нектария, и что он тебе скажет, то ты мне напишешь". А Батюшка Герасим с Батюшкой Нектарием общались. Мед посылали друг другу, и другие утешения. И бат. Герасим очень чтит бат. Нектария. По приезде в Оптину, спрашиваю я у бат. Нектария, что должна означать камилавка, что об этом бат. Герасим спрашивает. А он тоже отнекивается: "Это по недоразумению". Тогда я говорю, что бат. Герасим велел мне написать Ваш ответ ему, а бат. опять: "Об этом надо подумать, и ответ можно дать через годок".

Тогда я в третий раз приступаю к Батюшке и говорю, что ведь мне за послушание заповедано спросить его об этом, а батюшка тогда говорит: "Когда я поступил в монастырь, то духовные книги я читал по благословию Старца батюшки Амвросия, и он иногда спрашивал, доволен ли я своим чтением. А я говорю ему: "Иногда я не понимаю читанного". Тогда бат. Амвросий — видишь, когда это еще было, — посылал меня к о. Александру. А о. Александр стал теперь Старцем Анатолием. Вот ты к нему и пойдешь и за послушание спроси его, что означает камилавка".

Пошла я к бат. Анатолию, рассказала ему все, как было, и спрашиваю, как заповедано. А бат. Анатолий как стал смеяться: "Вот так нашли у кого спрашивать". И так и велел написать бат. Герасиму.

Когда (это уже мне монашки, возившие письмо мое, рассказали) бат. Герасим выслушал мое письмо, торжественно умилился и очень благодарил Господа Бога.

Однажды бат. Нектарий говорит мне: "А нас посетил бат. Герасим". Я обрадовалась и думаю: "Ах, если бы я могла быть букашкой, проползти к батюшке в келью, да поглядеть, как такие дивные Старцы общаются".

А батюшка улыбнулся и говорит: "Я предложил бат. Герасиму сесть со мной рядом на диван, и он сел. Потом он молчал, а я слушал его добродетель, пока келейники не потеряли терпения и не стали стучаться, говоря, что другие посетители меня требуют".

Одна монахиня была великой молитвенницей, но очень много книг читала и возгордилась. А бат. Нектарий стал тогда говорить ей: "Анюта, выйдет

дело смута”, а потом прибавил: ”но в сороковых годах прекратятся у тебя все скорби и болезни”. И правда, смущение ее к 37-ому году ее жизни прошло, и она мирно умерла.

Батюшка говорил мне, что с некоторыми людьми ему трудно, а с другими он отдыхает. ”И с тобой я отдыхаю”, — говорил он мне. Я спрашиваю его: ”А почему это?” И что я сама с некоторыми людьми испытываю тяжесть. Он посоветовал мне избегать таких людей — а то душа окрадывается.

Когда были последние именины Батюшки перед разгоном Шамордина, а монашки пришли поздравить его, он заставил их петь ”Достоинно и праведно есть” и ”О Тебе радуется” и очень плакал.

Перед его именинами я, бывало, приду к нему и спрошу: ”Батюшка, что мне подарить Вам?” А он скажет: ”А исполнишь ли ты, что я тебе скажу?” Я говорю: ”Постараюсь исполнить”. — ”Так вот, живи получше, и это будет для меня самый дорогой подарок”.

Как-то пишу Батюшке письмо, а он не отвечает. Я — другое. Опять нет ответа. Я — третье. Опять нет. Господи, думаю, что же это такое? Тут оказия случилась мне лично поговорить с Батюшкой. Прихожу я к нему и спрашиваю: ”Батюшка, дорогой, почему Вы мне не отвечаете? Ведь раньше Вы отвечали мне”. А он говорит: ”Скажи мне, чего ты больше хочешь — чтобы я тебе отвечал или чтобы отправлял твои письма в Небесную канцелярию? Вот выбирай”. Я прошу: ”И то, и другое, Батюшка”.

— ”Нет, — говорит, — так нельзя, ты должна выбрать”. Я ведь понимаю, что небесная канцелярия важнее, и выбрала, чтобы туда. Тогда Батюшка похвалил меня: ”Ты правильно выбрала. Там все разберется”.

Однажды по Шамордину в мое отсутствие прошел слух, что я утонула в Оптине. Я, как узнала об этом, расстроилась и пришла к Батюшке, рассказываю ему, а он говорит: "А ведь ты и вправду утонула".

— "Как, Батюшка?" — смутилась я.

— "Ты утонула во мне".

РАССКАЗ ФЕНИ

Мой духовный отец, священник П. посоветовал мне обратиться к Оптинским Старцам за разрешением некоторых моих духовных вопросов. По его слову я поехала в Оптину, не зная даже, в чем состоит старческое руководство. Сначала я попала к батюшке Анатолию, а через несколько дней — к батюшке Нектарию. Он мне дает книгу Брянчанинова о умной молитве, написанную литературным, а не специфическим монашеским языком. Я читаю и думаю: "Как они здесь читают такие книги? Ведь такой язык для них страшно труден и непонятен". На мои помыслы батюшка отвечает тончайшей улыбкой: "Конечно, мы малограмотные и таких книг читать не можем, это ведь для таких образованных барышень, как ты, написано". Тут я не выдержала, бросила книгу и упала перед ним на колени.

Потом я еще два раза приезжала в Оптину, к Старцам, ходила, но спрашивать их стеснялась, и поэтому я от них никакого указания и не получила. Потом уже я о других, тоже молчавших Старцев спрашивала: "Батюшка, почему Вы ничего не скажете?" А он говорит: "Потому что они и не спрашивают". Во второй раз духовный отец мой просил,

чтобы я обязательно привезла ответ на его письмо. Я робко прошу Батюшку, а он говорит мне: "Обожди до завтра", — а завтра извиняется, письмоводитель не пришел, и просит еще до завтра обождать. Так он меня две недели мучил. У меня не хватило бы смелости беспокоить его для себя, а для духовного отца моего должна я была, и с такой мукой и застенчивостью все просила батюшку дать, наконец, ответ, а он все откладывал.

Наконец я решила уехать. Не взяв благословения у Старца, пошла на вокзал. Тут уже сейчас должен поезд подойти, а у меня такая тоска, такое желание вернуться в Оптину и все-таки получить ответ для отца моего духовного, что я не выдержала и побежала обратно. А батюшка встречает меня улыбкой и подает уже запечатанное письмо.

А когда в третий раз я приехала, Батюшка оставил меня жить в Оптиной, а я ведь приехала налегке, без вещей, рассчитывала на неделю, а прожила год. Тут уж Батюшка стал меня воспитывать духовно. На вопросы мои не отвечал: "Нам с тобой торопиться некуда, у нас год впереди". А повел меня путем суровым. Все мои помыслы обличал до мелочей. Помню, я раз в зеркало поглядела и подумала: "Какая я белая стала". А когда я пришла к Батюшке, он при всех стал передразнивать меня: стал так на меня глядеть, как я на себя в зеркало глядела, и спрашивать: "А почему ты такая белая?" Тут уж я перестала глядеться в зеркало.

Зима наступила, а у меня веревочная обувь и нет теплой одежды. А перед тем легкие у меня были в плохом состоянии. Хожу я по снегу почти, можно сказать, босиком, и ничего, не простужаюсь. А Батюшка спрашивает меня: "Феничка, а тебе не хо-

лодно?" — "Нет, Батюшка, за Ваши молитвы ничего". Тут он говорит: "Я тебе скоро теплую ряску дам". — "Как Ваша воля".

А на следующий день подходит ко мне в Церкви монашка и говорит: "Одна дама хочет Вам теплую ряску дать, она не может видеть, как Вы по такому холоду раздетая ходите". Я вспомнила Батюшкины слова и поблагодарила.

Бывало, возьмет меня Батюшка к себе, прижмет мою голову к своему сердцу и дремлет. А я боюсь пошевелинуться, чтобы не потревожить его. Все тело затечет. Тогда я начинаю тихонько целовать его руку, чтобы разбудить его, а он проснется и отпустит меня. А ни на какие вопросы мои не отвечал, так что я и утешалась и расстраивалась сразу.

Уехал Батюшка к В.П. на хутор. Поехали мы с Н. за ним, а потом в Холмищи перебрались.

Однажды (Н. уже уехала лечиться в Москву), Батюшка посылает меня к В.П. уже под вечер, но все как-то задерживает меня под разными предложениями и только под конец говорит: "Ну теперь иди". Прощаясь, спрашивает: "А ты не боишься?" — "Нет, за Ваши св. молитвы не боюсь".

Прихожу на хутор, а там все ужасаются: "Как это Вы пришли? Еще четверти часа нет, как наши собаки выли на волка". А, правда, по дороге видела я огромные свежие следы.

Тут, на хуторе, велел мне однажды Батюшка затопить у него печь. Я дров принесла, две вьюшки открыла. Батюшка сам, благословясь, поджиг дрова, а дым как повалит в комнату! Батюшка говорит мне: "А открыла ли ты вьюшки?" — "Открыла", — отвечаю. — "А ты еще посмотри". — "Нет, Батюшка, и смотреть нечего, знаю, что открыла".

Дым все валит и валит к комнату. Батюшка вышел на крыльцо, воротник поднял, а ветер треплет его седые волосы. Идет келейник Петр и спрашивает меня: "А Вы все три вьюшки открыли?" Я обомлела: "Нет, — говорю, — только две". Петр побежал открывать третью. Я у Батюшки прошу прощения, и умоляю пойти ко мне (я в том же доме на другой половине жила), а он не соглашается. Так и простоял он на крыльце, пока комната не очистилась от дыма, живым укором моему непослушанию.

Батюшка предупредил меня: "Когда пойдешь в Оптину, не заходи к друзьям своим, к которым всегда заходишь". Но я не послушалась, и от непослушания моего проистекли обстоятельства, благоприятствующие греху, и вот лег на меня смертный грех, и батюшка меня прогнал от себя. Вернулась я в свою комнату и упала на пол в последнем отчаянии. Чувствую, Батюшка незримо встает около меня и поднимает меня. Пришла в себя, пережила я кое-как это горе, но два года после того не принимал он меня. Потом принял и сказал: "Больше смертного греха не совершишь ты вовек".

Однажды чувствовала я ненависть к одной близкой Батюшкиной духовной дочери. Мучилась я этим искушением и призналась Батюшке, а он мне дал прочесть историю Иосифа, как братья завидовали пестрой одежде Иосифа, и поняла я, что корень ненависти моей — зависть, и тут я почувствовала умиление сердечное.

Однажды он подвел меня к иконам, поставил и сказал: "Читай "Богородицу", пока Она тебе не ответит "Радуйся", а сам ушел. Я читаю с ужасом и думаю, как же это будет? И никакого ответа не слышу. Тут входит Батюшка и дает мне поцеловать

свой наперстной крест. Тогда меня охватила неизъяснимая радость.

Однажды в Холмищах батюшка вынес блюдо с водой и ватку и стал, крестя меня, обмывать все мое лицо. Я смутилась и подумала: "Не к смерти ли он меня готовит?" А на следующий день я помогала снимать с чердака обледенелое белье. Я стояла внизу, а мне передавали его сверху. Вдруг кто-то уронил огромное, замерзшее колом одеяло и им ударило меня по лицу. Такой удар мог бы меня серьезно искалечить, но у меня на лице не оказалось даже синяка, или царапинки. Я пошла к Батюшке и рассказала ему. Он молча снова обмыл мне лицо таким же образом.

Однажды я вхожу в Холмищах на его половину и слышу из прихожей через запертую дверь, как Батюшка в приемной кого-то укоряет, или что-то требует очень громким, грозным голосом. Мне стало странно и страшно. Это не походило на обычную манеру Батюшки, и я подумала: "Кому же это так достается?" Когда я прочла молитву, Батюшка открыл дверь. В комнате никого не было.

Батюшка часто говорил: "Когда я болен, я скорблю, а когда здоров, не умею пользоваться своим здоровьем".

О детях Батюшка говорил: "Если дитя в младенчестве сердится, то уже согрешает". "Чтобы дети не хворали, их нужно чаще причащать". "Чтобы избежать соблазна, нужно смотреть прямо перед собой, а не косить по сторонам".

Раньше я часто мысленно совершала крестное знамение. Батюшка объяснил, что этого нельзя делать. "Если ты хочешь благословить какое-либо лицо или предмет, то можешь себе их представить

мысленно, но крестное знамение совершать физическим движением”.

”Когда бьют часы, крестись, чтобы огражден был следующий час”.

Однажды одна женщина написала Батюшке, что она страшно нуждается. Он заплакал: ”Подумай, у нее даже хлеба нет”.

”Все четыре стороны комнаты надо крестить перед сном”.

Он позволил заочно брать у него благословение. Я спрашиваю: ”Когда..?” Он говорит: ”Церковь молится утром, в полдень и вечером”.

Однажды он подарил мне белую вышитую рубашку, и велел ее носить. Я спрашиваю: ”Батюшка, это смирительная рубашка?” А он смеется: ”Нет, благодатная”.

Как-то я повезла к Батюшке моих знакомых, мужа и жену. Он их обоих обласкал, а жене сказал: ”В следующий раз ты привезешь мне свою карточку, а если не привезешь — не взыщи”. Женщина эта была беременна. Она не поняла Батюшкиных слов. И вообще она была маловерующей. Она вызвала неосторожностью своей, или злоумышленностью — не берусь судить, преждевременные роды, и ребенок погиб. К Батюшке ей больше не пришлось попасть, а мужу ее Батюшка сказал: ”Вот я при свидетелях говорю, что больше не буду с Вами иметь никакого дела”, — и взволнованно отстранил его.

Он обличал скрытые мои страсти, о которых я и сама не подозревала. Так, обычно я щедра и нерасчетлива. Вдруг он мне говорит: ”Есть у тебя деньги?” — ”Есть” — ”Сколько?” — ”Десять рублей”. — ”Одолжи мне их”. И вдруг я чувствую, что мне жалко отдавать их ему. Я говорю ему в ужасе: ”Батюш-

ка, простите, я и не знала, что я такая". А он смеется.

Как-то стою я на крыльце в Холмищах. Ко мне подходит Мария и передает от Батюшки носовой платок. После этого несколько дней я горько плакала из-за ссор с нею же, а Батюшка меня не принимал. Потом принял, и дал мне прочесть, как одна игуменья получила от своего дух. отца платок в предзнаменование слез.

У Марии была чашка, которую Батюшка подарил ей в день ее пострига, и батюшка не раз ей говорил: "Убирай ее, чтобы ее не разбили". Однажды я мыла посуду и нечаянно разбила блюдо от этой чашки. Иду к Батюшке и потихоньку прошу прощения. Он отвечает мне: "Бог простит".

Мария, узнав, что блюдо разбито, устраивает истерику. Батюшка утешает ее и бранит меня при всех: "Ведь вот какая злоумышленность. Феня нарочно разбила чашку, чтобы досадить бедной Марии". Я шепчу Батюшке, становясь на колени: "Не все же молоком кормить, надо и твердой пищей". Он молча пожимает мне руку, но продолжает громко бранить меня. Я борюсь. Наконец, я вношу к нему самовар, ставлю на табурет и радуюсь, что вижу его наедине. Он благословляет меня, а я, схватывая и задерживая его руку, говорю: "Батюшка, отчего Вы меня не принимаете? Теперь я не пушу Вас, пока Вы меня не примите." Тогда Батюшка делает непередаваемое брезгливое движение, отмахиваясь от меня, как от жабы. Я не выдержала и начала плакать. Тогда он мгновенно смягчается, принимает меня и смеется: "Вот твои глазки и оросились. Мне этого только и было нужно".

ИРИША РАССКАЗЫВАЕТ

Когда я жила в Шамордине, к батюшке Нектария я не ходила, а обращалась к нашему духовнику о. Мелетию.

А потом я уехала домой в Гомель и там чуть замуж не вышла за Оптинского же монаха манатийного Мельхиседека. Венчаться мы решили в церкви, монашество наше скрыв, и торопились со свадьбой — до Поста недели две оставалось.

Только тут вздумала я, что обязательно нужно мне получить от Старца Батюшки Нектария благословение на венец. Надела я плюшевую шубу, красным платком повязалась, поехала в Оптину и заявила в хибарку. Думаю, вот на общем благословении я попрошу благословение мне замуж, и Батюшка не разберется, кто я, и скажет: "Бог благословит", и я благословение, хоть обманом, да получу.

А вышло-то не так. Как я Батюшке ни скажу: "Благословите мне замуж", — он отвернется и промолчит. Наконец отец Севастьян (келейник Батюшки) проводил меня к Батюшке в приемную, а Батюшка меня встречает: "Зачем ты, Шамординская монашка, пришла ко мне?" Я так и обомлела. Ведь он меня раньше никогда не видел, да еще в мирском платье. Я говорю: "Батюшка, я к Вам исповедоваться".

— "Нет, нет, ты иди к о. Анатолию, он духовник Шамординский, а мне вас запрещено принимать". А я опять прошу: "Батюшка, если Вы меня не возьмете, я прямо домой уеду такой, какой я к Вам пришла". Тогда он надел поручи и согласился. Я исповедуюсь, а потом сразу говорю: "А я за вашего Мельхиседека замуж собралась". Батюшка так и ос-

тановился, а потом дверь на крючок запер и меня подвел к иконам. Я испугалась.

— ”Вот что, друг мой, или ты обещаешься эту мысль бросить, или я тебя должен сразу от Церкви отлучить. Вот выбирай”. И такой строгий стал. Я плачу, прошу, чтобы меня от Церкви не отлучал. Тогда он велел мне переехать в Оптину к сестре. Сестра у меня в сиделках. А сестру велел к нему привести, а потом уже при ней сказал мне: ”Приезжай сюда жить, а не то сама на себя пеняй. Я тебе при свидетелях говорю”. И три раза повторил это.

Переехала я в Оптину, а Мельхиседек стал мне письма писать. Батюшка велел все письма, которые я вообще получала, сначала приносить ему, а уж потом распечатывать. Письма от других он, бывало, перекрестит, и сразу отдает мне читать, а Мельхиседековы положит к себе в карман и носит недели по три. Потом примет меня и скажет: ”А мы-то с тобой еще письма не прочитали. На, читай”. А я начну читать, и ничего разобрать не могу, все у меня в глазах мелькает, строчки сливаются. Так я и не знала, что он там писал.

Потом мама моя на Рождество за мной приехала — увезти меня, а Мельхиседек 75 миллионов дал на дорогу. Я прихожу к Батюшке, рассказываю, домой прошусь, а он мне в ответ: ”На все четыре стороны”. И ушел к себе в келью. Я ждала его, ждала, а он не выходит. Ушла я домой, а после вечерни опять прошусь к нему, а он не принимает: ”Я ей все сказал”. Наконец, упросили его, принял меня и велел мать позвать, а как пошла она, так строго на нее напал: ”Ты зачем сюда? Молиться или людей из монастыря выманивать? Вот поговей у нас, да и уезжай домой, а дочка теперь не твоя, а Божия”.

Мама моя смирилась, и сама стала оставлять меня в монастыре. Так я домой и не поехала.

Страхования у меня начались: Батюшка мне велел читать молитву: "Господи, от страха вражия изми душу мою", а потом велел каждый день в три часа дня читать три раза "Богородицу", а потом "Господи, помилуй", "Боже, милостив буди мне грешной". И сам обещал в это время молиться за меня.

Когда Батюшку арестовали и посадили в больницу, сестра моя пробралась к нему и спросила, как нам дальше жить, к кому обращаться. Он ее к о. Никону направил и сказал: "Тебя в Оптину Божий Промысел привел, а Ириша пусть домой едет, она здесь по недоразумению".

А я все-таки сама захотела спросить о себе и тоже пробралась к Батюшке и он мне сказал: "Ты к о. Никону обращай сначала лично, а потом будешь письменно". А я тогда батюшку Никона не знала совсем и боялась. Стала я спорить с Батюшкой: "Я лучше буду относиться к о. Мелетию". А Батюшка мне: "Нет на это моего благословения. Относись к о. Никону". Так и перешла я к о. Никону и очень была довольна.

Потом пошла к Батюшке в Холмищи, прошу у него благословения, а он говорит: "Кто у тебя духовник?" — "Отец Никон". — "Нет, нет у тебя духовника". Я смутилась. Отец Никон тогда еще в Козельске жил. Потом Батюшка раскрывает книгу Иоанна Златоуста и говорит: "Видишь, как Олимпиада скорбела, когда учитель ее на корабле в ссылку пошел. А Златоуст-то как страдал. Там в ссылке климат был неподходящий, вот и болел он лихорадкой и другими болезнями". А я говорю: "Батюшка, к чему Вы мне эту книжку показываете? Я ее и

дома прочесть могу. Вы мне лучше скажите что-нибудь". А Батюшка все свое продолжает. Тут Мария вошла, требует, чтобы мы уходили. Батюшка нас и отправил и велел идти на Ивантеевку — 15 верст лесом, а дело было к вечеру. Мы послушались, пошли, а навстречу нам едут отец Никон и отец Геронтий. Расспросили нас и повернули нас в Холмищи. Там мы и заночевали.

Отец Никон говорит: "Похоже, что Батюшка мне ссылку предсказывает. Вот я сам спрошу у него". Пришел к Батюшке и говорит: "Почему Вы мне ничего о ссылке не говорите, а моих духовных чад смущаете?" А Батюшка в ответ ему: "Прости, отец Никон. Это я испытывал любовь к тебе твоих чад духовных. Это я пошутил". И вытащил ватную сумку с наушниками, взял у отца Никона его летнюю, а эту теплую надел ему на голову. Отца Никона выслали из Калуги в Соловки в день Иоанна Златоуста.

В другой раз пошла я в Холмищи, а возвращаться мне надо накануне Михайлова дня. Батюшка меня отправляет поздно, в 10 часов утра, и говорит: "Ты к вечеру будешь в Козельске", и дал мне колотого сахару в дорогу. Мне его как раз хватило до дома. Шла и жевала его всю дорогу. Часам к пяти пришла я в Волхонское — это 12 верст от Козельска, а дальше идти мне не советуют. Зима. Уже темнеет. Стала я проситься ночевать, а сама думаю: "Вот Батюшкины слова и не исполнились, не буду я дома к вечеру". А тут мужики подъехали, знакомые хозяев, у которых я остановилась. В Калугу они ехали через Козельск, и меня подвезли. Еще только к Евангелию ударили, как я в Козельск приехала.

А Настю (сестру), бывало, на общем благо-

словении возьмет Батюшка за руку и скажет: "Вот, почтенные посетители, представляю вам эту девицу, она сюда прислана Промыслом Божиим. Она — херувим".

ИЗ ДНЕВНИКА МОНАХИНИ ТАИСИИ КАШИРСКОГО ЖЕНСКОГО МОНАСТЫРЯ

1918 г., февраль. Была у Старца отца Николая. Принял меня одну и учил Иисусовой молитве. Ввел ее в самое сердце, отчего я чувствовала, что молитва действует сама, без принуждения. Батюшка спрашивал, указывая на мое сердце: "Почему здесь так хорошо?" — и смеялся. Вышла от него радостная, словно поймала драгоценную птичку, боясь ее, т.е. молитву, выпустить из сердца, хотелось всегда, всю жизнь с ней пребывать. Брал после этого еще несколько раз и учил молитве, влагая мне в ум свои мысли, и я Старца понимала без слов. Был очень радостный и оставлял меня жить у себя.

1918 г., август. Как пришла к Батюшке о. Нектария, так сейчас же принял. Сам сел на свое место у стола, сестру посадил напротив на стуле, меня поставил на колени около себя и велел закрыть двери, поправить коврик, потом дал мне читать письма, сам распечатывал и благословлял каждое письмо, а я читала. Прочла их штук 4-5. Потом велел мне с дивана взять подушку и сесть на ней около Батюшки. Я села, мою голову он взял к себе под правую руку, меня закрыл своей рясой рукавом — всю голову. Сам стал писать по-уставному, сестру заставил читать письма. Я его спросила относительно мона-

стырей, разгонят нас или нет. Ответил: "Да, милая, разгонят, и монастыри сейчас в большой опасности. Вот и наша Оптиная в этом месяце назначена к решению. Приходи к нам совсем жить, Таисочка. (когда я спросила, куда же деваться, если разгонят.) Я ответила: "С радостью, дорогой Батюшка". Он говорит: "Олечка скучать по тебе будет". А когда я упомянула о своей болезни горла, то он смеялся и говорит: "Тебе нужно в Петроград съездить полечиться на годок, а там нужно одеваться в мирское платье, т.к. в монашеском одеянии ходить не позволят". И, обратившись к сестре, говорит: "Ты, Олечка, не против, если она приедет в Петроград?" — "Избави Бог, Батюшка". — "Ну, а если ты не хочешь, чтобы она была в миру, то отпусти ее совсем к нам. Ведь тебе маленькую комнатку нужно, — говорит он, обращаясь ко мне, — правда?" Я говорю: "Да".

— "Ты еще мне келейничать будешь, мне нужно суп варить, а монастырям грозит опасность, вот ты и оставайся у нас совсем жить. И нашей Оптиной грозит опасность. Таисочка, помоги нам, помолись. Нет, серьезно — помоги. Ведь мы пред Господом, как люди, а ты как Ангел Божий пред Господом. Я тебя всегда считал, Таисочка, за Ангела Божия. Милая, ты ведь чистая". И много говорил хорошо. Сказал: "Тебе так хорошо сидеть?" — под его рукой, и потом то закроет мое лицо рукой, то откроет посмотреть, улыбнется и, скорее, опять прикроет и прижмет мою голову к себе. Целовал мою правую руку, потом встал (а я все это время творила молитву Иисусову), и спросил, умею ли я писать по-уставному. Сказала — умею. "Ну, я тебе приготовлю бумаги и дам работу в номер, только Олечка не будет сердиться?" Взял мою голову и сказал: "Птич-

ка Божия не знает ни заботы, ни труда". Сам ушел, сестру заставил читать книгу о молитве, а меня посадил на свое место. Прошло так часа два с половиной или три. Пришла братия, пришел Батюшка и отпустил нас, вывел сам из кельи почти за руки и сказал: "С этого дня ты совсем останешься здесь". Ушли от него в восторге.

С этого дня я каждый день приходила в хибарку и, сидя в уголке, непрестанно творила Иисусову молитву, чувствуя, что меня учит ей Батюшка. И от нее оторваться никак не могла. А Батюшка на каждом общем благословении сжимал мне крепко руку и смотрел очень ласково, и если я очень усердно молилась, то Батюшка был ко мне еще ласковее. Второй раз я попала к нему одна, без сестры. Посадил меня на стуле, а сам сел в кресло, положив мою голову к себе на плечо. Батюшка закрыл глазки, весь ушел в молитву. У меня тоже Иисусова молитва творилась. Наконец я чувствую переворот своих мыслей. Начинаю горько-горько плакать, что меня в общем никто не жалеет, а только все это "плезир". Когда я чувствовала обиду горячее, тогда меня Батюшка прижимал к себе все сильнее и крепче. Я горько плакала и чувствовала, что меня искренне жалеет лишь один Батюшка, потом я успокоилась и опять начала творить молитву Иисусову сокрушенным сердцем, и так увлеклась молитвой, что забыла свое существование. Вдруг я почувствовала, что моя душа у Батюшки Нектария на руках и мы предстоим пред Господом. Да, именно это я испытала и призываю в свидетельницы Царицу Небесную, что это было действительно так. Я видела лишь яркий свет и знала, что предстоим пред Господом. Я чувствовала, что прижалась вся к Батюш-

ке, а он просит Господа о чем-то за мою душу. Я не смела взглянуть на Свет, а только смиренно, со страхом, чувствовала свое ничтожество, взывала непрерывно: "Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешную". Минут пять длилось мое пребывание не на земле. Я очнулась как от какого-то сна с сей сокрушенной молитвой в сердце, радостная и удивленная, когда услышала Батюшкины слова: "Ведь тебя все на руках носить надо". Сам веселый, радостный, сияющий, он не дал сказать мне ни слова, быстро ушел, поцеловал меня в лоб. Да, но еще прежде прижал мое лицо к своей щеке. Я почувствовала во рту у себя такую сладость, как от меда. И так два раза. Когда пришел, то нес 6 штук слив и, торопя меня идти, пошел вместе на общее благословение такой веселый, такой радостный, что я никогда его не видела таким. Боже, до чего же он велик пред Господом! После этого уже неотлучно я находилась в хибарке и непрерывно творила молитву Иисусову. В следующий раз опять нас принял, но уже с сестрой. Усадил меня, как и в первый раз, около себя, а сестру заставил читать письма. Потом ушел сам, меня посадил с сестрой на диван: меня первую, а сестру к иконам, улыбнулся и сказал: "Поскучайте немножко". Сам ушел в свою моленную. Я стала творить Иисусову молитву (а он мне раньше сказал, что он меня перед отъездом исповедует). Долго творила, вся от молитвы разгорелась, даже мокрая стала. Вдруг меня осеняет мысль: "Батюшка сейчас меня будет исповедовать". И только об этом помыслила, вдруг вижу (сичу с закрытыми глазами): стоит Крест, на Кресте распят Господь в терновом венце. Батюшка отец Нектарий стоит около Креста в епитрахили, и у него вокруг головы

сияние, сам смотрит на лик Господа. Я же припала к Господу, к ножкам, плачу так горько, плачу, что слезы, как град сыпятся из глаз. Батюшка перешел ближе ко мне и, как свидетель, слушает мои грехи, а они у меня сами все выплывают, даже все забытые грехи всплыли. Я перед Господом каялась, просила прощения. Мне было тяжело и больно сердцу, что я Страдальца Господа огорчила своими грехами. Боже мой, как я плакала. Но вот Батюшка отец Нектарий накладывает епитрахиль мне на голову и разрешает все грехи. Я успокоилась и думаю: если это действительность, то Батюшка, выйдя из молельной, дотронется до моей головы ручкой и, значит, все мои грехи прощены. Сие видение сменилось. Слезы утикли. Я успокоилась, но молитву не переставала творить, и уже начинаю мысленно просить Батюшку, чтобы он мне показал рай. Вижу странные видения: сады, пруды, парки, леса, цветы и на самом небе святых угодников всех, покрытых белыми одеяниями, как у патриархов. Лиц не видела, но только видела — они быстро куда-то шли. Опять это кончилось. Вижу дальше, т.е. прошу показать мне ад. Вижу темные, мрачные помещения, а потом огненную лаву, и в ней — "ефиопы" — глаза блестят, как электричество, когти длинные — сидят в самом огне, на меня устремились глаза, но мне не было страшно... Прошу Батюшку опять это сменить и показать, что будет с сестрами, если монастыри разгонят. Вижу: человек шесть, семь идут в лес, скрываются. Просила указать, где я буду жить. Вижу вроде землянки. Дальше прошу показать мне Ангела моего. И вот предстал предо мной пречистый, светлый, смиренный, кроткий Хранитель, весь в белом с чуть голубыми крылушками, с белокуроыми вью-

шимися волосиками, кроткий, с великим на личике смирением — и я долго не могла оторвать от него своего взора. Можно о нем сказать и понимать, что действительно только Ангелы такие могут быть. И вдруг он взлетел мне на правое плечо, близко прижался к голове, и, чувствуя, голос говорит: "Куда он тебя поведет, туда и иди". Опять сменилось. Спрашиваю: "Батюшка, будет ли Царь?" И слышу, словно удары молотом по голове: "Антихрист, антихрист, антихрист". И этим все кончилось. Батюшка вскоре пришел и, подойдя ко мне, дотрагивается до моей головы. Я в ужасе — значит, все это действительность?

Да, я еще пропустила. Раньше я творила молитву просто, но теперь Батюшка меня учит так: в уме представляю Господа и Ему молюсь, так что я уже ничего другого не имею в уме, кроме Спасителя, а других помыслов не принимаю. Видела даже так: Сидящего на Престоле Господа, а вокруг и в длину стоят все Ангелы, а я, смотря на сие издалека, непрестанно творила Иисусову молитву. Потом на Распятие молилась, а то и просто в уме держу изображение Господа смиренного и кроткого, и к Нему взываю. Дальше умом восхожу в небеса, и там опять с Единым Господом беседую.

Теперь для меня ясно, что нужно только помнить, что на свете, когда молишься, предстою я да Господь — тогда бывает хорошо и чудно на душе, ни о чем другом не думать. Еще показал мне Батюшка лик Спасителя по пояс, но ослепительного света, смотреть нет возможности.

Когда я уходила, то просила дать мне что-либо в благословение. Батюшка взял мои четки, которые висят у меня на шее — его подарок — и гово-

рит: "Будь довольна вот этим" — и, взяв одну биринку четочную, говорит: "Кому дается по зернышку, а ты получаешь все". Показывая на четки, сказал: "У Вас телесное благотворно, а духовное благодатно".

ДЯДЯ ТИМОФЕЙ (ИЗВОЗЧИК) РАССКАЗЫВАЕТ:

Однажды я приехал к Батюшке с матерью Татианой и матерью Анной Полоцкой. Приехали, а он два дня нас не принимает, и на третий не принял. Остались ночевать под воскресенье, я и думаю: "Буду сам просить Батюшку". Стал просить, а он опять никак не принимает. Ей, говорит (матушке Татиане), не хочется в кухне сидеть, ну, пусть в прихожей сидит. Мать Татиана горько заплакала. Вдруг через сколько времени Батюшка говорит: "Уезжайте". А погода была очень плохая, снег валит хлопьями. Я было уперся ехать. Батюшка говорит: "Придет хозяин с базара, он все равно тебя прогонит". Я стал запрягать. Боюсь, руки и ноги трясутся. Выехали мы из Холмищ. Не видать и света Божьего. Пришлось воротиться назад. Вдруг Батюшке докладывают, что Тимофей вернулся с матерью и Татианой. Он принял нас ласково. "Благодарствую за послушание твое. Благо разумно ты сделал, что воротился". И на другой день он нас так умильно принял и даже просил прощения, а мать Татиану утешил так, что она успокоилась.

Приехали мы на первый день Рождества Христова к Батюшке, а под Рождество Батюшка готовился, говел и очень ослабел. Хозяин дал телеграмму Александре Сергеевне, что Батюшка очень слаб, а она забрала своего сына и привезла, и все сели

пить чай. Александра Сергеевна говорит: "Батюшка, ничего я своего сына увезла, а у него скоро ученье?" А Батюшка: "Будет тебе голову забивать. Вот как раз будет оказия из Козельска и увезут сына твоего". Вдруг я стучусь. Вышел мальчик и говорит: "Кто тут?" — "Это я, Петя", — говорю. Мальчик входит в помещенье, говорит: "Дедушка приехал". Батюшка улыбнулся. "Вот как раз и сына твоего захватит. Я говорил, что будет оказия". И мальчик ко времени поспел учиться.

Приехали из Ленинграда о. Николай и Домника Григорьевна. Они не знают дороги, как проехать к Батюшке. Им сказали — найти дядю Тимофея, и мы поехали. Подъезжаем к Холмищам, о. Николай говорит: "В таких вертепах спасается такой великий Старец". Пришли в помещенье Старца. Принял он нас. Отец Николай видит, что у Старца блестит лик, и говорит: "Боже мой, живет в таком вертепе Старец, у которого лик блестит, а мы в Ленинграде как чумазы живем. Такой Старец старенький, слабенький. Не буду его затруднять и свои вопросы говорить — уж очень он слаб". Вдруг Старец берет его под руку, сажает в кресло и побеседовал очень долго, так что о. Николай все вопросы кончил, а которые забыл, Старец все ему напомнил. Отец Николай говорит: "Великий светильник Божий", — и слезно он отблагодарил Батюшку.

Однажды мне не хотелось идти к Старцу на благословение, а хотелось прямо идти ко всеобщей, чтобы там захватить хорошее место, чтобы было где посидеть. А на следующий день Батюшка при-

нял меня, да заставил стоять долго-долго, так что у меня колени заболели. А Батюшка пришел и смеется: "Что же, говорит, вчера посидела, так нынче постояла".

Когда Батюшка был еще простым иеромонахом, он приезжал в Шамордино на чреду, служил. Однажды он рассказал нам, что вот тридцать лет он никуда из монастыря не уходил, даже в Козельске не бывает, и ни от кого не получает ни посылок, ни писем. Иногда даже горько ему делается, что никто ему не пошлет, не вспомнит о нем — ведь все другие получают.

Тогда мать игуменья и монахини решили его утешить, как ребенка. Собрали ему посылочку: консервы, носки, конфеты, каждая дала, что могла; выпросили у знакомых на почте повестку, написали, печать приложили какую-то, предупредили закупщика монастырского, и тот доставил о. Нектарию повестку. Отец Нектарий расписался, тогда ему посылку принесли. Он страшно обрадовался. Потом догадался, и прислал благодарственное письмо. А потом он так много писем и посылок получал.

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ МОНАХИНИ БЕЛЕВСКОГО МОНАСТЫРЯ (НАТ. Б.)

Зимой в 1915 году приезжал в Петроград на закладку Шамординского подворья бат. Анатолий. Мы были у него и на исповеди, и у себя на дому принимали Старца. От знакомых получили книгу "Тихие приюты" и из нее узнали о Старцах Оптиной Пустыни, и о о. Герасиме. По описанию особенно тянуло к Батюшке Нектарию, и я записала его в свое поминание. Летом того же года исполнилось, наконец,

мое желание, и мы поехали в Оптину с мамой и сестрой. Звал нас Батюшка Анатолий, но я стремилась уже больше к о. Нектарию и хотела, чтобы он указал мне, в какой монастырь поступать. Желание оставить мир у меня уже было, а сестра, напротив, боялась этого, и все оттягивала нашу поездку. Помню, хибарки были полны, и нас несколько дней не принимали, указывая просить келейника.

При первой же встрече Батюшка благодарил меня за молитвы. Мы были с мамой, и всех троих он принял нас сразу, причем взяв нас за руки, меня и сестру, вел нас сам, и подвел к образу Св. Троицы (в углу его кельи наверху был этот образ) и сказал: "Я Вас принимаю, как Авраам Святую Троицу", называя нас Ангелами.

Его голос, его ласковое обращение и слова эти так меня смутили, что не помню даже остальных слов от волнения, и у меня полились ручьи слез от умиления, покаяния и радости, что я вижу святого Старца, вижу Ангела на земле.

После Батюшка, поговорив, дал сестре читать, а мне — листок об Иакиме и Анне, а по прочтении взять на память. Так как я знала, что Батюшка ничего просто не делает, то раздумывала, почему о них. Всем хорошо известна история рождения Божией Матери.

И вот через два года, когда я снова была осенью у Батюшки, он послал меня с Белевской монахиней погостить и проститься в Белевский монастырь, говоря: "Я тебя не просто, а трижды благословляю", — и все крестил. Не спрашивал уже, согласна ли моя мама, и сам назначил день отъезда нашего на 9-е сентября. Мы приобщились 8-го в Рождество Богородицы, а вечером, когда я услыша-

ла канон святым Богоотцам, я вспомнила о листке и поняла, что они — мои покровители, как бы они вели меня в Белевскую обитель.

Тут же скажу и о кончине Батюшки. Мне очень хотелось быть при его погребении, и я всегда боялась, что могу не узнать, опоздать и просила его духом вызвать меня, и вот он мне это как бы предугадал за 6-7 лет. В Москве я уже 5 лет живу. Приезжая из Белева, я всегда по нескольку дней жила в Оптине, а когда и по нескольку недель, и однажды Батюшка дал мне письменную работу: переписать из книги Иоанна Златоуста из толкования на Евангелие от Иоанна, из беседы Иисуса Христа с самарянкой, отметив крестиками, откуда начать и где окончить. То были слова: "Настанет время, когда истинные поклонники будут поклоняться не на горе сей, а в духе и истине". Прошло столько лет, я иногда вспоминала о том...

Эту зиму я стремилась все время к Батюшке, но предупреждали меня, что он слаб, не допускают. Слышала, что Батюшка все слабеет, и очень беспокоилась. А в одно из воскресений собралась в село Коломенское, в храме у Матери Божией встретилась неожиданно с одной знакомой монахиней, которая поведала мне, что Батюшка совсем слаб, никого не принимает и не отвечает уже.

Встревожившись, стала узнавать от чад его о его здоровье, ездила ежедневно на Маросейку и в воскресенье в неделю о Самарянке, услышав Евангельское чтение, вспомнила вдруг, что Батюшка давал мне переписывать... Кольнуло в сердце: жив ли сегодня? И вот в тот день, отъезжая к нему, на вокзале узнала, что скончался.

Описывать все случаи прозорливости Батюшки

было бы очень много. Чувствовалось, что он все знал вперед и слышал мысли, отвечал на мысли.

На первой же беседе, когда принял нас с сестрой вдвоем, Батюшка уговаривал сестру идти в монастырь (я хотела, она боялась), а на меня как бы мало обращал внимания.

”Ксеничка, — говорил он, — я тебя прошу, я тебя умоляю, иди в монастырь. Согласна? Обещаешь? Выбери Шамордино или Белевский”. Собрался сам переговорить с мамой, она была не согласна отпустить нас. Причем держал руки сестры крестообразно в своих руках. Правую в своей правой, а левую — в левой.

На меня же, когда уговаривал сестру, не обращал внимания. Так как я за благословением и указанием и ехала, и любя очень сестру и не желала с ней разлучаться, то, когда вышел Батюшка, я просила ее сказать ему, чтобы и меня с ней благословил не разлучаться. А он, принеся нам по карамельке (очень вкусные тянучки), сказал на меня: ”Успеем”.

И так и было: я от него не ушла, а сестру он спешил устроить, провидя ее кончину, как после мне и сказал. Мама не согласилась, расплакалась, обиделась на нас, и даже Батюшка не мог ее уговорить отпустить нас тогда же, а говорил ей много.

Месяцев через восемь или девять сестра заболела, очень страдала и через полгода скончалась. Два последних месяца мы ее ежедневно приобщали и пособоровали, а Батюшка утешал ее в письмах. Рассказывал и после еще много о ней, и о том, как погрешают родители, не отпуская детей в монастырь. ”Пожалели, не отдали Богу, Господь Сам взял”, — говорил Батюшка. А меня после утешал, говоря, что сестра в блаженстве со старцами. И видели ее во сне в белой мантии и белой камилавке.

Помню, мы приехали всей семьей к Батюшке, вошли все сразу: родители, старший брат, племянник и я. Отец стал жаловаться на меня, обидно было очень, а возражать, оправдываться нельзя было. Отец был недоволен к тому же, что я распорядилась деньгами.

Помню, Батюшка строго сказал мне, что не следует быть "выскачкой", а надо довольствоваться тем, сколько и где жертвует отец, притом сказал, что и давая деньги, можно иной раз не пользу, а вред сделать, и что на все надо рассуждение иметь.

Мама иногда роптала на отца из-за его расчетливости, она любила помогать, и приходилось это делать тайно от него, и она в расчете на помощь в этом отношении от Батюшки, прося его после повлиять на отца, как бы ошиблась.

Батюшка при отце стал говорить, что "скупость — не глупость", и приводил примеры (не помню). Мы от неожиданности растерялись, недоумевали на Батюшку, высказали это ему после, а он, как бы ничего не зная, сказал смеясь: "А я не знал, не понял". Но то было не просто, но понять Батюшку иногда было очень трудно. Он часто и вовсе отказывался от своих слов, заставляя меня в то же время поступать так, как он этого хотел.

Так, посылая меня в Белев, он настаивал на том, чтобы мать игуменья дала мне келью и послушание. После этого мать игуменья приехала к нему говорить обо мне, желая отказать мне, т.к. в Белеве уже предполагался роспуск монастыря и она, несмотря на благословение и просьбу Старца, не хотела меня принять (поскольку я была из буржуазной семьи). И Батюшка отказался от своих слов, сказав мат. игуменье, что он не знает, почему я не еду в

Петроград, и что остаться в Белеве — это мое желание (это тогда, когда я только за послушание ему и осталась там). А когда матушка игуменья уехала, он опять сам меня туда отослал, говоря: "Живи там, матушка не гонит". А в это самое время родные звали меня в Петроград, Батюшка не пускал.

Батюшка часто трогал своей материнской заботливостью. Так, мы приезжали с другой сестрой зимой, когда на гостинице было уже очень плохо. Жили мы с масляницы до шестой недели, и Батюшка сам позаботился о нас, дал нам свое одеяло, подушку, таз мыть голову, и все предусмотрел. Зимой мало бывало приезжих, и Батюшка принимал нас часто и закармливал сладостями. Шепчет, бывало, подождать после общего благословения и надаёт нам каждой то финики, то пряники, то булочек... Но и досталось нам "пряников" дома, когда вернулись в Петроград! Скорби гостиницами называют Старцы.

В год заболевания и смерти сестры Батюшка неожиданно подарил старшей сестре ящичек, коробочку резной работы (гроб) и чаю пакетик, носовой платок (слезы) и пряников, чтобы всем раздавать.

За год до голода раздавал всем по пять пряников мятных, в память насыщения пятью хлебами пяти тысяч.

Когда я готовилась совсем в обитель, Батюшка стал меня закалять. Оставил меня пожить. Застыла очень, а я была в летнем костюме и туфлях. Родные обещали мне прислать пальто и денег, но ни того, ни другого не получила. Начались дожди, я мерзла. В номере на гостинице не было и печки, мне предлагали перейти в другой номер, но Батюшка не благословлял, подводил за руку к градуснику: "посмотри, сколько, нет мороза еще? Помнишь, как в

20 градусов жили у нас, как птички ежились. Потерпи, благодать Божия тебя согреет”. А посторонние меня все жалели, удивлялись, почему не переменить номер. Монахи предлагали кто фуфайку, кто малинового варенья. Я кашляла. Перчатки дали. Келейник дал свои высокие сапоги, и я ходила в них в Скит, и в храм, как кот в сапогах. Все смотрели с удивлением, один Батюшка как бы ничего не хотел замечать. Так же и в обители Батюшка меня к суровой жизни приучал. Монастырь своекоштный был. Все свое было у сестер. Помню, мне трудно было печь хлеб, месить тесто. И дров больше требовалось, и мне казалось проще иногда блины печь, но Батюшка не позволил. Однажды спросила о скоромном масле, считала и это для себя роскошью после, но в голодовку хотела себя подкрепить, но Батюшка сказал с натяжкой: ”Для здоровья-то полезно... Ну, можешь”.

Однажды я подумала: ”Неужели Батюшка не сочувствует мне, не знает, как мне тяжелы условия Белевской жизни после Петрограда. И Батюшка вдруг сам стал спрашивать детально, как я живу, как питаюсь. Учил, как картофель крестьянам давать на посев, чтобы получить от них половину. Учил, как масло постное на соль менять. Спрашивал, тяжело ли мне воду из-под горы носить осенью и весной. Учил употреблять дождевую воду, и снеговую, т.к. к реке не подступить бывало. Спрашивал, сколько весит ведро, будет ли 20 фунтов в нем? Я с трудом себе одно ведро носила, после привыкла, окрепли мускулы. ”Потерпи все это Бога ради”, — и меня утешал, что доволен тем, как я в Белеве живу. Говорил потом: ”А ведь ты ни разу не попросилась у меня в Петроград”.

Я любила слушать Батюшку, когда он рассказывал что-нибудь, иногда притчами его наставления, или жития св. преп. жен, указывая на некоторые из них и говоря: "Читай и подражай". О молитве говорил: "Молись, и сама молитва всему научит". Он был делатель молитвы Иисусовой, любил говорить о ней, повторял: "Это тебе моя заповедь — всегда, везде, при всяком деле говорить: "Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешную". Когда я говорила Батюшке, что только его молитвами надеюсь спастись, Батюшка сразу делался очень серьезным и с ударением (по смирению) говорил: "Молитвами святых отец наших Господи Иисусе Христе (Боже наш) Сыне Божий помилуй мя грешную".

Мне очень хотелось иметь от Батюшки четки, просила о том, но он все оттягивал. Потом, когда мне Владыко благословил сам свои четки, Батюшка мне сказал: "У тебя есть от епископа, а ты у меня просишь". Но мне хотелось иметь от него для праздника, приобщения. "Обещаю, но пока нет у меня". А были, целый ящичек был четок. Потом однажды сказал привезти ему и обещал в обмен, но я двое привезла, Батюшка был очень доволен, обещал дать, а при отъезде опять сказал: "Помолись подольше и тогда дам". Таким образом, думаю, он хотел отучить меня от пристрастия. Приезжая уже из Москвы, просила опять, и Батюшка обещал к постригу очень твердо, но я не напонила и не получила.

Он мало принимал в Скиту, за день — два три человека, и очень редко кого соборовал. Нам с сестрой позавидовали, что Батюшка нас сам особоровал, и в тот день больше никого не принимал. Он был как Ангел в белом облачении с розовой отдел-

кой, и очень напоминал мне батюшку Амвросия. Он был слаб, и иногда даже садился отдохнуть. При отъезде он приготовил мне подарок: свой белый хитон, который мне был как раз. Сказал: "Смотри, береги, я приготовил тебе подарок, который тебе понравится, знаю". Подумала, что на смерть, и так у него и не благословились.

Батюшка спрашивал после, берегу ли хитон. Перед постригом я спрашивала у него благословения в нем постригаться вместо власяницы, и Батюшка благословил и сказал не переделывать. Имя мне также благословил Батюшка покойной матери.

Батюшка очень любил послушание и смирение. Относительно того, чтобы учить других, останавливать в семье, говорил: "Говори всегда лишь кротко и покойно, при том лишь в том случае, если они много младше".

Когда я жаловалась Батюшке на свою неисправимость, скорбела о том, Батюшка сказал: "Пусть немощь и покаяние до смерти чередуются. И в Прологе есть: "Если согрешивший скажет: Господи, согрешил, прости меня. И будет ему паче венца Царского".

Еще просила однажды дать мне епитимью для исправления и наказания, а Батюшка сказал: "Стопы человеческие от Господа исправляются".

Когда высказала однажды свое сожаление о грешно проведенной жизни (как язычница: балы, театры, флирт), Батюшка сказал: "Не оправдится пред Богом всяк живой. Господь тебя прощает, и я тебя прощаю".

На исповеди он бывал очень серьезен, сосредоточен, и иногда бывало очень трудно и страшно говорить ему о своих грехах, страшно именно из-за

его святости, хотя он всегда был благостен, и никогда не пробирал, не наказывал, когда того и могла ожидать. Так, я не ходила к утрени, пропускала, она у нас в четыре часа была, и тяжело было зимой, а Батюшка сказал: "Ангел-Хранитель за тебя помолится".

Относительно исповеди Батюшка говорил, что дело не в сложности, а в сокрушении, и Господь зрит на сердце. Не одобрял после запись грехов, как приучал меня в Москве мой духовник. Однажды сказал: "Грехи наши как песок морской, и можно ли их все пересказать... А у тебя какие грехи — одни немощи. У тебя все хорошо". Я очень не любила этой фразы.

Зная, что Батюшка целовал некоторых сестер, я подумала однажды: значит, у меня так нечисто сердце, так скверно, что Батюшка, целуя иных, никогда не поцеловал меня. И вдруг Батюшка, как бы услышав мою мысль, в ответ сказал: "Чадо Еленочка..." И с такой нежностью поцеловал мне глаза, лицо. Я была ошеломлена, поражена. Еще как-то Батюшка поцеловал мне косу. У меня были очень большие волосы, до колен, и Батюшка брал мою косу и перекладывал на плечо со спины. (А я ему в это время читала), и когда я увидела, что он целует мои пыльные волосы, то очень смутилась. Убивал он своим смирением.

Он собирал фотографии всех своих духовных детей и мне велел прислать свою. В обращении всегда был ласков, называл умницей, дружочком.

Батюшка любил показывать пример трудолюбия, он всегда был чем-нибудь занят. Переписывал, писал или разрезал письма, срезал чистые кусочки бумаги, записывал на них имена. Старался, чтобы ни один кусочек бумаги не пропадал. Когда келейни-

ки его заготавливали дрова, Батюшка уходил на свой дворик — сад и приносил щепочки — прутики в своей ряске, трудясь так же (для растопки очага годилось). Также кушание свое он часто сам себе приготавливал, подогревал. Мне часто давал послушание ставить ему самовар, а раз сказал с укором: "Ты бы хоть раз мне суп сварила". И я была счастлива потрудиться для него, т.к. он приходил в кухню посмотреть. В голодовку Батюшка иногда кормил меня у себя в келье, шутя говорил: "Ешь, а то не дойдешь до Белева". Однажды Бат-ка приготовил мне ужин, сам смешал все в кастрюльку: там был и картофель, и каша, и капуста, вероятно, от шей, и кусочки рыбы. Я была сыта, и отказывалась, но Б. сказал за послушание съесть, а когда доела все, похвалил: "Вот умница".

Сестра моя любила хорошо одеться, и после, считая грехом тратить деньги на дорогие ткани, в то же время, хотя бы из простой материи любила быть изящно одетой — и писала об этом Б., спрашивая, есть ли в этом грех. И Батюшка ответил: "Мир имейте и святыню (простоту) со всеми, по Апостолу, без неяже никто не узрит Господа. Можно и в рубище гордиться, можно и в наряде смириться".

Велико было смирение Старца. Он всегда говорил о себе: "Я в новоначалии, я учусь, я утратил всякий смысл. Я кормлю лишь крохами одними; а Бат. Анатолий — целыми хлебами". "Я наистарейший в обители летами, больше 50 лет в обители прожил, а наименьший по добродетели".

Еще помню, Батюшка ходил на исповедь в монастырскую больницу к архим. Агапиту, и мы его иногда провожали. Он был слаб, уставал, и помню, ему однажды сказали: "Батюшка, Вы бы палочку

взяли, Вам бы легче было бы ходить с палочкой”. Б-ка ответил: ”У меня нет еще на это благословения”. Этим он показал, что даже на такую мелочь он спрашивает благословения дух. отца или аввы — отца архимандрита.

В молодости, говорят, Батюшка был красив. У него были большие голубые глаза и очень большие белокурые волосы, он был полный, женоподобен. Старец не благословлял ему ходить в баню, чтобы не смущать братию. Сам он о себе рассказывал сестре, что никогда не чувствовал влечения к женщине.

Одна шамординская монахиня говорила мне, что ей очень нравился Батюшка иеродиаконом еще или иеромонахом. Нравилась и его служба и, узнавая, когда его черед в монастыре, она старалась приходить именно в это время. Их общий Старец был о. Анатолий Зерцалов. Он дразнил ее, посмеивался над ней: ”И что тебе нравится такой губошлеп”.

Сам он Батюшку очень любил, и Батюшка его. Батюшка иногда старался увидеть через дверную скважину, что делает его Старец (бат. Анатолий). Старался доесть остающиеся от него на тарелке кушанья. Когда я об этом спросила Батюшку, желая проверить, Батюшка очень смеялся.

Рассказывал, что другие монахи, имея в миру родственников и знакомых, получали посылки от них, сладости, а Батюшка никого не имел и получал сладости ”утешения” от Старца о. Анатолия Зерцалова. Придет, рассказывает, попросит чаю, а старец его смиряет иногда: ”Как, ты уже все поел... Ах ты, губошлеп...”

Еще рассказывал мне сам Батюшка, как он однажды провинился при Старце о. Амвросии еще, и

бат. Амвросий хотел его ударить палкой по спине, но батюшка благополучно избежал удара, уклонился, убежал и целую неделю потом прятался от Старца, старался не попадаться ему на глаза, хотя был обычай ежедневно приходить на благословение к Старцу. Рассказывал он мне об этом так занятно, как только он умел, причем до слез смеялся... А рассказал к случаю: я тоже попала под гнев мат. игумении, и он советовал мне уклоняться, пока она не забудет. Но обычно и учил просить прощения при всех случаях, бывала ли виновата или нет.

Батюшку все любили, и все ему прощалось и дозволялось. Так, он откровенно юродствовал. Отец Никон рассказывал мне, что помнит, как Батюшка ходил в белом колпаке на голове и желтой пелерине на красной подкладке. Явился в таком виде в трапезную. На одной ноге валенок, на другой — голубая туфля. Иногда, когда служил у себя в Скитском храме, при каждом видном было у него нижнее белье. Хорошо, что женский пол не допускался к нам в храм, говорил о. Никон. А. о. Игумен улыбался, глядя на него.

Мы приезжали с сестрой из Петрограда ежегодно. А из Белева приходила часто пешком, не было проезда по железной дороге. Ходила и под дождем, и снежные бури заставляли дорогой. Однажды в три дня добиралась (37 верст). Батюшка иногда и строго встречал, говоря, что напрасно предпринимаю такое тяжелое путешествие..., что он сам скорбен и уныл...

Но большей частью, как только увидишь его, забываешь все скорби, смущения. И с такой, обновленной душой возвращаешься домой... Пошутит, утешит, помолится. Иногда он говорил именно пеш-

ком к нему приходиться: "Ты еще молода, тебе надо потрудиться".

После, когда меня усиленно звали в Петроград домой приехать, Батюшка меня не благословлял: "Благодать Божия вывела тебя оттуда и не для того, чтобы туда возвращаться. Если мама хочет видеть тебя, пусть сама приедет в Белев".

Но в то время нельзя было без разрешения проехать и в теплушках, а Бат-ка на это сказал: "Пусть пешком придет в Белев, как ходили в Киев на богомолье".

Иногда Бат-ка меня оставлял недолго, жила и по месяцу, а когда и недели две. Бывала на Пасхе.

Не забыть никогда той службы Страстной и Пасхальной недели... И что там получала...

Помню, исповедовались в Великую Субботу вечером. Там же в хибарке читали правило и пришли все оттуда прямо к Святой Заутрени. То был последний год жизни бат. Анатолия. И он служил также с епископом Михеем, живущим при Оптиной, и отцом Архимандритом. Во время крестного хода так и чувствовалось, что все почившие Старцы с нами тут же. Так радостно, так светло было на душе. С Батюшкой Анатолием христосовались все сразу, от литургии в келью шли, и он оделял всех яичком, и после все отдыхали. Но нам не хотелось спать... Пошли в Скит, и в леску около хибарки Батюшки сидели мы и пели Пасху... в ожидании, когда откроют нам заветную дверку в Батюшкину хибарку.

В два часа дня зазвонили все колокола монастырские и Скитские. Отдых кончился и потянулись к Батюшке вереницы поздравителей — братьев, сестер и богомольцев. Братский хор пропел ему Пасху. Так же и сестры. Батюшка бывал торжественный в

праздник, в праздничной ряске, в клобуке и с золотым крестом. Шло это к нему очень. С гранатовыми четками. Братии давал по красному яичку. Принимал всех приехавших всю неделю, утешая их, а я ни яичка, ничего не получила... пожимал лишь руку иногда, а когда кончилась неделя, и "гости", как сказал, разъехались, и я попросилась к нему, сказал: "Ну вот, я все утешения раздал, а тебе ничего не осталось..." Нарочно испытывал так...

Но на словах очень многих утешил, а иногда и без слов, просто в духе утешал, такая радость давалась, мир, такое отрешение от всего, молитва... Хотелось умереть там...

Но иногда Батюшка любил и потомить, говоря после: "Тебе надо привыкать к терпеливому покаянию".

В тот год, когда ожидали все роспуска нашего монастыря, много Шамординских сестер жило при Оптине, и Батюшка говорил, что у них живет двенадцать дев и что мне всегда в Оптиной будет место.

Однажды Батюшка сказал мне, что ему очень тяжело, что он уныл и скорбен и утратил молитву, прося помолиться о нем и передать о том и мат. игуменье. Я подумала, что он обо мне говорит. "Неужели, Батюшка, у Вас бывает тягота на душе, я думала, что Вы всегда в молитве и в духе радости". Батюшка сказал на это, что случаются ошибки, иной раз скажешь что от себя, неправильно решишь вопрос чужой жизни, иногда строго взыщешь на исповеди, или наоборот, не дашь епитимии, когда следовало бы дать, и за все это бывает наказание, благодать Божия наказывает, отступает на время, и мы страдаем. Батюшка всегда говорил молиться за него — учил смирению. И мне всегда было неловко, не по себе, когда он так просил.

Необыкновенно благостен был Батюшка, он никогда не обличал меня, не укорял, не наказывал. Он обличал похвалой, давая почувствовать всю мою греховность, скверну мою. Так говорил: "Еленочка, (лаская), ты ангел прекрасный". Или по-французски...

"Батюшка, я зверь рогатый", — и разревешься. А он целует в голову. "Ты утешаешь меня своим приходом, я радуюсь за тебя — у тебя все хорошо, и печалую за себя... Ты растешь и цветешь, пройдет 1,5 года, и ты еще вырастешь на четверть. У тебя золотой фундамент для монашества". Но ничего этого не было. Батюшка хотел лишь утешить, успокоить в скорби, рассеять уныние. Когда он хотел насладиться своей беседой надолго, то, как о преп. Серафиме сказано, затворял на крючок дверь, чтобы не вошел никто и не помешали.

И хорошо, блаженно бывало в те часы. Казалось, и рай не нужен, а сидеть бы со Старцем при свете одной лампадки, и слушать его без конца, и целовать его руки... что он позволял делать, досыта целовала их всегда и колени. Сколько слез было вылито на его ряску. Накроет, бывало, своим широким рукавом голову (к коленям), говорит что-нибудь, а ты плачешь там под рукавом, а сам старается рассмешить, и тут и смех бывал сквозь слезы, и радость после печали.

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ АРХ. Б. Х.

В 20-х годах в Москве жил молодой врач Сергей Алексеевич Никитин. Мы с ним были в приятельских отношениях, и это дало ему возможность обратиться ко мне за помощью в серьезном личном деле.

Дело было такое: как человеку, несомненно одаренному, ему предлагали заняться научно-исследовательской деятельностью. Но ему была по душе и практическая работа лечащего врача. Предстояло сделать выбор между двумя сторонами медицинской службы. Сделать это самостоятельно он не решился, а так как был глубоко верующим, то явилась у него мысль обратиться за советом к последнему Оптиному Старцу о. Нектарию. О нем Сергей Алексеевич много слышал и прежде, очень интересовался им, а вот погидаться пока не приходилось. В ту пору добраться до о. Нектария в с. Холмищи было не так-то просто. Высланный из Оптины в 1923 году, он там был как за семью печатями из-за дальности расстояния, бездорожья, трудности с транспортом и всевозможных условий времени. Тем не менее, связь с ним я поддерживал благодаря своим знакомым по Оптине, жившим тогда в Козельске. Обыкновенно нужно было доехать поездом до Сухиничей, оттуда км 10 добираться как-нибудь до Козельска, а там уж о. Никон доставал мне лошадь до Холмищей.

Сергей Алексеевич об этом знал и пришел попросить наладить ему сообщение.

Прошло известное время, пока на отправленное мною письмо с запросом пришел положительный ответ о. Никона, бравшего доставить С.А. к о. Нектарию. Поездка состоялась: кстати случилось подряд несколько выходных дней.

Как-то раз, спустя какое-то время, с шумом открылась дверь моей комнаты, и ввалился радостно возбужденный Сергей Алексеевич. Он сиял, буд-то после Причастия.

— Здравствуйтесь, Сергей Алексеевич. Съездили?

— Да, сейчас расскажу . Слушаю. Рассказывает.

Привез его о. Никон в Холмищи в сумерках, "пришедше на запад солнца". В добротной крестьянской избе Андрея Евфимовича на половине о. Нектария читались вечерние молитвы. В горнице тихо слушали чтение несколько человек. Сергей Алексеевич с о. Никоном молча присоединились к ним. Особый молитвенный уют с мерцающей перед образами лампадой и журчанием благоговейного человеческого голоса, ровно произносящего строчку за строчкой из творений великих авторов — молитвенников Макария, Антиоха, Златоуста, Дамаскина. Чтение кончается. Близится отпуск. И вот из-за легкой перегородки появляется седенький сгорбленный Старец. Как-то по-особому он идет. "Едва топчется", — подумал Сергей Алексеевич, и какие-то новые для него, чужие навязчивые мысли овладели сознанием. "К кому ты пришел? Ведь этот старикашка, должно быть, выжил из ума, а ты, молодой способный врач, будешь с ним советоваться. Смешно". Незнакомое чувство противной досады, легкой озлобленности, оскорбленного самолюбия омрачило внутренний мир Сергея Алексеевича. Кто-то невидимый, но злой, настойчиво навевал ему чувство вражды к внешности, движениям, интеллектуальным и духовным способностям "скрюченного старикашки". Уйти бы.

Между тем о. Нектарий произнес отпуск и присутствующие стали по одному подходить к нему за благословением. Сергей Алексеевич делает то же со всем внешним уважением к священному сану Старца. Отец Нектарий всех благословил, но сказал, что плохо себя чувствует и просит приехавших вос-

пользоваться гостеприимством на половине Андрея Евфимовича.

Тогда о. Никон замолвил слово за Сергея Алексеевича, сказав, что, дескать, вот московскому врачу нужно будет завтра рано уехать, чтобы к сроку попасть на работу. Старец согласился поговорить с Сергеем Алексеевичем тотчас и оставил его в горнице. Все прочие вышли.

Отец Нектарий с трудом добрал до кресла у стола, предложил гостю присесть, сел сам в кресло, выпрямился несколько и спросил Сергея Алексеевича: — "Скажите, а не приходилось ли Вам изучать Священную историю Ветхого Завета?" — "Как же, учил", — ответил Сергей Алексеевич. — "Представьте себе, — переходя от вопроса к повествованию, стал говорить о. Нектарий, — ведь теперь совершенно необоснованно считают, что эпоха, пережитая родом человеческим в предпотопное время, была безотрадно дикой и невежественной. На самом же деле, культура тогда была весьма высокой. Люди многое что умели делать предельно остроумное по замыслу и благолепное по виду. Только на это рукотворное достояние они тратили все силы тела и души. Все способности своей первобытной молодой еще природы они сосредоточили лишь в одном направлении — всемерном удовлетворении телесных нужд. Беда их в том, что они "стали плотью". Вот Господь и решил исправить эту их однобокость. Он через Ноя объявил о потопе, и Ной сто лет звал людей к исправлению, проповедывал покаяние перед лицом гнева Божия, а в доказательство правоты своих слов строил ковчег. И что же Вы думаете? Людям того времени, привыкшим к изящной форме своей цивилизации, было очень странно глядеть,

как выживший из ума старикашка сколачивает в век великолепной культуры какой-то несуразный ящик громадных размеров, да еще проповедует от имени Бога о грядущем потопе. Смешно”.

Сергей Алексеевич, сначала не понимавший, к чему, собственно, о. Нектарий стал говорить о допотопной культуре, вдруг узнал в словах Старца знакомые выражения. Ведь именно такая мысль шипела у него в голове, когда он впервые увидел ”топчущегося” Старца. ”Выживший из ума старикашка”, — вспомнил он. А этот ”старикашка”, оказывается, прочитал его мысли. Сергеем Алексеевичем овладело сильное смущение, лицо моментально зарделось, чуть ли не задвигались волосы. Испарилось все, о чем он хотел спросить о. Нектария.

Отец Нектарий прервал его смущение удивительно обыкновенной фразой: ”Небось устали с дороги, а я Вам про потоп”. Его благообразное лицо, в сединах, как в нимбе, светилось по-детски чистой улыбкой. Глаза изучали добро и мудрость. Он предложил Сергею Алексеевичу прилечь на диван, а сам стал готовить письма для отправки с утренней okazji. Усталость быстро погребла под собой все остальные чувства Сергея Алексеевича. Он уснул. Только где-то среди ночи его потревожил шорох. Проснулся. Это Батюшка отец Нектарий пробирался между столом и диваном к себе в келейку за досчатой перегородкой.

Сергей Алексеевич вскочил и подошел под благословение, чтобы проститься. Батюшка благословил его, приговаривая: ”Врач-практик, врач-практик”. Так был дан ответ на невысказанный вопрос о профиле медицинской работы Сергея Алексеевича. Это было даже больше, чем ответ. Долгое

время после того Сергей Алексеевич был врачом-практиком в любых условиях, на свободе и в заключении. Он и потом, когда стал священником, а позже — епископом, широко применял свои колоссальные медицинские познания в деле пастырского душепопечения.

Давившее смущение бесследно исчезло. Светлая радостная тишина наполняла душу, освеженную обществом Старца, святого делателя Иисусовой молитвы.

Впечатления, полученные С.А. от кратковременного посещения простого деревенского домика в Холмищах, он довел во всей свежести. Мне передано его переживание. Комната наполнилась фимиамом дорогих воспоминаний. Одухотворенные лица, скитские ворота, хибарка, лучезарная Оптина с шумом вековых сосен, последний Оптинский Старец в Холмищах...

Светлое, родное...

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ СОФИИ АЛЕКСАНДРОВНЫ ЭНГЕЛЬГАРД, ДУХОВНОЙ ДОЧЕРИ СТАРЦА НЕКТАРИЯ

Весна 1928 года. За целый год никому не удастся побывать у о. Нектария. Едут и возвращаются ни с чем. Хозяин не допускает к Старцу, говорит, что сам Старец не хочет никого принимать и что в сельсовете очень следят за его домом. До нас доходят только глухие слухи, что о. Нектарий часто болеет.

В начале апреля 1928 года о. Борис и я едем по благословию о. Сергия в Холмищи. В лесу тает

снег, везде широкие ручьи, дороги нет. С большим трудом мы, наконец, добираемся пешком до села. Уже темно, в селе все спят, и хозяин впускает нас в дом. Утром нас зовут к Старцу.

Отец Нектарий просит поднять его с постели и усадить в кресло, а потом велит позвать нас. Он очень слабенький. Мария говорит, что он давно не сидел в кресле и только когда узнал, что мы приехали, захотел перейти с кровати в кресло.

О. Нектарий благословляет нас и произносит: "Когда приедет о. Сергей?" Это были его первые слова. Мы отвечаем, что о. Сергей очень хочет приехать и поручил нам спросить об этом Старца. Старец говорит, чтобы мы сообщили о. Сергию, чтобы он приехал, как только сможет. Мы посылаем в Москву очень длинную телеграмму, и о. Сергей очень скоро приезжает вместе с доктором Сергеем Александровичем Никитиным. О. Сергей подходит к постели умирающего Старца и опускается на колени. Отец Нектарий приветствует его словами: "О Вас не беспокоюсь". — "Спасибо, Батюшка, спасибо", — радостно и взволнованно отвечает отец Сергей.

Мария, Гомельская монахиня, которая живет у хозяина и ухаживает за о. Нектарием, восклицает: "Значит, отец Сергей больше не будет болеть!" О. Сергей перед этим страдал от сильных головных болей.

О. Борис смотрит на меня и тихонько спрашивает: "А Вы понимаете, что хотел сказать о. Нектарий?" "Понимаю", — отвечаю я. Для нас обоих все ясно. Это период церковных смут. О. Нектарий знает, что о. Сергей ни при каких обстоятельствах не поколеблется, не откажется от своих убеждений. Позднее о. Сергей несколько минут беседовал со

Старцем наедине. На следующий день о. Сергей уезжает вместе с о. Борисом и Сергеем Алексеевичем. На просьбу Старца снова приехать к нему поскорее, о. Сергей дает обещание приехать через неделю. О. Нектарию очень хотелось, чтобы о. Сергей был при его кончине, но, к сожалению, этого не случилось.

О. Сергей просил меня дать ему телеграмму, когда Старцу станет совсем плохо. Сергей Алексеевич сказал, что Старец сможет прожить еще недели две-три, не больше.

Через несколько дней я попыталась послать о. Сергию телеграмму, но даже верховой не смог проехать на станцию Думиничи, ни в волостное село, где был телеграф. Снег сильно растаял, реки разлились, и Холмищи были отрезаны от внешнего мира. А Старец заметно слабел с каждым днем.

И только накануне кончины о. Нектария к нему неожиданно приехал из Киева его духовный сын о. Адриан Рымаренко, который и читал над ним отходную, а потом, вместе с местным сельским священником, облачал его.

Получив телеграмму о кончине Старца, о. Сергей немедленно приехал. Приехали также и о. Петр Петриков, о. Борис Холчев и о. Андрей Эльбсон (духовные дети Старца), и кое-кто из мирян. Жены, муж и жена, привезли гроб и деревянный крест. Из Оптины приехал младший келейник Старца о. Петр (простой монах), а остальные ждали в Козельске, считая, что тело Старца должны привезти туда.

Незадолго до кончины Старца, Мария три раза при мне спрашивала о. Нектария, где его хоронить. Он к этому времени уже почти не говорил, а отвечал нам жестами. Старец каждый раз указывал рукой

назад, в сторону сельского кладбища. И каждый раз на вопрос Марии, отвезти ли его тело в Козельск, о. Нектарий отрицательно качал головой.

Торжественно отпели Старца и на руках отнесли на сельское кладбище, и поставили деревянный крест на могиле. Но позднее приехали из Гомеля духовные дети Старца, привезли свой Крест и поставили с другой стороны, считая, что наш Крест был поставлен неправильно. Так и стоят на могиле Старца два Креста, один в ногах, а другой у головы.

КОПИЯ ПИСЬМА СТАРЦА ОПТИНОЙ ПУСТЫНИ ИЕРОМОНАХА НЕКТАРИЯ

7/9-1922 г.

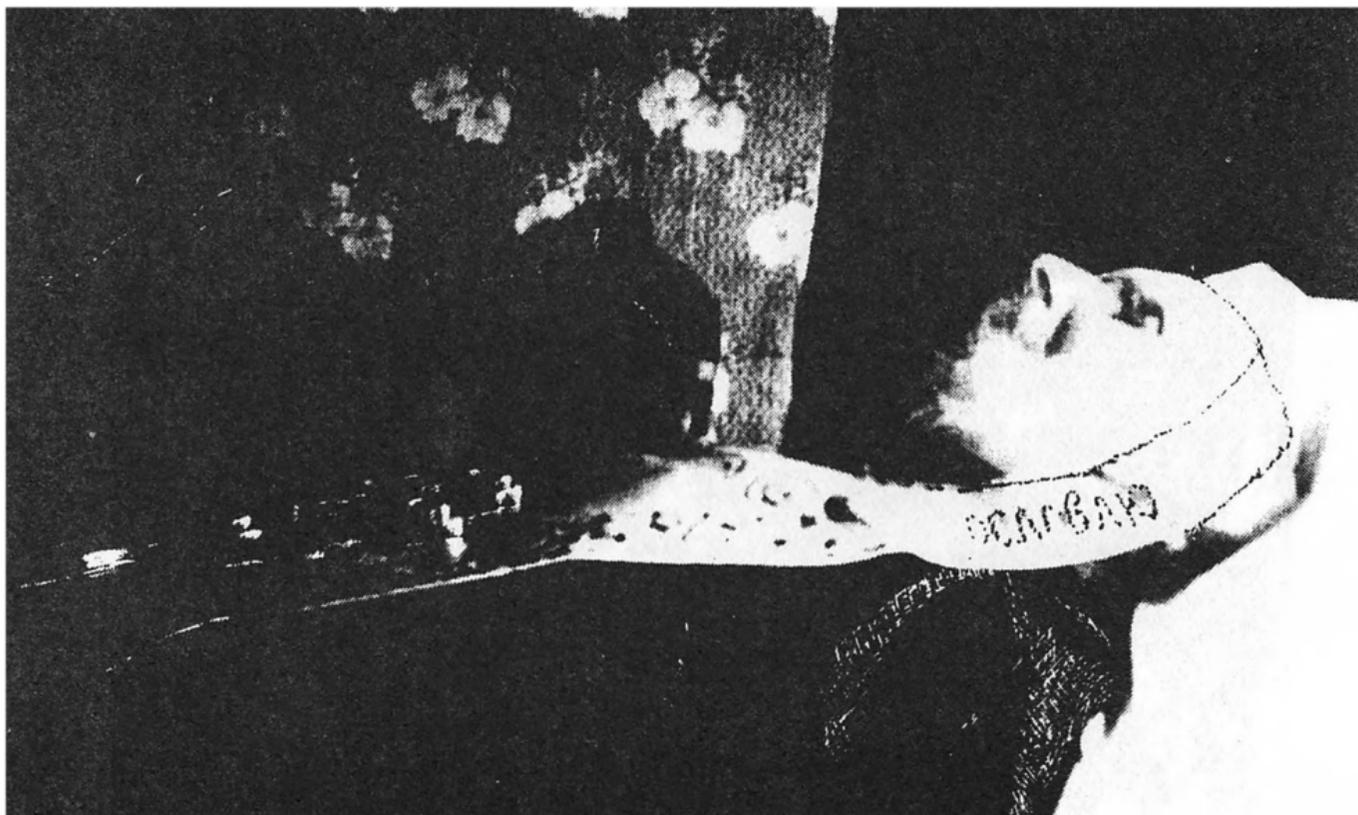
Досточтимая о Господе София Александровна!
Скорби Ваши мне известны, и посылается скорбь всегда для того, чтобы человек молитвою почерпнул милость Божию, сторицею скорбь превышающую. Не я один думаю, что скорбь мужа Вашего облеγχится. Молитесь все св. Анастасии и ап. Петру. А дочке скажите, что здоровье ее души и тела зависит от частого и достойного приобщения Св. Христовых тайн. Пора воспользоваться данным ей даром жизни во славу Божию, ибо лишь в ней наше вечное блаженство, только общение с Господом в послушании Слову Его, в чтении оного, только вера и праведность (или стремление к ним ежечасное), взятые вместе, а не отдельно, только безропотность и благодарение Бога за все посылаемое избавляют нас от всяких болезней, скорбей и напасти, возмещая все сии средства миром и радостью о

Дусе Святе, чего и Вам желаю от милости Господа
нашего Иисуса Христа.

/подпись/ грешный иеромонах Нектарий.

Почил наш Старец. Смолкло слово.
Угас светильник на земле.
Погас, чтоб возгореться снова
В далекой горней стороне...
Кто в усыпленьи нас пробудит?
В смятеньи — кротко утешит,
Мысль непокорную осудит.
А покаянную простит?
Но верим мы: ты не оставишь,
Ты не покинешь до конца
И души чад твоих представишь
Престолу Вечного Отца...

Св. старец Нектарий Оптинский на смертном одре. 29/12 мая 1928 года. Холмищи.

Крест и изображение св. Старца Нектария на его могиле.

НЕКОТОРЫЕ ПОСЛЕДНИЕ НАСЕЛЬНИКИ ОПТИНОЙ ПУСТЫНИ

Епископ Михей.

Схиархим. Исаакий, схиархим. Севастьян.

Иеромонах Никон – ученик старца схиархим. Варсонофия.

Иеромонах Досифей – ученик Старца скитоначальника Анатолия (Зерцалова), позднее ученик архим. Агапита – автора лучшего жизнеописания старца Амвросия. Духовник Старца иеросхим. Нектария. Учитель монаха Агапита (М.М.Таубе) и духовный отец.

Иеромонах Досифей – ученик Старца скитоначальника Анатолия (Зерцалова).

Иеромонах Павел Полевой – последний библиотекарь Оптиной Пустыни.

Иеромонах Серапион – известный благочестием и духовным разумением. Скончался мученически – заболел в лагере, казалось, скончался, и был отнесен в морг. Монахиня, знавшая его, там работала медсестрой. Она вошла в морг помолиться у его тела. Вдруг он открыл глаза, узнал ее, приподнял руку и благословил ее – и тут же скончался. Был очень сильный мороз. Трупы в морге лежали обледенелые.

Иеромонах Макарий – исповедник.

Кирилл, иеродиакон или иеромонах, не знаю, псеводитель Старца Нектария, скончался в ссылке от тбц (туберкулеза);

Иеромонах Рафаил (Родион Иванович Шейченко), бывший ветеринарный фельдшер. Исповедник. Страдал за веру около 20 лет. Сначала в лагере слабого режима, в лагерном подсобном хоз-ве Дмитровского района. Там имел отдельную комнату, достал Богослужебные книги и служил. Однажды летом он шел со знакомой по лагерной улице, навстречу им показалась группа заключенных уголовниц, возвращающихся с полевых работ, н. проституток и воровок. Поравнявшись с о. Р. и его спутницей, они смиренно поклонились ему — "Здравствуйте, Батюшка!" — без единой усмешки или наглого взгляда. Когда случайно открылось, что у себя в комнате он совершает Богослужение, он получил 15 лет строгого режима. Отбывал их в Соловках. Отбыв их, он вышел на свободу сактированным инвалидом, вернулся в Козельск и получил там приход. С великой жалостью и любовью заботился о престарелых и немощных сестрах бывшего Шамординского монастыря, живших в Козельске. Духовно был близок с будущим епископом Стефаном (Никитиным), также дух. сыном о. Нектария, и с о. Борисом Холчевым (также дух. сыном о. Нектария). Умер о. Рафаил вскоре после Троицы (19/6-57 г.), заболел, придя с кладбища после многочисленных панихид. На девятый день после смерти явился во сне своей келейнице и указал место спрятанных им денег, которые были пожертвованы для помощи этим шамординским убогим и больным монахиням, а он, внезапно заболев, не успел их раздать. В другом сонном

видении было показано, как он стоял у подножия лестницы, а за ним пришли, спустившись по ней, ранее умершие о. Никон и о. Кирилл в белых облачениях, взяли под руки и стали возводить. Был о. Рафаил великой любви и жалости к людям.

Монах Евфал — иеродиакон, смиреннейший, работал при Оптином музее. Умер, сброшенный злоумышленниками с поезда. Найден мертвым у ж.д. пути.

Монах Викентий (Никольский), сын сенатора, давший, с благословения б. Нектария, обет добровольной нищеты. В Оптине работал почтарем. На женщин глаз не поднимал, письма клал на стол в коридоре. Ходил в стоптанных сапогах в грязь и в стужу в Козельск. После закрытия Оптины долго жил при Церквях в Козельске или где-то неподалеку, никогда не выходя из ее ограды, пономарил. Не раз предлагалось ему иеромонашество, но он отказывался, говоря: "С меня довольно быть монахом". Умер в Ташкенте или около. Зачем поехал — не знаю.

Монах Петр — младший келейник старца Нектария, жил с ним некоторое время и в усадьбе Осипа, и в Холмищах, пока хозяин того дома, Андрей Евфимович Денежкин, не прогнал его из ревности. Был только рясофорным. До революции побывал на Афоне. Был простодушен, мужиковат, из искателей правды. Батюшка говорил о нем: "О. Петр все ходит и ходит и, можно сказать, даже шатается". Старцу предан был нелицемерно и потому им любим. Подробностей его смерти не знаю. Говорили, что он работал в шахте и погиб по несчастному случаю.

ОТЕЦ РАФАИЛ ОПТИНСКИЙ

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ МОНАХИНИ ЛЮБОВИ

Иеромонах Рафаил (Родион Иванович Шейченко) (в Оптине был иеродиакон), духовный сын о. Нектария, бывший ветеринарный фельдшер. Исповедник. Страдал за веру около 20 лет. Сначала в лагере общего режима, в лагерном подсобном хозяйстве Дмитровского р-на. Там имел отдельную комнату, достал богослужебные книги и служил. (Отдельную комнату — имеется в виду свиное стойло — он был в лагере ветеринарным фельдшером и жил в свинарнике.)

Однажды летом он шел со знакомой по лагерной улице, навстречу им показалась группа заключенных уголовниц, возвращающихся с полевых работ (проституток и воровок). Поравнявшись с о. Рафаилом и его спутницей, они смиренно поклонились ему:

— Здравствуйте, Батюшка! — без одной усмешки или наглого взгляда.

В тот же лагерь был прислан и о. Борис Холчев, духовный сын о. Нектария и старинный знакомый о. Рафаила. О. Рафаил выхлопотал ему разрешение жить вместе с ним в свином стойле, где вместе они и встретили Пасху (31-го или 32-го года). Когда случайно открылось, что в комнате о. Рафаила совершаются службы, он получил 15 лет лагерей строгого режима. Известно только то, что отбывал он их в Соловках. Отбыв срок, он вышел на свободу сактированным инвалидом, вернулся в Козельск и получил там приход (был рукоположен в иеромонахи, а до того был иеродиаконом). Служить было негде, власти отдали совершенно разрушенную церковь. Он стал ее восстанавливать (сейчас это действующий храм Благовещения в г. Козельске) С великой жалостью и любовью заботился о престарелых и немощных сестрах бывшего Шамординского монастыря, живших в Козельске. В то время в Козельске был рукоположен в священники бывший учитель о. Сергей, который стал сослужащим с о. Рафаилом священником.

О. Рафаил был настоятелем. Всеобщая любовь, которой пользовался о. Рафаил, видимо, возбудила в его сердце зависть. Каким-то образом он уговорил одну из прихожанок написать ложный донос на о. Рафаила в МГБ. (Я не знаю всех подробностей, но факт остается фактом.) Она написала ложный донос, что о. Рафаил был связан с немцами, и его снова забрали и отправили в лагерь (это было начало 50-х годов). Он, слабый уже совсем и больной, сидел лет пять с уголовниками. Без него был освящен

О. Рафаил

храм, и о. Сергей стал в нем настоятелем. Все письма о. Рафаила из ссылки проникнуты духом великой христианской любви и всепрощения. Он умоляет своих духовных чад "простить Наташу" (т.е. женщину, написавшую на него донос), и говорит о том, что без воли Божией "ни влас с главы не упадет", что нужно смиряться перед волей Божией, в какой бы тяжелой форме она не выражалась.

Выйдя из тюрьмы, он служил года два под началом о. Сергия.

Умер о. Рафаил вскоре после Троицы, заболел воспалением легких, придя с кладбища после многочисленных панихид. На 9-й день после смерти явился во сне своей келейнице и указал место спрятанных им денег, которые были пожертвованы для помощи этим шамординским убогим и больным монахиням, а он, внезапно заболев, не успел их раздать.

В другом сонном видении было показано как он стоял у подножия лестницы, а за ним пришли, спустившиеся по ней, ранее умершие о. Никон и о. Кирилл в белых облачениях, взяли под руки и стали возводить. Был о. Рафаил великой любви и жалости к людям.

(Прилагаемое письмо о. Рафаила к его духовному чаду – монахине Любви – одно из писем, написанных им в годы последнего тюремного и лагерного заключения.)

Я счастье отринул,
Я счастье лишь в Боге искал,
Я радости мира покинул,
В лишениях покой обретал.

Много, почти сорок лет тому назад, ранним майским утром, в расцвете "своей весны", — подошел я к святым воротам Оптины Пустыни. Котомка странническая уже тяготила мои плечи, в руках у меня был мой верный долгий спутник — посох. Вокруг царила майская утренняя тишина, и весенняя прелесть пробуждающейся природы ласкала взор и радовала сердце. Щебетали радостно птички, благоухали начинающие расцветать вокруг монастыря фруктовые сады, где-то вдали, на берегу реки Жиздры, в зарослях разливались утренние звучные трели соловья.

Раздался благовест монастырского колокола, зовущий на молитву ранней Божественной Литургии. Св. ворота обители уже были открыты. Богомольцы с умильными лицами спешили в Святой храм.

Но не спешил войти только я. Какая-то сила удерживала меня. Я остановился у Св. ворот, погруженный в думу, как "Тот" путник, русский богатырь на распутии дорог.

Да, было над чем призадуматься и мне, было, что решить, и решить навсегда и безвозвратно.

Ведь я шел в эту славную Оптину Пустынь, в

колыбель духовного окормления богомудрых Старцев и Духоносных Отцев не только помолиться, но "поселиться".

— "Чаях Бога, спасающего мя от малодушия и от бури, бури страстей, вздымаемых скорогибнущими прелестями "мира сего".

Я нес сюда, к честным стопам Старцев, а паче к подножию Св. Креста Христова, свою волю, свою юность и жизнь. Я шел "сюда" — умереть для мира...

От дней детства, под кровом родителя своего, я всей пылкостью чистой юной души любил и жаждал св. иноческого жития. Оно было мечтой детства и усладой юности моей.

И вот я стоял у преддверья желаний моих... Душа моя рвалась войти. Но ин голос, голос юности и плоти горце взывал ей: Куда ты влечешь меня? Там вдали оставлены тобою престарелые родители. Еще не высохли слезы матери твоей, проводившей тебя в далекий путь, благословив тебя Святым Крестом с груди своей. Она ждет благополучного твоего возвращения и радостной встречи. Там ждут тебя кровные братья, там ждут любившие тебя юноши, друзья и девы. Там ждет в тоске та, которую чисто любил о Господе... Тело мое молодо и слабо...

А тут, за прагом сим, на всю жизнь ждут тебя подвиги самоотвержения, подвиги, кроме физических трудов, еще неведомые мне, непонятные и неведомые миру, подвиги абсолютного послушания, смирения, поста и молитвы. Жизнь хождения как бы пред лицом Самого Бога, в Боге и для Бога.

Куда ты ведешь меня?!

Так взывала со мне юность. Так вопияли во мне "плоть и кровь". Но и порывы души моей не унимались. Душа рвалась — туда, за "св. порог". Она готова была на все жертвы труда и подвига. Она готова была — хоть на смерть. Она взывала со св. царем Пророком Давидом: "Готово сердце мое, Боже, готово сердце мое!"

И в эти минуты борьбы "Духа с плотью", — я возвел свой взор души "туда горе" — к Тому, Кому я вверял свою жизнь и спасение, Кому ведомы пути вхождения моего и исхождения...

Я взывал о помощи Его Благодатной, я взывал воплем души моей: "Боже! Изведи из темницы "суеты и страстей" душу мою, исповедатися Имени Твоему и славить Тя Единого во веки!" И в это время внимание и взор были обращены на лестницу, ведущую от Св. Ворот к самому входу Собора, которая постепенно возвышалась.

"Таков здесь путь Твой, путь духовного восхождения до входа твоего во врата Горняго Небесного Иерусалима" — сказал мне внутренний голос мой... А над Св. Воротами во весь рост человека возвышался Ангел, в одной руке он держал большой Святой Крест, как символ страдания, а в другой — Венец, как символ — награды и славы...

Слова Св. Евангелия, как некий Божественный Свет озарили мой разум, и как острие меча уязвили Истиной слов Богочеловека мое сердце:

"Аще кто хочет по Мне идти, да отвержется себя и возьмет Крест Свой, и по Мне грядет"...

"Азь есмь Путь, Истина и Жизнь"!

Путь на небо всякому последователю Моему, а "наипаче" иноку — предлежит только через Голгофу, с Крестом в руках, с Крестом на плечах.

Сим путем восшел в Горняя и Азь — Сын Божий, Сияние Славы Отчей, на Кресте Своими страданиями и смертью совершил искупление рода человеческого, и Своим Живоносным Воскресением воскресил его, даровав ему новую жизнь и спасение. Других путей туда, на небо — нет, все другие пути ведут в другие страшные адовы места...

Без Креста — нет Венца!

Я переступил благоговейно Св. порог обители — и... взял Св. Крест, сказав: "Се покой мой — zde вселюся в век века!"

Кресту Твоему поклонюся, Владыко!

Прими, о чадо мое Любовь — эти строки сии, они не сухое витийство убогого разума моего — нет! Это правдивый искренний голос души моей, написанный кровию сердца моего. (Воспоминания светлых далеких дней.)

Пусть "этот голос" отзовется тождественным аккордом и в душе твоей, и родит в ней искреннюю теплую слезную молитву ко Господу и Его Пречистой Матери "о своей душе", и обо мне грешном, далекоком страннике и крестоносце!!!

гр. Рафаил, 25 авг. н.с. — канун моего поступления в Св. О.П., на Св. Тихона Задонского, а до этого я жил в О.П. гостем.

О. Рафаил и о. Мелетий — единственные оставшиеся в живых после гонения 20-х-30-х-40-х годов оптинские монахи. Они оба похоронены на городском кладбище в Козельске. Причем на могиле о. Мелетия есть табличка с надписью, а на могиле о. Рафаила нет даже таблички, и их снимают под тем предлогом, что он лежит в могиле не один — после его смерти в эту могилу были положены рядом еще два городских священника. И сейчас, если спросить у местного духовенства об истории восстановления Козельского храма, все говорят, что храм восстанавливал о. Сергей. Умер о. Рафаил в 1958 или 57 году (точную дату укажу позднее).

Духовно о. Рафаил был близок с о. Борисом Холчевым и с С.Н. Никитиным (владыка Стефан). Все трое были духовными детьми Старца о. Нектария.

Пришел отец Рафаил (Родион Иванович Шейченко) в Оптину Пустынь в самые последние годы ее существования, в 1917 году. На его глазах убили кого-то из его близких, и он сам на салазках привез тело убитого домой. Это было как бы последним толчком к решению порвать все с миром.

К сожалению, о жизни его в монастыре почти ничего не известно. Он стал духовным сыном отца Нектария.

Но монастыри все, в том числе и Оптиная, доживали свои последние дни, и его ждали великие подвиги полного отвержения своей воли не в стенах монастыря, а еще более трудные.

В 1922 году умер старец Анатолий, накануне того дня, когда его должны были арестовать. А Великим Постом на Страстной неделе по мартовской обледенелой дорожке уводили из Скита отца Нектария. (Слабенький Старец шел и падал.) Он шел и падал. Монастырский хлебный корпус был превращен в тюрьму, туда привели едва держащегося на ногах от слабости Старца. А когда ударили в монастыре к чтению 12-ти Евангелий, подъехали розвальни и увезли его в городскую тюрьму.

Вот какова была в Оптине последняя Страстная седмица, как встречала Пасху Христову братия в последний раз в монастыре.

После окончания следствия о. Нектария было приказано выехать за пределы Калужской губернии. И он поселился в 60 верстах от Козельска в селе Холмищи. Его духовные дети не теряли с ним связь.

Архимандрита Исаакия (настоятеля) власти отстранили от дел. Правительство требовало передачи всего имущества монастыря музею. Это дело всей своей тяжестью легло на иеромонаха о. Николая Беляева.

Отцам было приказано освободить корпуса, где они жили, и передать их детскому дому.

Монастырь перешел в ведение "Главнауки", и как исторический памятник был наименован "Музей Оптиная Пустынь".

С великой скорбью покидали обитель иноки Оптинские. Большинство переселилось в Козельск или в ближайшие деревни. Некоторые уехали к родным.

В монастыре был оставлен один о. Никон, как передающий монастырь музею. Он жил в одной из угловых башен. Многие люди, не зная о том, что монастырь уже не существует, приезжали по-прежнему, желая попасть к Старцу. По благословению о. Нектария их принимал о. Никон.

Введенский Собор и храм преп. Марии Египетской были закрыты, но на некоторое время, пока происходила передача монастырского имущества музею, разрешено было служить в Казанском храме, и о. Никон и приходящие из Козельска отцы ежедневно служили.

Настал момент, что и в Казанском храме запретили служить. Но тут Господь послал утешение. В одном храме в Козельске освободилась вакансия священника. И ее занял один из оптинских отцов (о. Макарий, умер в ссылке), он стал настоятелем. Постепенно все должности в Церкви заполнили монахи. А все остальные, во главе с архимандритом Исаакием, составляли хор.

Много было в это время в Козельске и монашенок из Шамординской общины и других монастырей. Жили все в великой скудости. Но духовно все имели большое утешение в Богослужении монастырском.

Так прошло время до 1928 года. Братии делалось все меньше, были отдельные аресты. А в 1928

году были арестованы все, в их числе и отец Рафаил. (Через сколько времени по поступлении в монастырь о. Рафаил был пострижен в монашество — неизвестно. Ко времени закрытия монастыря он был в сане иеродиакона.)

Первая его высылка была в район Котласа, в лагерь общего режима. При лагере было подсобное хозяйство (свиноводство), а т.к. до монастыря он был ветеринарным фельдшером, и в лагере он попал на свою прежнюю работу. Жил не в общем бараке, а в одном из пустых свиных стойл. Отношение к нему, видимо, было хорошее, т.к. он пользовался относительной свободой. Сумел достать Богослужбные книги и совершал службы.

Рассказывал о. Рафаил, как неожиданно с вновь прибывшим этапом появился о. Борис Х. (он был арестован в Москве в 1931 году), в те годы — молодой иерей (впоследствии — архимандрит). О. Рафаил знал его с первых дней поступления своего в Оптину. О. Б. был духовным сыном старца Нектария, и, посещая его, останавливался у о. Рафаила.

О. Рафаил выхлопотал разрешение для о. Бориса жить не в общем бараке, а у него. И они вместе жили какой-то период времени. О. Рафаил рассказывал, как они вместе встречали Пасху.

Сколько продолжалась их совместная жизнь, точно неизвестно. О. Б. перевели.

Рассказывал о. Рафаил, как однажды он шел со своей знакомой по лагерной улице, навстречу им появилась группа заключенных уголовниц, возвращающихся с полевых работ (проституток и воро-

вок). Поравнявшись с о. Рафаилом и его спутницей, они смиренно поклонились ему: "Здравствуйте, Батюшка" — без обычной усмешки или наглого взгляда.

Но такое относительно мирное житие о. Рафаила внезапно кончилось. Открылось, что он имеет у себя книги и совершает Богослужение. Он был приговорен к 15-летнему заключению в лагере строгого режима. К сожалению, об этом периоде его жизни известно только одно, что он отбывал их на Соловках. На свободу он вышел "сактированным инвалидом". Это было в первой половине 40-х годов.

Освобождающийся заключенный должен был назвать точное место, куда он едет (для справки). И о. Рафаил назвал Козельск.

Приехав в Козельск, он нашел тут полную разруху. Действующего храма в городе не было. Храмы стояли занятыми какими-то складами. Храм Благовещения Пресвятой Богородицы был почти совсем разрушен, только остов стоял. Колокольня была снесена до основания. Как рассказывал о. Р., там у немцев была конюшня.

Физически о. Р. был очень слаб, но душа горела желанием трудиться. О. Рафаил поехал в Москву, к митрополиту Николаю Крутицкому. Митрополит посвятил его в иеромонашество (в день "Утс ли моя печали" в храме Успения в Гончарах (на Таганке)), и благословил хлопотать об отдаче верующим какого-нибудь храма. Отдали разрушенный храм Благовещения Пресвятыя Богородицы. Время было тяжелое, голодное, но народ, воодушевленный

о. Рафаилом, со всем усердием принялся за работу над восстановлением дома Матери Божией. Откуда брались силы, как доставались материалы — одному Богу известно. Никаких машин в то время не было. Стройка шла, как в старину — вручную. "Колокольню — о. Рафаил говорил — я сделал точно такую, как в Оптине". Длилось строительство около 5 лет.

К концу 49 года уже храм внешне был готов и крест водружен. Работы внутри храма шли к концу. Нашелся специалист-иконостащик, который сделал не только иконостас, стоящий и поныне, но и паникадила (их достать было невозможно), он изящно вырезал из фанеры и покрыл бронзой. (Лишь три года назад их заменили настоящими, металлическими.)

Храм трехпрестольный, и, видимо, в первую очередь, отделан был один из приделов и освящен, п.ч. Богослужение началось вскоре, как начали работать.

О. Рафаил был человек великой любви и жалости к людям. Приехав, он стал заботиться о составившихся и немощных сестрах Шамординской обители, многие из них тоже вернулись в Козельск из ссылки, беспомощные, бездомные. Душа его вмещала всех, кто нуждался в помощи. Все шли к нему, как к родному отцу, и всех он согревал своей любовью. Дверь его для всех была открыта. Много было и не монашествующих, но просто исстрадавшихся от многообразных трудностей, и для каждого находилось тепло в его душе.

Вслед за о. Рафаилом вернулся из лагеря о.

Мелетий, он тоже поселился в Козельске. Но он был много старше о. Рафаила, с очень слабым зрением и слухом. К нему сам о. Рафаил и его народ относились, как к Старцу. Обслуживали его шамординские монашенки.

К тому времени, когда началась служба в храме, один из жителей города, бывший учитель, посвятился в священники и получил назначение вторым в храм Благовещения. Искренней духовной связи не имел ни с о. Мелетием, ни с о. Рафаилом, и народ (монашенки шамординские, к тому времени вернувшиеся в Козельск, и просто народ) относился к нему с недоверием и просто боялся его.

Всеобщая любовь к о. Рафаилу возбуждала в нем все большую и большую зависть. Когда работы уже подходили к концу, шла доделка внутри храма, "туча разразилась". По ложному доносу (о. Сергей – так звали священника – сумел уговорить одну девушку, по имени Наталия, чтобы она подала донос на о. Рафаила, что он якобы имеет связь с немцами), о. Рафаил вновь был арестован и получил еще 5 лет лагерей. Был он под Кировом. Ему было уже за 60 лет, и был он больной и слабый.

А о. Сергей встал на его место заканчивать работы и торжествовать освящение храма.

За весь период последней ссылки сохранились письма о. Рафаила к его духовной дочери монашине Любви. В них он пишет, что все его духовные дети должны простить Наталию, что она прислала покаянное письмо, и он ответил ей прощением. Пишет: "Разве чашу страданий подал Спасителю Пилат или

Каиафа?” Пишет, что это последняя его хвала Богу, без этого жизнь его была бы не полна. Господь посылает ему великие утешения во сне. (Ниже мы приводим полностью письма о. Рафаила.)

Судя по письмам, в эту последнюю ссылку он провел в лагере 5 лет и 8 месяцев. Прожил же Батюшка на воле, вернувшись, менее двух лет. Вернулся очень слабым. Поселился близ храма Благовещения наверху двухэтажного дома. Внизу жила шамординская монахиня. Дом этот особенно привлек его тем, что стоял на пригорке, и из него видна была вся Оптиная, как на ладони.

Келейницей его стала шамординская инокиня Татиана, тихая, кроткая старушка — матушка Таня, как ее все называли.

В храме царствовал о. Сергей. Он не уступил о. Рафаилу настоятельства, и о. Рафаил смиренно стал вторым священником. Отец Мелетий к тому времени уже совсем ослеп и оглох, около него жили несколько шамординских монахинь, ухаживающих за ним.

Несмотря на слабость, дверь о. Рафаила, как и до ссылки, не закрывалась, и всех он принимал. Широкая душа о. Рафаила через все годы своих ссылок пронесла жалость и молитву за Ивана Митрофановича, брата о. Никона Беляева, ушедшего из Оптиной, женившегося и потерявшего веру. Хотя лично о. Рафаил его не знал, не застал в Оптине — Иван Митрофанович ушел в 1914 году из монастыря. Видимо, о. Никон делился с о. Рафаилом своей скорбью о брате.

И вот, когда о. Рафаил вернулся из лагеря, узнал его адрес, и со всей простотой, со всем теплом стал звать его. И он приехал, но совсем уже незадолго до смерти о. Рафаила. Они с И.М. сидели на пригорке за домом. Перед их глазами была вся Оптина. И.М. рассказывал ему всю свою жизнь, всю борьбу, принес покаяние за всю свою жизнь. Было ему тогда уже около 70 лет. К этому времени он уже вернулся к вере, и нес в глубоком покаянии свой семейный крест. Ему хотелось последние дни провести тут, около монастыря, но о. Рафаил не благословил, велел нести крест до конца, что и выполнил И.М.

Весна 1957 года была холодная, затяжная. Батюшка чувствовал себя слабо, но все время служил и принимал всех приходящих. Троицкую родительскую весь день дотемна он провел на кладбище, потому что каждый просил его послужить на могилке.

Придя домой, о. Рафаил слег с температурой — воспалением в легких, и вслед за этим — инсульт, от которого он и скончался тихо 19/06 н.с. в 4 часа утра.

12 ударов колокола оповестили всех о его кончине.

О. Сергей впечатление производил крайне неприятное, фальшивое. Но поставил себя так, что когда приходили к о. Мелетию за советом не личного характера, а общеприходского, он уклонялся от от-

вета и посылал к о. Сергию. Все делалось по благословению о. Сергия.

Когда заболел о. Рафаил, и я пришла к о. Мелетию за благословением привезти врача из Москвы, он сказал, что без благословения о. Сергия этого делать нельзя.

В день Усекновения Главы Иоанна Предтечи проснулась к Калуге в гостинице. Автобус в Козельск шел в 7 часов утра. На моих часах было около 6 часов. Я спокойно собиралась, но оказалось, что мои часы за ночь отстали на час. (Вообще, с ними этого не бывало). Узнав это, я побежала бегом на автобусную станцию. Прибегаю, встаю в кассу — билеты кончаются передо мной. Прошу шофера посадить меня, он обещает, я иду на назначенное место. Но когда подошел туда автобус, то двое с громадными мешками бросились передо мной и загородили вход. Автобус ушел.

До следующего ждать было почти 5 часов. Я была сильно огорчена и недоумевала. В это время выяснилось, что пойдет добавочный в 9 часов. На него я попала совершенно легко.

Я совсем не думала о том, что сейчас в Оптине. Ехала к Старцам. Когда, по моим расчетам, должен был быть скоро Козельск, я стала всматриваться в лес, в котором, как я думала, можно было бы ожидать Оптину.

В лесу показались какие-то светлые пятна, бесформенные, похожие на развалины каменных строений. Душа замерла в благоговении. Внутри сказалося: это Оптина.

Я читала панихиду по всем Старцам, всей душой обращаясь к ним, и всматривалась в эти белые пятна, стараясь уловить в них какие-нибудь знакомые линии (я была в Оптине, когда мне было 8-9 лет). Наконец, глаз уловил их, сомнения почти не было.

В это время от шоссе отошла дорога, как мне казалось, прямо туда идущая. Я соскочила с автобуса и пошла. Оптина встала передо мной. Без сомнения, это она. Это обломки, но обломки именно ее. Шла медленно, с молитвой. В это время я не чувствовала окружающей жизни, я была вне времени.

Передо мной была Оптина. Я чувствовала только ее Дух, больше ничего для меня не существовало, и вся моя душа обращалась к Старцам с плачем.

Передо мной была Жиздра. Я спустилась к ее воде, умылась и, медленно продолжая молиться, решилась, наконец, перейти мост.

Когда я подошла, перед моими глазами предстал весь ужас, который там сейчас делается. Когда я входила, закричало радио. То чувство, с которым я подходила, ушло. Душа чувствовала только то, что сейчас здесь.

Прошла через монастырь и Скит. Дух Оптины я больше не чувствовала. — "Его нет здесь", — сказала душа. — "Дух Старцев отошел от этого места, его здесь нет". Душа не могла поверить тому, что здесь, под этой землей, лежат их мощи.

— Не может этого быть .

Мне больно было, что я прошла по этой земле, словно грех сделала, сделалась участницей в грехе поругания над ней.

С таким чувством я вышла из Скита.

”Может быть, и не нужно была сюда приезжать”, — думала я. Идти через монастырь я больше не могла. Пошла по дороге вдоль стены. Перешла мост. Мне хотелось уйти совсем отсюда. Побывав внутри и увидев, что там делается, я не могла больше смотреть на нее. Но я все-таки осталась на берегу и решила еще раз прочитать панихиду. Кончив, встала. Передо мной было две дороги. Какого-то велосипедиста я спросила, как ой ближе пройти к центру города, чтобы там сесть на автобус и ехать обратно. Он указал мне, и я пошла по ней.

Когда я прошла несколько шагов, на горизонте на этой дороге показались три фигуры. Ближе — я увидела, что это монашенки. Поняла, что идут они в Оптину.

Когда поравнялись мы, я сама, неожиданно для себя, заговорила с ними. ”Вы матушки? В Оптину идете? Можно, я пойду с вами?”

— ”Что же, пойдете, — где двое или трое собораны, там и Христос посреди”. Я сама на себя удивилась, зачем я это сделала, зачем я опять возвращаюсь. Но отказаться было уже неудобно, и я пошла за ними.

Когда мы подошли, радио молчало, была полная тишина. Они ничего не боялись. Показали мне точно места могил Старцев. Мы прикладывались к оставшимся иконам, рвали травку на могилах, брали землю. Я опять чувствовала только дух Оптины.

Окружающее перестало мешать. Опять обращалась к Старцам и Божией Матери. На Казанском храме икона Ее цела.

Обошли все. Вышли из монастыря и пошли к Козельску. По дороге они рассказывали мне всякие оптинские вещи; между прочим, и меня спросили, откуда я.

Я назвала о. Сергия Мч., — они его помнили по похоронам Старца о. Нектария. Назвала о. Бориса (он тоже хоронил о. Нектария, был тогда диаконом), но его они не помнили.

Это было между прочим. Они не останавливались на этом. Продолжали говорить об Оптине, о своей жизни. Я молча слушала.

Так мы подошли к Козельску. Тут мы должны были разойтись. Я шла на автобус, а если его нет, то в гостиницу, т.к. никого знакомых у меня здесь не было.

Узнав это, они сначала замялись в некоторой нерешительности. Потом стали говорить, чтобы я зашла к Батюшке, хотя бы приняла его благословение.

Что это за Батюшка? Куда они меня ведут? — я не имела никакого представления. Никакие батюшки меня не интересовали. Но я была усталая и подумала, что неплохо попить чаю и вообще посидеть в домашней монастырской обстановке.

Когда ехала, у меня не было даже в самой глубине ни малейшей тайной мысли о возможности встречи с кем-нибудь в Оптине, мысли о том, чтобы говорить о своих нуждах.

Ехала я только к одним Старцам. В душе было чувство, что только они меня поймут, только они могут помочь. И больше я ни о чем и ни о ком не думала.

Привели меня. Входим в дом, в первую комнату. Встретила старая монашенка. Перед нами — закрытая дверь в комнату батюшки. (Мне напомнило дверь о. Бориса.)

— "Есть кто-нибудь у Батюшки?"

— "Да нет! — Батюшка, оптинцы пришли!"

Немного постояли, открылась дверь. Вышел батюшка, высокий, совершенно прямой, с гладко расчесанными на прямой пробор седыми волосами, и тоже аккуратно расчесанной пушистой, круглой, седой бородой. Я ничего не почувствовала в нем особенного. "Уютный", вот что хочется сказать.

Подошли под благословение.

— А это кто?

— Благословите ее, Батюшка, и куда ее свести ночевать? Она вот в гостиницу хочет идти, м.б. к кому из монашек свести ее, — благословите? Одна из моих спутниц стала объяснять ему, как они нашли меня на дороге. А меня в это время оттерли: две другие монашки стали громко говорить с хозяйкой, и я не могла слышать, что про меня говорят. Долетело только, когда они говорили, что я знаю о. Сергия, потом слово "Борис". Тут слышу: "Какой Борис?", — и весь он изменился.

Тут уж я вылезла прямо к нему.

— Какого Бориса Вы знаете? Как ему фамилия? — и с каким-то страхом, — Х-----в?

— Да, Х-----в.

— Он жив? Это же мой друг. Я его считал умершим, за упокой поминал*.

* *Примечание:* Оказалось, что о. Рафаил знал о. Бориса еще

Он так рад был услышать об о. Борисе, что тут я попала почти в его объятия.

— Ну, если Вы дочь о. Бориса, то значит, и моя дочь. Я и о. Борис — одно. Теперь у тебя два духовных отца.

Тут уж больше не было вопроса, куда меня вести ночевать.

— Чувствуйте себя, как у отца.

Я попала в атмосферу такой любви и простоты, какой я никогда в жизни не встречала.

Посадили меня рядом с отцом Рафаилом. Обедали. Потом почти весь вечер он рассказывал о своей лагерной жизни. (Он был в лагере почти 20 лет и вернулся меньше года назад.) Монашки, приведшие меня, оказались тоже не здешние, а приехавшие к этому дню из Гомеля, и одна киевская молоденькая душевнобольная.

Вечером все вместе молились, читали 9-й час, вечерню, повечерие, три канона и вечерние молитвы. Читали по очереди — киевская и я.

Гомельские должны были исповедоваться. Киевская монашка попросила разрешения остаться послушать молитвы перед исповедью. Я тоже ос-

по Оптине. Когда о. Борис приезжал к Старцу Нектарию, то останавливался у о. Рафаила (о. Рафаил — Оптинский монах). Когда же о. Бориса арестовали и он попал в лагерь, то там он опять встретился с о. Рафаилом. О. Рафаил попал раньше него, и в то время был там уже фельдшером в свиноводстве, и имел отдельное помещение (одно из пустых свиных стойл). Он выхлопотал разрешение и взял о. Бориса из общих барачков к себе, и они жили вместе два года.

талась — постеснялась одна уходить. После этих молитв, перед тем, как начать исповедь гомельских, о. Рафаил говорил о том, что на исповеди грех надо говорить до самого конца.

На другой день были в Церкви, и о. Рафаил служил литургию. Одна из гомельских почему-то почувствовала ко мне жалость. Говорит, что у меня был очень скорбный вид, когда я к ним подошла. Она спросила меня, буду ли я говеть, а я только перед отъездом причастилась, и не собиралась. Я ехала *только к Оптинским Старцам* потому что была глубоко убеждена, что я в моих трудностях ни у кого из живых людей помощи не получу. Мне было здесь очень хорошо, и очень жалко было уезжать, много давало и то, что рассказывал о. Рафаил о своей лагерной жизни. Все это я принимала, как посланное мне Старцами утешение, но больше ничего не ждала, и с большой грустью собиралась уезжать. Я ехала только к Старцам и чувствовала, что то, что хотела — я сделала.

Они относятся к нему, как к Старцу, а у меня нет такого отношения к нему. Ему надо исповедоваться не общими словами, вот он вчера перед исповедью говорил, что надо все до конца говорить. А мне и говорить нечего, я только что причащалась и вообще такое бесчувствие и тупость, что нечего говорить. И о. Борис не велит говорить грехи больше, чем общими словами, когда не у него исповедуешься. Смушалась. В ответ Ирише я промычала что-то неопределенное. Она, должно быть, сказала о. Рафаилу. Он меня подозвал и спросил, хочу ли я при-

частиться. Я сказала, что только что причащалась. Он сказал, что если желание есть, то можно, он благословляет. Я стояла в нерешительности, не отвечая ни да, ни нет. Потом сказала, что поговорить бы мне хотелось.

— О чем же говорить? У Вас *такой* отец духовный?

Он стал говорить, что мне не о чем говорить, что вот у других людей действительно серьезные вопросы, и им он должен уделить время. Стал говорить, как ему трудно, как не хватает времени и сил.

К такому ответу я отнеслась совершенно мирно, приняла его, как ответ от Оптинских Старцев, что мне не надо говорить. Было со мной вот что: когда он говорил, *его самого, его души, его воли я не чувствовала. Я его чувствовала каким-то передаточным пунктом. Я слышала его слова, как слова Оптинских Старцев: — "им говорят Старцы"*.

И я к его ответу отнеслась совершенно мирно, не было внутри не малейшего протеста, несогласия. Я хотела только воли Божией, и рада была, что Она открывается.

В этот день опять много сидели все вместе за столом, и гомельские рассказывали ему о своей жизни, и он опять говорил.

Вечером опять все вместе молились, потом проводили гомельских. Я ушла спать, а он до часа ночи говорил с киевской. До меня доносилось, как она рассказывала ему свою жизнь. Так хотелось этого моей душе. Но внутри был мир. Не было непокорности.

Утром опять он служил и требы всякие были у него. Вечером должны были исповедоваться киевская и я. Я старалась сообразить, что мне говорить на исповеди. Мне было стыдно пред ним своего бесчувствия. И я выискивала грехи, но ничего не получалось.

Я поняла, что то, что мне стыдно перед ним — это гордость, грех. Я решила сознаться перед ним в этом — написать ему это. Когда я это написала, душа моя открылась, и стало писаться мое основное: озлобление на о. Бориса, не выдерживаю, опять и опять убегаю с этого пути и всегда живу под тяжестью этой вины. Писала кратко, само собой вылилось это. Написала. В это время он вошел в комнату, чтобы дать нам по конфетке. Я отдала ему написанное, и только потом вспомнила, что не перечла, что написала. Через несколько минут он меня позвал. Точно его слова я забыла. Самое первое сказал, чтобы я не мучилась тем, что не выдерживаю жизни около о. Бориса и убегаю оттуда — *"греха тут нет"*.

Я была ошеломлена от неожиданности. Отношение к его словам продолжалось такое же: *"Оптинские Старцы говорят через него"*. Если поеду в Ташкент, не жить у о. Бориса, и не жить так подолгу. Сказал, чтобы я сказала о. Борису, что так сказал мне он.

Я была совершенно ошеломлена от неожиданности. *Относиться к его словам с сомнением душа не позволяла, просто вот сильно пугалась такого движения, как греха. Я слышала эти слова, как слова Оптинских Старцев. Это было у меня безо всякой мысли.*

Отец Рафаил послушником

Такое отношение к словам мне не свойственно. Мне не свойственно видеть чудеса и прозорливость. Голова моя никогда ничему не дает мне верить. *Так воспринимала слова я в первый раз в жизни.*

Но мысли меня все-таки закрутили, сомнения. В том, как произошло то, что я попала к о. Рафаилу, я видела явный Промысел Божий, страшный своей явностью. Если это так, то все, что я получила здесь — от Бога, и все то, что мне сказали сейчас. Душа не позволяет даже останавливаться на мысли сомнения в этом. Но голова моя оставалась моей головой, я думала: (страшно писать и сейчас, прямо словно хулу пишешь), думала: "нельзя доверять своим чувствам, надо все рассказать, проверить".

Вечером опять мы все вместе читали службы и правило перед Причастием и вечерние молитвы. Потом исповедовались. Прочтена была исповедь по книжке. Говорить мне было почти нечего. Он с меня ничего не спрашивал, как будто так и надо. О том, что делалось во мне, я ему ни слова не сказала. Я даже не знаю, помнила я об этом в тот момент, или нет. Помню, что в этот момент у меня было мирно и легко.

Когда о. Рафаил прочел разрешительную молитву, он сказал: "К тому, что ты пришла ко мне, нельзя относиться, как к простому случаю. Это Особый Промысел Божий. Тебя привели ко мне Божия Матерь и Оптинские Старцы. Теперь у тебя будут два духовных отца. Чего тебе не хватает у о. Бориса, ты будешь получать от меня".

Душа моя была полна благоговейного страха: — я услышала Оптинских Старцев, говорящих мне эти слова в ответ на мое состояние.

Пришла в свою комнату...

Что было дальше в моей душе, я не могу описать. Человеческие состояния можно описывать, потому что они твои, т.е. свойственные тебе, ты их знаешь, а это было и ушло, и я только умом помню, и в уме-то с каждым днем бледнеет, стирается, совсем забывается.

Все мое тяжелое — в прошлом, его больше нет. Оно осталось на могилках у Старцев. Помню, что было у меня что-то тяжелое, сложное, что невозможно было распутать, из чего невозможно было вылезти — его нет, и я даже не знаю, в чем оно заключалось.

Внутри — мир, полная ясность.

”Положил еси предел, егоже не прейдут, ниже обратятся покрыти землю...” — встали во мне слова. Увидела исполнение их — и моему тяжелому положен предел, не покрыло оно мою душу.

Небо открылось. Я узнала, что я не оставлена Богом.

После перенесенных с 41 по 46 год больших трудностей, я в 46 году наконец получила возможность вернуться в Москву и даже в свою комнату. И как только вернулась — тут же заболела. Внешне бс

лезнь ни в чем не выражалась и не лишала меня трудоспособности, но было крайне мучительное состояние. Одна глубоко верующая психиатр (в то время уже схимонахиня) объяснила мне, что душа не выдержала перегрузки и, на малейшую частичку, отошла от тела. И вот это было мучительнейшее состояние. Оно особенно обострялось, когда я находилась одна, а на людях я не так резко это чувствовала. Вследствие того, что я не могла находиться одна в комнате, я не могла жить дома, и приходилось скитаться то у одних, то у других близких. Было мне тогда 36 лет.

У меня было очень тяжелое душевное состояние. Вся я была под гнетом вины, что не иду тем путем, которым должна идти.

У меня был отец духовный, пока он был в ссылке и не служил в Церкви, я ездила к нему и получала большую духовную помощь. А потом положение его изменилось. Он уехал на приход в Ташкентскую епархию. Я там была нужна для Церкви. Но жизнь там была такая, что я получала полное разорение внутреннее. Помощь от него я перестала получать. И отношения с ним стали очень тяжелые. (С переездом о. Бориса в Фергану оказалось очень много для меня работы по устройству благолепия храма и в семье о. Бориса. Все три живущие с ним старушки были намного старше меня и нуждались в помощи.

Когда о. Бориса перевели в Ташкент, в храме я не стала нужна. Но в семье по-прежнему и даже в большей степени была нужна. Меня же страшно тя-

готила окружающая обстановка, совсем другого духа, чем в среде Мар. + болезнь.)

О. Борис хотел, чтобы я жила в их семье. А я не выдерживала этого и сбежала в Москву, но постоянно мучилась, что я не иду тем путем, которым должна идти, а убегала с него. Это лежало тяжестью на душе, а от тяжести получалось озлобление, а от него — отчаяние. Меня тянуло в Оптину. Отец мой духовный был дух. сыном Старца Нектария, и поэтому я чувствовала, что в моих трудностях, связанных с ним, помощь мне надо искать именно у Оптинских Старцев, т.к. никто кроме них не может встать в моей душе над ним.

Близкие говорили: "Зачем ты хочешь туда ехать, там все разорено, ничего нет". Но я глубоко чувствовала, что то, чего я ищу, человеческой рукой не может быть разорено. Оно живо так же, как и прежде.

Сказала о. Борису. Он твердо сказал: "Поезжайте", и в голосе его чувствовалось большое желание этого: если он сам не может, то хоть бы я побывала в его самых дорогих и родных местах.

Это было в 1956 году.

Со смерти о. Нектария (т.е. с 1928 года) никто из близких не ездил. Про монахов было известно, что все они были арестованы и там никого нет.

Я тянула, не зная, как это осуществить. Электрички до Калуги тогда еще не было, как ехать? И в Козельске никого нет...

Летом была в гостях в Боровске и увидела автобус с надписью: "Боровск — Калуга". Все мои ко-

лебания кончились. Я сразу решилась. Это было накануне Усекновения Главы Иоанна Предтечи. Выехала я не утром, а в обед, и в Калугу попала часов в 5 вечера. Ехать в Козельск было уже поздно, я заняла место в гостинице и пошла ко всенощной...

С самого утра начались препятствия. Я недоумевала, словно что-то не пускает меня. Часы отстали, билетов нет, и т.п., но именно через все это я попала в Оптину не раньше и не позже, но в те же час и минуту, когда шли туда впервые после закрытия монастыря шамординские монашки Ирина Гомельская (хоронившая о. Никона) и ее сестра Настя, которые показали мне точно все места, где какой Старец похоронен, и привели меня к о. Рафаилу, о существовании которого я не подозревала. Я просила помощи Старцев, и они дали мне ее через о. Рафаила.

(Примечание: нижеследующая часть представляет собой выписки личного, дневникового характера, это отрывки.)

Когда я сидела в тюрьме, я каждый день читала предначинательный псалом. Слова "положил еси предел, Егоже не прейдут, ниже обратятся, покрыти землю" говорили мне, что и моему тяжелому будет предел, оно не покроет душу.

Последнее время я тоже вспоминала эти слова и старалась жить верою, что и теперь тяжелое не покроет землю моей души.

Мне трудно сейчас писать об этом, потому что

я опять стала такая, как всегда, и в памяти моей с каждым днем бледнеет, стирается совсем то, что было в душе, когда была в Оптине.

Небо открылось. Пришло в душу то, чего давно-давно не было, что я помнила только умом, что когда-то было что-то, чего не имею теперь. В душе был прежде всего мир, полная тишина. Боль, которая все время была внутри, все неразрешимые трудности, из которых не было исхода, остались на могилах у Старцев (так я чувствовала). Меня ничего не тяготило, ничего не мучило. Внутри был полный мир, словно я только что родилась. *Я увидела, что я не оставлена Богом.*

На все тяжелое, что было в последние годы, что казалось бессмысленным, душа мирно смотрела, во всем *видела Промысел Божий*. Открылось Небо, открылся Бог.

В душе стояли слова: "Положил еси предел, Егоже не прейдут..." — и моему тяжелому положен предел, не покрыло оно землю моей души.

Когда было это, я думала, что теперь кончились моя темнота и бесчувствие, которые несколько лет были. Ведь я последнее время думала, что я совсем оставлена Богом, для моей души все закрыто. И вдруг отошло это. Встали во мне слова: "Положил еси предел, Егоже не прейдут..." Я увидела и полнение их.

Я сказала только свои грехи, и вот я получила именно то, что душе было нужно. Этот человек, не зная меня, дал мне именно то, в чем была нужда. Была живая рана — и вот ее нет, она ушла в прош-

лое. То, как я к нему попала, было совершенно помимо меня. У меня не было ни одной мысли об этом даже в самой глубине, самой малой, до самой последней минуты. И когда это получилось, мне стало страшно. Я почувствовала ясно, что это мне ответ Оптинских Старцев. И он, и эти люди, приведшие меня, не знают, с какой нуждой я шла. И вот не знают, что делают они для меня. Чувствовала их орудием в руках Промысла Божия.

Вернулась из О.П. я не домой, а в семью своих близких, у которых перед этим жила. Пока была, казалось, что у меня все прошло, не ощущала и болезни. Когда же осталась одна — увидела, что в отношении болезни у меня ничего не изменилось. Находиться одна я не могу. О. Рафаилу о болезни своей я ни слова не говорила, мне вообще не пришлось с ним говорить. Тут я ему это написала. Ответа не было 10 дней. Вместо ответа случилось вот что: написала я о. Рафаилу 15 октября, а 24-го получила избавление от болезни-бездомности.

Я собиралась перебраться в другое место, и зашла уже по дороге на вокзал к одному знакомому Батюшке, очень духовному (о. Константину) по чужому делу. (Сама я к нему не обращалась.)

Он знал мои трудности. Встретил меня словами: "Вам нужно идти домой". Я стала объяснять ему, что не могу, но он не обращает внимания и повторяет и то же. Я опять свое. Так и не согласились.

С этим и ушла от него. При этом была И., мы с ней вместе и вышли от него. Она говорит: "Меня беспокоит, что ты не слушаешься Дедушку. Я никогда не слышала, чтобы он говорил так решительно. Ты хоть попробуй сходить домой, хоть доедь до своего дома". Я согласилась. Вдруг отошло от меня все, что не давало это делать. Я спокойно взяла свои вещи, села и поехала домой. Пришла и почувствовала себя очень счастливой, что наконец я дома — болезненного состояния нет — я могу быть одна, могу жить у себя дома. Соседи совершенно мирные, как будто и не было ссоры (в последний раз болезненное состояние у меня обострилось еще из-за ссор с соседями — чуть ли не до драки).

На следующее утро я взглянула на календарь и увидела, что сегодня праздник Калужской иконы Божией Матери. Эту икону особенно чтит о. Рафаил, и всегда в этот день служит. Я увидела, что пришла ко мне решимость идти домой как раз в то время, когда он служил всенощную.

С того дня все болезненное состояние во мне стало сходить на нет. И я зажила так, как не жила много-много лет уже — тихо, мирно и спокойно стало у меня. Меня все радовало. Одно чувство все время было в душе: как хорошо!

Это хорошее состояние чуть не сорвалось. И тут я опять получила чудесную помощь. Было так: я получила письмо от отца, в котором он опять приглашал меня. Как всегда, я отнеслась к его зову, как к воле Божией, не было сомнения в том, что надо ехать.

Но я увидела, что сил на это во мне нет. Я подумать не могу об этом. Ушел из души мир. Почувствовала опять близость прежнего моего озлобления, отчаяния и всего того, от чего исцелила меня Оптина. Я написала все это отцу, и в ответ скоро получила телеграмму с разрешением не ехать. Все успокоилось во мне.

В это время пришло письмо о. Рафаила; запоздалый ответ на то письмо, в котором я писала, что брожу бездомная.

О. Рафаил пишет "...Если позовет о. архимандрит, нужно ехать непременно".

Мир ушел. Я начала мучиться тем, что не поехала, отвергла волю Божию. День ото дня все хуже. А ехать сил нет. Через несколько дней пришла в прежнее свое состояние — смятенное, отчаянное, озлобленное, придавленное тяжестью сознания, что не иду тем путем, каким должна. Стало от этого с головой делаться все хуже и хуже. Молиться об этом не могла. Стало с головой так, что мысли стали путаться, совсем плохо, как бывало прежде. Проснулась ночью в этом состоянии (а ночью как-то особенно сильно это бывает). Мне было страшно, молиться не могу — ничего не понимаю.

Я взяла земли с могилки Оптинских Старцев, и положила на голову, а сама, лежа, стала читать панихиду по ним. Читала, не понимая слов. С этим заснула. Проснулась в таком же состоянии.

Утром прихожу к одной знакомой, адрес которой был у о. Рафаила, а там от него письмо. Пишет ей, что очень беспокоится о мне, но не может

мне написать, потому что потерял мой адрес. Просит сообщить мне, чтобы я немедленно написала ему о себе. Прихожу домой, а там уже письмо от него. Оказывается, адрес мой нашел. Пишет: ... (пропуск в тексте)

Все мое состояние как рукой сняло. Как и не было. Вернулся мир и тишина. Так жила я всю зиму. Во мне было одно чувство — как все хорошо, все меня радовало.

И сейчас бывают моменты, как далекие отблески того, что было — ощущается иногда, словно крылушком он покроет.

Я поняла, что сказал он про Любовь. И до сих пор я живу Ею.

О. Рафаил ушел, но душа моя не потеряла то, что он мне дал. Любовь его так согрела мою душу, что и сейчас я живу ею. Последнюю помощь от о. Рафаила я получила Великим Постом.

Много лет было у меня что-то с молитвой, то ли это было от болезни моей головы, то ли бесовское — не знаю. Описать, в чем это заключалось, я не умею, и не помню уже теперь.

Это было уже так много лет, и так постоянно, что, помню, я считала это уже своим "я" — неотъемлемой от меня вещью. Я написала об этом о. Рафаилу — через несколько дней это исчезло.

Когда мне о. Рафаил сказал: "чего тебе не хватает..." — я не поняла этих слов. Я недоумевала: как же это будет, и с чем мне к нему обращаться, а с чем к о. Борису? Как это будет в жизни. Спросила о. Ра-

файла, но он промолчал. Поняла я это только тогда, когда уже стала жить дома.

Я поняла, что это — Любовь, которую он дал мне. Что именно этого мне не хватало в жизни. Что именно этой Любовью оживил и исцелил он мою душу.

Я не умею передать, как хорошо было около о. Рафаила. Такой любви и простоты я не встречала во всю мою жизнь. Я чувствовала, словно после всей жизни, тяжелых скитаний я попала домой не к отцу, нет, — к бабушке ласковой, всю жизнь любившей и ждавшей меня.

Это не опишешь, это можно только ощутить, а слов нет для этого. Я не рвалась к нему, мне и на расстоянии от него было хорошо, так согрета была моя душа, мне достаточно было того, что он существует.

Конечно, о том, что он так скоро уйдет, у меня не было ни малейшей мысли. Я думала, что все впереди, что это только начало новой жизни.

АРХИМАНДРИТ СЕРАФИМ КЛИМКОВ

(в схиме Даниил)

Краткие сведения о жизни.

Отец Серафим Климов был одним из наиболее близких по духу к настоятелю Даниловского монастыря Исповеднику Владыке Феодору.

Вплоть до закрытия монастыря коммунистами в 1928 году в стенах обители во главе с Архиепископом находились самые честные и принципиальные исповедники, выступавшие против всякого контакта Церкви с Советской властью.

Архимандрит Серафим, насельник обители по призванию Божию и послушанию Архиепископу Феодору окормлял духовно молодых православных обращавшихся в обитель за духовной помощью. После 1928 года о. Серафим скрывается, служит Св. Литургию в Катакомбных Православных Храмах. Он не берет в руки советский паспорт. Вплоть до 1941 года продолжались скрытые Богом от сатанинской власти и сотрудничавшей с ней Московской Патриархией Божественные службы, о которых и теперь еще вспоминают некоторые православные, живущие ныне.

Накануне 2-ой Мировой войны Арх. Серафим

Архимандрит Серафим (Климков).
Фотография 1920-х годов.

живет и служит в Тучково (Белорусская ж.д.), недалеко от игольного завода. Господь несколько раз спасал Арх. Серафима и его паству от сотрудников НКВД (КГБ), выслеживавших всех, кто скрывался и не сотрудничал с ними.

Особый дар от Бога был дан Арх. Серафиму — за 30-40 минут до облавы или возможного ареста, Господь предупреждал исповедника, после чего он и его близкие, собрав Св. Сосуда и Антиминс и иконы, удалялись в безопасное место. Как только фашистские войска вошли в Тучково, духовные дети о. Серафима обратились к немецким властям с просьбой не трогать о. Серафима и позволить ему вернуться в Карпаты, откуда он был родом. Немецкие власти не тронули батюшку и он вместе со своей духовной дочерью отправился в долгий путь через Смоленск к себе на Родину пешком...

По дороге Арх. заходил в храмы, но служил только с теми священниками, которые не подчинялись советской церкви. Минуя Киев и Житомир, с большими трудами исповедник Христов и его духовная дочь добрались до места рождения о. Серафима в Карпатах.

После войны о. Серафим и его духовная дочь были выслежены и преданы священником московской патриархии, который донес о местонахождении их Патриарху Алексию в Москве. Сразу после этого представители сатанинской власти арестовали о. Серафима и его духовную дочь, отправив их этапом через Киев в Москву. Судили их на Лубянке, после продолжительных допросов. Приговорили к расстрелу, который потом заменили на 10 лет Гулага с последующей ссылкой. После смерти Сталина, отбив ссылку, о. Серафим и его духовная дочь (ны-

не живущая в СССР) вернулись в европейскую часть СССР.

Архимандрит Серафим остался верен каткомбной Церкви, продолжал тайно служить и всегда был принципиально против единения или компромиссов с Московской Патриархией.

В 1960 году в Москве арх. Серафим мирно отошел ко Господу. Перед смертью был пострижен в схиму с именем Даниил и погребен на одном из московских кладбищ.

Удивительная жизнь архимандрита Серафима нуждается в многотомном издании. Мы приводим некоторые письма из ссылки, написанные исповедником к своей духовной дочери. К сожалению, пока нет возможности издать их все полностью, т.к. все письма — это более 600 страниц машинописного текста, но нам хочется верить, что в скором времени эта публикация, по Милости Божией, осуществится.

Это же относится и к более подробному и точному описанию жизни подвижника православия нашего времени арх. Серафима Климова (в схиме Даниила).

ПИСЬМА арх. СЕРАФИМА

16/1-56.

Милость Божия да будет с тобой, возлюб. о.г.с.
Татьяна и с.Александра!

Письмо Ваше получил, на которое отвечаю. Я Вам послал письмо о получении посылки за декабрь месяц с растительным маслом, а за январь еще не получил. Спаси Вас Господь за поздравление и тем же пожеланием Вам отвечаю. Бог примет твоё на-

мерение за дело. Он и одно намерение целует. Весной видней будет, как действовать тебе. Влад. Эммануила знаю, приезжал к нам еще иеромонахом, и мы с ним ходили с Коломенское село на поклонение Державной иконе Б.М. Я даже не знаю, как благодарить дедушку за заботы и хлопоты о тебе и обо мне ради моего убожества и ничтожества. Только ради имени Иисусова такая мне благодать и милость. Оно меня питает, греет, утешает и не по моему достоинству. Это Имя святейшее и Вас да не оставит во вся дни жизни Вашей.

Сестра Александра, спаси Вас Господь за заочное доверие и память обо мне недостойном. Вам хочется научиться терпению. Оно у Вас есть, только Вы не замечаете. Разве не было у Вас скорбей в Вашей жизни? "От скорби происходит терпение. Терпел Моисей, терпел Елисей, терпел Илия, буду терпеть и я, — говорил ст. Амвросий опт. "От скорби терпение, от терпения опытность, от опытности надежда, а надежда не посрамит, не постыдит, потому что любовь Божия (то есть, благодать) излилась в сердца наша Духом Св. (Рим. 5, 3-5)" — говорит св. Ап. При постройке душевного дома в качестве краеугольного камня служит терпение и мужество, по слову Аввы Дорофея. "Имея первосвященника Великого, прошедшего небеса Иисуса, Сына Божия, Который может сострадать нам в немощах наших, Который, подобно нам, был искушаем во всем, кроме греха. Посему да приступим с дерзновением к престолу благодати, чтобы получить милость и обрести благодать для благовременной помощи. (Евр. 4, 14-16). Если Господь не построит дом душевный, всеу труждаемся, читал я сегодня во 2 Антифоне воскр. окт. 7 гласа, без Него ни деяние, ни слово (доброе) не

совершается. "Без Мене можете творить ничесоже доброе" (15, ст. 5.). Советую Вам чаще прочитывать после каждой кафизмы тропари с молитвами. Там найдете три познания, без которых трудно спастись: познание силы Б., своей немощи и искушающего нас. Там все рецепты против нападков искусителя.

Вас удивляет моя жизнь среди суровой природы и вдали от друзей. По Ап. Петру: "мы, христиане, род избранный, царственное священство, народ святой, люди, взятые в удел, дабы возвещать совершенства Призвавшего нас из тьмы в чудный Свой свет". (1 Петр. 2,9). Потому каждый из нас должен заботиться о сохранении сего дара, о том, чтобы сколько можно чаще отрешаться от внешних занятий и входить в себя, от внешнего 'шума удаляться в уединение, если нельзя телом, то по крайней мере — мыслями, чувством, стремлением духа, удаляться в храмину души своей, которая, может быть, нередко бывает подобна дикой пустыне, чуждая добрых плодов, поросшая терпением и волчцами худых мыслей, чувствований и желаний. Мы должны удаляться в эту пустыню своей души для того, чтобы помышлять о Боге, о Спасителе, о своем назначении, о пути ко спасению, о том, как мы должны всегда ходить пред Богом благоговейно и свято. Мы должны искать уединения от суеты, должны дорожить внутренним безмолвием, чтобы неразвлеченно размышлять о себе, о своем нравственном состоянии, о своих обязанностях к Богу и ближним. Должны всемерно искать часов уединения, чтобы посвящать их благоговейному размышлению и молитве пред Богом, чтобы так питая и укрепляя в себе жизнь по духу, устроить из себя, по слову Ап., храм духовен, возносить жертвы духовныя, благоприятные Бого-

ви И. Христом". Как видите, суровая природа не по-меха, а помощь, а вместо друзей — книги. Человек жив будет не одним хлебом, но и словом, исходящим из уст Божиих. Кругом мертвая тишина, бараки, от села и людей 2 километра, лес-тайга, поле. Без привычки такое место может наводить страх и боязнь от злых людей и зверей. Могут ограбить и убить, и никто не услышит. Надежда на личную силу и защиту лично у меня исчезает, остается только упование на Промышление Божие, без воли Божьей и волос с головы не упадет. Это обстоятельство тоже способствует укреплению силы духа. Когда-то я читал, как один старец приучал своих сестер ночью уединяться вдали от жилища. Те боялись, а он с порога давал о себе знать, что он здесь, а впоследствии уходил, но те, в уверенности, что не одни, спокойно предавались своим духовным занятиям. Пустыня, с одной стороны, пугает, а с другой пособляет нашему духу. Почему? Потому что пустынным непрестанно божественное желание бывает, сущим вне суетного мира, как поем в воскр. службе октоиха 1 гласа 1-го Антифона. Вот почему я доволен своим местом. Зимой, и днем и ночью, сюда мало кто заглядывает. Придут, уберут, покормят и уходят, а я опять один. У меня две квартиры, одна в селе, а другая в поле. Здесь я больше отдыхаю и телом и душою. Дрова есть, свет есть, вода есть, и помещение теплое. В ту зиму ночевал вместе с безрогими и дышал одним с ними воздухом и холодом.

Взаимно приветствую молящихся. Вечером и ночью поминаю всех Вас о святых храмах, с верой и благоговением входящих в оные, и свят. п. Алексия и м. Макария Моск. и Новосиб. и Краснояр. м. Варфоломея и В. Пр. Иеронима Куйб. и всех моля-

щихся по имени и всю братию нашу на земли и на море и на всяком месте, требующих человеколюбия и помощи, да спасена душою и телом, со дерзновением славим О. и С. и Св. Д. ныне и присно и во веки веков. Аминь. Затем кончаю, желаю Вам и Дедушке в неволе благополучия, долгоденствия в здравии и вечного спасения и остаюсь Ваш бесконечный должник.

Нед. С.

Что с с. Ксенией? Пишу третий раз и ни ответа, ни привета. Обижена или что случилось с ней? Беспokoюсь как о добром человеке, без задней мысли, чтобы что-нибудь ожидать от нее. Слава Богу, пока всем обеспечен.

24/1-56.

Дорогая о. Г. Антонина! Спаси тебя, Господь, за теплые, сердечно-откровенные строчки от сокрушающейся о себе души. Хотя в письме стеснительно писать тебе, несмотря на это твоя откровенность понуждала меня ответить той же откровенностью. Вижу, как внимательна твоя душа к тому, что написано относительно внутренней жизни нашего духа, отсюда сильное желание приблизиться к ней, усердие и сила здравого чувства тянется к высоте небесной истины. Усердие твое не останется без награды от Господа. Сердце-ведец видит, что происходит в нашей душе, и знает, кто желает и что может и не может. Невидимая благодать Божия уже действует в твоём сердце и подготавливает его к обращению, и оно готово покориться внушениям невидимой благодати. Господь, видя готовность сердца повинно-

ваться, уже хочет быть в доме твоей души, сердечным расположением к Господу уже приготовилась принять Дорогого Гостя, Посетителя душ, стремящихся к Нему. Людям, привязанным только к внешней жизни и преданным чувственным понятиям, не понятны дела Духа Божия. Душевный человек не принимает того, что от Духа Божия, потому что он почитает это безумием и не может разуместь, потому что о сем надобно судить духовно. Но духовный человек судит о всем, а о нем судить не может (1 Кор. 21, 4-15). Часто слышим в храме, как поют: "От юности моя многи борют страсти (грехов. склонности), но Сам заступи и спаси, Спасе Мой, Св. Духом всякая душа живится, чистотою возвышается, светлеется троическим единством священно-тайне..." До благодати наш ум, слово, дух тянут в разные стороны, как щука, рак и рыба. Тело клонится ко сну, слабости, ум рассеивается, сердце пристращается к земному, воля раздражается, если не по ея. Стоит коснуться благодати нашему духу, как все в одну струнку тянется к высоте небесной. Тело становится бодрым, ум чистым, сердце горячим, воля сильной. Словом ветхий человек уступает место новому человеку. Как важно стяжать благодать и преп. Серафим Саровский гов., что цель жизни в этом и состоит. Всем сердцем стремись к Спасителю, слушайся Его, следуй Его учению. Господь близок ко всем, призывающим Его. Он хочет придти к каждому, только бы дверь души отверзлась для принятия Его с верою и любовью. Если помысл, мысль говорит: Ты — погибший человек, отвечай помыслу: прииди Господь взыскати и спасти погибшего, — и не колеблись в уповании. Господь всегда вблизи нас, подавая просящим благодать Духа Св.,

да ею вспомоществуемые, достигнем спасения. Посему, если решаемся идти путем спасения, хотим быть угодными Спасителю, чтобы удостоиться благодатного посещения, надо исправляться, заглаждать свои греховные склонности. Препрежнему грехам противостоят в добродетели. С Божьей помощью нетрудно бороться с характером. Что у человека невозможно, то у Бога возможно. Каждый человек наделен неплохими качествами, только бы нам их хранить и развивать в добрую сторону. Физический рост человека развивается помимо усилий нашей воли, если тело в нормальных условиях находится. Но духовный рост требует участия нашей воли. Царствие Божие силой, самопринуждением берется. Как езда на лодке против течения дается, если веслами работать, вперед продвигаемся, а если нет, то назад по течению относит. Если лень берет, должны познавать свой долг делать, трудиться на том месте, где Промысел поставил, и честным трудом прославлять Того, Кто дал нам силы и крепость для делания. Делай усердно и с благоговением к Богу, как пред очами Божиими, чувствуя Его присутствие на всяком месте. Исполняя заповеди, твои стопы уже приблизились к первой благодати блаженства: блаженни нищие духом. Это есть то самое, о чем сокрушается твоя душа, как пишете: нет смирения, кротости, милости, любви, милосердия, сердца чистого. Как бы мне добиться всего этого и от кого получить? Зрение своей худости, выше видеть Ангела. Блажен, видящий Ангела, а стократ блажен видящий свои грехи, гов. пр. Исаак Сирий. Видящий Ангела может возгордиться и пасть, а видящий свою худость не падает. Приблизившись до первой ступеньки — нищеты духа, надо усилить ее до следующей, до пла-

ча об этом. Необязательно плакать до слез. Если их нет, то сам плач о своей нищете со временем даст плач сладкий, радостный, по слову: блаженни плачущие яко тии утешатся. Кто плачет, тот кроток — вот уже третья ступень. Затем пойдет алч., жажда правды Божьей, затем последует милость, а за милостью — чистота сердца, а за чистотой последует и блаженни миротворцы, имея в себе мир и кругом себя посевая мир, блаженни миротворцы яко тии Сынами Б. нарекутся, и так далее. Таковых мир, часто не понимая, гонит и бесчестит, но радуйтесь, говорит Господь, яко мзда — награда на небеси многа. Благоденно хотящии жить гонимы бывают. Как видим, надо быть нищетою богатыми. Видим, сколько нищета духа рождает добра. Мы только тогда угодны Богу, если сознаем свое недостойнство, смиряемся, сокрушаемся о своих недостатках духа и заботимся об исправлении сердца. Сердца сокрушено и смиренно Бог не уничижит, не отринет, а возвысит и будем нищетою богаты, а смирением высоки (150 пс.). Кротким и смиренным дается благодать, а гордым Бог противится. На кого, на кого возрю токмо на кроткого и смиренного и трепещущего Моих Словес, гов. Господь. Если, приходя в себя, сердце изнемогает под тяжестью сознания своих недостатков, колеблется в надежде на милосердие Божие, молись Ему гласом мытаря: Боже, милостив буди мне гр. Открой свои погрешности от юности своей с 7 лет д.о., и он разрешит от сего тяжкого и губительного бремени властью ему данною. Мы все до одного далеки от той степени совершенства, только по мере своих сил стремимся приближаться к оному совершенству. Жалоба на свое холодное сердце и душу — как камень и лед, по твоему вы-

ражению, даже в храме — понятна. Хотя на всяком месте можно молиться, но храм есть храм молитвы (Мф. 21, 13). В храме многое возбуждает и питает в нас чувства благоговения и тем возвышает молитву, но, если, несмотря на такое место, душа холодна, значит, не место виновато, а душа. Надо душу подогреть еще до храма чрез чтение, домашнюю молитву, чрез хранения мира с Богом и людьми. Молитва — это как бы горячий уголек, а мы — холодный. Горячий уголек прикладывают к холодному и дуют не переставая, пока холодный не будет, как горячий. Ничего не выйдет, если дуть прерывая. Молитва дается молящемуся. Себя надо нагревать каждое утро и вечером, как самовар до кипения. Как нагреется, то потом только немного надо добавлять, чтобы не потух, а если много, то побежит, так точно и душа требует. На горячую плиту мухи не садятся, и на горячую душу не нападают разные мысли — просто боятся. За день душа остывает, черствеет от рассеянности, от нехранения языка, чувств, зрения, слуха и от переутомления тела и делается тяжелой, холодной, как в плену другой силы. Вот почему холодное сердце не сразу нагревается от молитвы. Оно подобно тому льду, в тазу с холодной водой, поставленному на плиту, докрасна накаленную. Несмотря на то, что плита докрасна горячая, а вода не нагревается, и она не нагреется до тех пор, пока весь лед не стает. Как лед стает, сразу нагревается — так точно холодное сердце, если сильно нахолодело, не сразу нагревается от молитвы. Много надо себя принуждать, насильно заставлять потрудиться для духа, и опять постепенно начинает душа оживать, понимать и приходить во вкус глагол Божьих, и откуда легкость приходит, мир, радость, ве-

селие. Молитва — мать всех добродетелей. Если можно, почитывай тропари и молитвы каждой кафизмы. Спроси у с. Татьяны — там много полезного найдешь о том: 1) как важно познавать свои немощи; 2) силу Божию и 3) борьбу со искушителем нашим. Мы как приемник радио — чрез нас действует то одна, то другая сила — то благая, то злая, через мысли троякого рода: от Бога, от врага и от себя. Опыт сделает все это более понятным, до опыта многое неясно. Еще важно знать, что грех, что страсть. Грех — это стебель, а страсть — корень. Ногти, волосы, траву мы срезаем, а они снова вырастают. Чтобы не выростали, надо бы с корнями вырывать. Мы каждый раз каемся и снова грешим. Почему мы только косили их, но не косить надо бы, а с корнем вырывать. Вот таких греховных корней — 8. На их место надо насадить 8 добродетелей. Корни имеют, кроме себя, еще много разветвлений, но, уничтожив корень, разветвления сами собой отпадают. Страсть рождается от частого повторения погрешности. Как пьянство, вино, курение. Постепенно привыкаем, так постепенно надо отвыкать — бороться. Вот корни 8 грехов: 1) чревоугодие, 2) блуд, 3) сребролюбие, 4) гнев, 5) уныние, 6) печаль, 7) тщеславие, 8) гордость. Добродетели: 1) воздержание, 2) целомудрие, 3) нестяжение, 4) незлобие, 5) усердие, 6) печаль по Богу, 7) кротость, 8) смирение.

У нас надо различать двоякое добро. Бог — одно добро, без примеси зла; диавол — одно зло, без примеси добра, а у человека осталась часть добра после падения Адама — он называется падшим, с примесью зла. От лица всех людей Апостол говорит: не понимаю, что делаю, потому что не то делаю, что хочу, а что ненавижу, то делаю. Если же делаю то,

чего не хочу, то соглашаюсь с законом, что он добр, а потому уже не я делаю, но живущий во мне грех. Ибо знаю, что не живет во мне, то есть в плоти моей доброе, потому что желание добра есть во мне, но чтобы сделать иное, того не нахожу. Доброго, которого хочу, не делаю, а злое, которого не хочу, делаю. Итак, я нахожу закон, что когда хочу делать доброе, прилежит мне злое. Ибо по внутреннему человеку нахожу удовольствие в законе Божьем, но в членах моих вижу иной закон, противоборствующий закону ума моего и делающий меня пленником закона греховного, находящегося в членах моих. *Бедный* я человек + нищий духом. Кто избавит меня от сего тела смерти? *Ныне* закон жизни по духу, закон духа = жизни во Христе Иисусе освободил меня от закона греха смерти. Когда закон, ослабленный плотию, был бессилен, то Бог послал Сына Своего в подобии плоти греховной в жертву за грех и осудил грех во плоти. *Ныне*, которые во Христе Иисусе живут не по плоти, но по духу, способны делать не падшее, а евангельское добро, благодатное, при помощи благодати Духа Святого. Живущие по плоти о плотском помышляют, а живущие по Духу — о духовном. Помышления плотские суть смерть (духовная), а помышления духовные — жизнь и мир. Потому что плотские помышления суть вражда против Бога, ибо закону Божию не покоряются, да и *не могут*, бессильны. Посему живущие по плоти Богу угодить не могут, но вы не по плоти живете, а по духу, если только Дух Божий живет в вас. Если же кто Духа Христова не имеет, *тот не Его*. Если Христос в Вас, то тело мертво для греха, но дух жив для праведности. Если Дух Того, Кто воскресил из мертвых Иисуса, живет в вас, то

Воскресивший Христа из мертвых оживит и ваши смертные тела Духом Своим, живущим в вас. Итак, братья, мы не должники плоти, чтобы жить по плоти. Ибо если живете по плоти, умрете, а если духом умерщвляете дела плотские, то живы будете. Ибо все, водимые Духом Божиим, суть сыны Божии, потому что приняли Духа усыновления (через троекратное погружение в таинстве крещения подобием погребения, как поем в Вербное Воскресение: спогребшеся (умирая для ветхого человека) воскресением твоим — бессмертныя жизни сподобляемся — духом оживаем. Этим духом называем Бога Отцем: Авва Отче, как усыновленные Сей Самый Дух свидетельствует духу нашему, что мы — дети Божии. А если дети, то и наследники Божии, сонаследники Христу, если только с Ним страдаем, чтобы с ним прославиться. Нынешние страдания ничего не стоят в сравнении с той Славою (око не видело, ухо не слышало, на сердце не всходило словами — Слава невыразима нашим языком), Которая откроется в нас (Рим. 7, 14-18, 19) и св. Ап. Иоанн бог. гов.: возлюбленные, смотрите, какую любовь дал нам Отец, чтобы нам называться детьми Божиими. Мы теперь дети Божии, но еще не открылось, что будем. Знаем только, что когда откроется, будем подобны Ему (Христу), потому что увидим, как Он есть. И всякий, имеющий надежду сию, очищает себя, как Он чист. Всякий, пребывающий в Нем, не согрешает (Ион, 1-7). Пребудете во Мне, гов. И. Христос, а Я в вас. Я — лоза, вы — ветки. Как ветвь не может приносить *плода сама собою*, если не будет на лозе (Христе), так и вы, если не будете во Мне. Кто пребывает во Мне и Я в нем, тот приносит *много* плода, ибо *без Меня* не можете делать доброе

(еванг. добро). Кто не пребудет во Мне, извержется вон, как ветвь, и засохнет (для Бога), а такие ветви собирают и бросают в огонь, и они сгорают. (Ион. 15, 1-7). Если хочешь знать, какие дела плоти и какие дела духа, то читай: дела плоти известны: прелюбодеяние, блуд, нечистота, непотребство, волшебство, вражда, ссоры, зависть, гнев, распри, соблазны, ереси, ненависть, убийство, пьянство, бесчинство и тому подобное. Плоды духа: любовь, радость, мир, долготерпение, благость, милосердие, вера, кротость, воздержание (Гал. 5, 19-24).

Что сказать о чистоте сердца: Мы просим: сердце чисто созижди во мне, Боже, (50 пс.), то есть, создай мне чистоту. По нашей просьбе бывает, но не так, как нам кажется, а как не кажется. Наше сердце подобно колодецу с водой. Вот кто-то бросил камень в колодец, — вода замутилась. Кого будем винить? Кто говорит, что камень, но не камень виноват, а дно с илом. Если колодец с чистым дном, камень не замутил воду. Так и наше сердце никто не смутит, если у него дно чисто, но скоро смущается, если нечисто, и мы серчаем не на дно своего сердца, а на того, кто возмутит. Если нож разрезал хлеб, а там плесень, то при чем нож? Он только показал, что в нем было. Через людей Господь дает знать, какое дно сердца; если ил, то надо очищать его: каяться, сокрушаться и опять проверять себя, что в нем, и так все время одеяло от пыли очищают, бьют колотят, пока вся пыль выйдет, и в прачечной белье бьют, мнут, чтобы грязь вышла, и до тех пор, пока не выйдет. Но бывает так, что не отстирывается, рвется, но не отстирывается, так и с людьми бывает. Нас и мы друг друга моем, говоря: я ему помну кости и будет чист. Вот кто наши учителя

благодетели, а мы им не благодарны — серчаем на таких. Господь сказал: из сердца человеческого исходят злые помыслы, прелюбодеяния, любодеяния, убийства, кражи, лихоимство, злоба, коварство, непотребство, завистливое око, богохульство, гордость, безумство. Все это зло изнутри исходит и оскверняет человека (Мк.7, 21-23).

Обращаясь к Спасителю с раскаянием, молитвенным воплем об исцелении души от недугов, не переставай просить Его, вопиать к Нему с искренним сокрушением о грехах своих. Господь близ тебя, услышит вопль души твоей и скажет тебе: вера твоя спасе тебя. И свет благодати откроется пред тобою. Увидишь какое благо носишь в душе — живую веру и жить не по духу мира, а по зап. Христовым. Как ясно будет в душе — новое небо увидишь над собою. Будешь видеть и лобызать крепкою любовью Спасителя, прославлять Его Отца и Св. Духа, радость и мир Божий водводится в душе твоей. И все, идущие за Господом, видя твое исцеление по благодати Христа, будут сорадоваться тебе и прославлять Бога. И *от нас всех* буди слава Ему О. и С. и Св. Д. во веки веков. Аминь.

Дорогой дедушка!

Прошу Ваших св. мол. и бл-ния!

Сестра Татьяна просит писать Вам. Писать мне желательно и без ее просьбы, но я просто из-за осторожности воздерживался, чтобы из-за меня не было бы Вам неприятности. По отношению к Вам тем сильнее я должен понимать и ценить долг признательности и благодарности. Благодарение всегда вызывает на повторение дара. Самое лучшее средство к

сохранению сей благодати и к получению новых благодеяний. Невнимание и нерадение к этому своему долгу лишает человека многого. Забвение, рассеянность и беспечность делают человека неблагодарным. Неполно утешение человека благодетельствованного, если не питает он в душе своей чувство признательности, если не выразил или не готов искренно выразить свою благодарность к своему благодетелю. Не походит на себя тот человек, который не носит в душе своей смиренной признательности, потому что человек получил разумную душу, чтобы познавать Благодетеля. Когда чувствует нужду, ищет помощи, обращается за нею к людям и к Богу. А как нужда удовлетворена, он забывает, чем ему надобно быть потом. В 1947 г. я пробовал писать из места своего сидения — дедушке в г. Куйбышев, но не по почте, а через выходящих в зону, но мой голос был вопиющего в пустыне до 1949 г. По приезде к месту не успел я чрез ворота придти в свой барак, как меня урки затащили в барак, раздели, сапоги сняли и мешок и дали мне рвань и резиновые ботинки и так бедствовал до 1949 г., пока не послал Господь партию женщин, из них была одна куйбышевская с., сейчас покойная с. Татьяна. Чрез нее ей и мне была помощь, а затем та, какую и получаю. До этого писал и хотел знать о дне Пасхи, но ничего не выходило. Теперь я в сидении усвоил науку Пасхалии по пальцам узнавать вперед и назад и гласы и дни — полный календарь. Кстати, если можно, получить календарь за этот год, еще хотел бы журналы. Я писал в редакцию и о. Николаю, но ничего не выходит, еще мне хотелось бы иметь светил. молитвы вечерни и утрени, у меня есть списанные в мою бытность в сидении из униатских книг, но там

дониконовская редакция. Может, найдется старенький служебник или переписанные, я просил бы прислать. Дома я ни разу не пропускал, только в сидении лишен был их, очень содержательны. Пока я одет, обут и обеспечен, многого мне не надо, а если будет нужно, сообщу. Нет у меня указателя на Н.З. ежедн. чтения. Кончая, земно кланяюсь с признательно-благодарными чувствами за все благодеяния Ваши и остаюсь неоплатным должником пред Богом и Вами.

Ваш нед.

13/V-56 г.

† Воистину Воскресе!

Вчера послал я ответ на предпоследнее письмо, а сегодня пишу ответ на пасхальное письмо. Почему с трудом стояла обедню, может быть много причин: 1) переутомление, 2) пришла к 12 и ушла, важно, как ушла: мирно или с недовольством — наша душа, как лошадь, кто сел, тот поехал, или как радио, кто занял, тот и говорит, чрез это можно терять свободу духа, может быть занято место птицами или лисицами, а Христу негде преклонить главы, (Мф. 8, 20; 3) за чувствами не надо сильно охотиться. Ведь мы идем на работу независимо от настроения и от погоды, хочется — не хочется, удобно или неудобно, а идем. Чувства приходят и от нашего усилия, но лучше, если сами приходят. Как у тебя в день Благовещения. Посему чувства благодатных посещений бывают или до момента службы, или в момент, или после момента службы.

Я думал, что скоро уеду, а посему твое письмо могло бы разойтись, посему писал: что лучше, что не

послала. Но теперь очевидно, не лучше осказалось. От состояния отвратительного не надо малодушествовать. Врач входит иголкой, а после представляется страшной горой. Приступы отвратительного настроения — коротки, но тяжелы. Я тебе и пишу, что облегчение может быть до исповеди, или в момент исповеди, или после. Бывают причины внутри характера, мешающие посещению благодати, особенно от толпы разных помыслов. Когда толпа людей другого духа приближалась, то Христос исчезал, уклоняясь. Прощение по словам св. Вас. В. в том состоит, если у нас нет сочувствия к греху. Вот ты и подтвердила мое предположение, что после прич. явилось искреннее чувство раскаяния и сокрушения, которое тормозилось нежеланием идти к о. Л. Не беда с тобой, а все в порядке. Взаимно приветствую Ваших старушек и молящихся. Меня не стесняйся, как больные не стесняются врача. Ненависть к грехам прежним — знак, что прощены Господом. Письмо получено в субботу пред Фоминой неделей, то есть, на Пасхальной.

Затем кончая, желаю Вам здравия, благополучия и да хранит Вас Г. и М.Б.

Ваш

6/VI-56 г.

В.В.! и Х.В.!
Дорогая о Г. с.А.!

Я все здесь, только 10/V получил паспорт, побыл в Красноярске и привез с собой кое-что почистить, а там буду собираться к Вам. Я сам волнуюсь, что Вы больше думаете о мне и больше ждете от ме-

ня, чем я этого стою и оправдаю Ваше доверие. Лучше ждать худшее, чтобы не разочаровываться. Ведь я сам по себе бездарность, ничтожество, а все дело в Б. силе по Вашей вере. Твое доверие меня радует и подкупает, в нем вся сила и условие здоровья души, по вере бывает все, что нам нужно для спасения души. Всегда буду рад твоим письмам, пиши простые письма, чрез 7 дней доходят. Не с иконкой ли история, в г. Красноярске я что слышал, а у себя про Кемерово, теперь и не знаю, кому верить!! Как одна танцевала с иконой в руках, будто бы в Вашем городе. М.А.... Дарье, Анне, Пелагее шлю привет и пожелание земных и неб. благ. А в чем неблагополучие дедушки? Я увидел в журнале его портрет, какой уже почти старец в очках. Верю тебе, что мятется твоя душа. Берегись осуждать ближняго, а чтобы не впасть в сие искушение языка, не присматривайся к чужим поступкам. Гнев, тщеславие или высокоумие и осуждение ближнего отгоняют благодать Св. Духа. Многоглаголанье отгоняет благодать и погубляет теплоту души. От памятозлобного отвращается Бог. Уклоняйся от всего, что препятствует молитве. Любовь можно стяжать только непрестанной молитвой, уединение и молитва. Без молитвы нельзя соединиться с Богом. Чистоту телесную и мысленную можно стяжать только непрест. молитвой. Читая Еванг., применяй все к себе одной, а не к другим, себя одну мерь. Как зеркалом проверяй чистоту сердца. Пришествие благодати чрез смирение попирает страсти. Не изыскивай особенных путей, не налагай на себя особых подвигов, а как придется, как пошлет Господь силу, так только не просто и нещадно нудь себя на все благое. Я читал письмо из Вашего города, как одна танцевала с иконой и пре-

вратилась в каменное состояние, как жена Лота в соляной столп. Но не знаю, так ли было. Если бы было, то Вы бы мне написали. Очевидно, если было, то не у Вас, а посему я хотел бы это проверить чрез Вас. Может быть, это выдумка? Затем будь здорова и благополучна и да хранит тя Г. и М.Б. Домашним твоим серд. привет и благ. Божие да будет с Вами.
Ваш нед. ...

9/VII-56.

Взаимно приветствую тебя и твою семью, дорогая с. А.!

Д., А. и Пелагеей, не беспокойся, ничем меня не огорчила. Наоборот, я благодарен, что делишься и радостями и печальями своих и близких, св. И.Зл. говорит: людям свойственно всякую погрешность измерять не мерою самого действия, а *достоинством* погрешающего, ибо желают видеть в нем достоинства Ангела. Свящ-ку, как человеку, невозможно быть всегда одинаковым, во всем успешным, естественно, иногда погрешать — об этом не хотят знать. Свящ. должен иметь душу светлейшую лучей солнечных, дабы никогда не оставляла его благодать Духа Св., по слову: уже не я живу, но живет во мне Христос (Гал. 2, 20). Кому нужна чистота, тому предстоит больше случаев обезобразить себя. Камень как тверд, а капля по капле долбит его и ямку оставляет. Свеча, хотя не зажженная, но между зажженными тает, соль около воды теряет силу соли. "Вы соль земли, если соль потеряет силу, то чем сделаешь ее соленою? Она уже ни к чему не годна, как разве выбросить вон на поприще людям (Мф.

5, 13), гов. Спаситель. Кто соль? Без соли все земное портится, а человек земной требует соли, т.е. благодати Духа Св. Сначала себя надо осолить, а потом других, а то выйдет: врачу исцелился сам. В "Деяниях", 3 гл., ст. 6, читаем: Петр сказал: серебра и золота нет у меня; а что имею, то даю тебе: во имя И.Х. встань и ходи. И вскочил, стал, ходя, хваля Бога. Никто не может научить другого, что есмь не познал личным опытом. Сам наставник должен прежде всего победить борющиеся его страсти. Как рыба без воды, так инок без монашества погибает. Все падения по одной причине: по уч. Аввы Доротея: человек последовал своей воле. Наставник должен знать законы дух. брани (войны). Надо иметь много очей, много трезвения, иметь дух. опыт внутренней жизни, чтобы приучить свои чувства к различению добра и зла. А что такое капли, что зажженные свечи: это другой пол. Кто окружал его? Ж. пол., вот и мог протолкнуть камень, и соль замочить и расплавить свечу незажженную своим пл. огнем. Если б не стыд женский, гов. св. И.Л., то ни одна плоть (м. пол) не спасся бы пред этим огнем. Ева так и Евой остается — надо на расстоянии быть двум полюсам или железу от магнита.

Пока мы живем на земле, нужно научиться вести брань со злом в себе — нелегко это, но долг веры требует, труднее всего умертвить плоть ради Бога и победить самолюбие. Чтобы успешно вести дух. брань (не ссора, а сражение с невидимой силой, плотью и страстями) и возобладать над всеми соблазнами, нужно навязать послушанию, не своей греховной, не опытной воле следовать, а благодатной воле, т.е., Божьей чрез опытных наставников. Без науки и лапоть не сошьешь, гов. пословица. По-

слушник — подражатель Христу, Который был послушлив до смерти, до смерти крестной, Неб. Отцу молясь пред чашей смертной: да будет не моя, но Твоя воля, не якоже я хочу, но как Ты. Послушливую душу любит Г-дь, дает ей мир душевный, свою благодать. Эта благодать учит душу всякому добру и дает силы пребывать в добре. Послушник видит зло, но оно не прикасается к его душе, ибо с ним благодать Св. Духа. Дух Св. любит послушливую душу, скоро дает сердечную молитву, покой в Боге, духов. свободу и помогает молиться чисто умом. Самочинный и гордый лишается всего этого. Вот почему послушание выше молитвы и поста. Святые долгим опытом научились вести дух. брань. Без Духа Св. душа не может даже начать этой брани, так как не понимает и не знает, кто ея враг. Св. Тихон Зад. пишет: как во дни все ясно видится, где яма, где ровно, где бело или черно, так разумей: просвещенный светом благодати Хр. видит душевными очами все ясно, распознает добро от зла и уклоняется от него, познает пороки на душе и очищает их покаянием и слезами с помощью Б. Когда солнце зайдет и ничего не видно, где опасно, где безопасно, разсуди, какая то тьма бывает в душе и какой мрак окружает ее. Которая душа не имеет в себе благодати Христовой, такая душа зла от добра, вреда от пользы не распознает, ходит и осязает, как слепой. Сей случай научает молиться Христу, истинному свету, чтобы в душе воссиял свет благодати Его. Духовное смирение идет на каждый день и час. Если брата укорим, осудим, опечалим, то мир свой душ теряем, если имели его. Если превознесем над братом, то потеряли благодать. Если блудный помысел пришел и сразу не отогнали, душа теряет любовь Божию;

душа, наполненная чelов. бл. любовью, словолю-
бием, честолюбием, сребролюбием, сластолюбием,
духовное, небесное не вмещает. Мирскую любовь
надо изгонять, чтобы Божия вошла в сердце. Нет в
этом сердце Б. любви, где любовь сребра и т.д. (Мф.
6, 24-25). От всего этого теряется дерзновение в мо-
литве. Если свою волю любим, от сего уныние; ес-
ли ненавидим, отпадаем от Бога. Если добро делаем,
то покой совести; если прощаем, сами получаем от
Г-да прощение. За что страдаем, что не имеем смире-
ния. Душа чел. до падения праотца Адама была жи-
лищем Св. Духа. Падением лишилась всего. Скучал
Адам, болел и горько рыдал, и земля была ему не-
мила, тосковал по Боге, т.к. в душу вошла злоба.
Как выгнать ее? Противное — противным: тьму —
светом, холод — теплом. Знаем, Господь пришел и
показал нам, как злонравие прогонять добронра-
вием, как орел учит птенцов своих летать, так Он
учит верных жить в мире сем и обратно благодать
Св. Духа вернуть и стяжать. Научитесь от Мене, го-
ворит Он, образ дал вам, как я сотворил вам, и вы
творите. В крещении — прощение и примирение по-
лучаем, а в миропомазании даются семена добродет-
телей, как залог дух. жизни, не полнота, а начаток,
способность к восприятию и усвоению благод., свя-
той жизни. Христос искупил нас, дает спасение и по-
ка дает залог. Почему? Потому, что мы со своей сто-
роны не исполнили всего. Мы уверовали, это лишь
начало, а когда веру покажем делами, тогда полу-
чим все: чрез миропомазание возвращается Дух
Св. под условием совершать с нашей стороны: со-
знательный, свободный, непрерывный подвиг в тече-
ние всей нашей жизни. Благодать Божия не отни-
мает свободы, а только помогает исполнять запове-

ди Б. Адам был в благодати, но воля его не была отнята. Прародители наши от Бога отпали, когда захотели чести Богу единому подобающей — быть на месте Бога, забывая свою ограниченность и зависимость от силы Б. Как дитя зависимо от груди матери до тех пор, пока не укрепится постепенно с помощью матери, так Адам, постепенно уподобляясь чрез послушание, смирение, был бы тем, чем стал второй Адам — Христос на горе Фаворе, показав славу человеческую чрез соединение с Богом. Человек создан по образу св. Троицы: сказано, *сотворим* человека по образу нашему и по подобию (Быт. 1, 26) Образ дан не в теле, так как Бог не имеет тела, а в душе, уме, слове и духе. Подобие дано только как задание: Будьте святы, как я свят, будьте совершенны, как Отец Неб. Христос стал человеком — вторым Адамом, чтобы человек стал Богом по благодати. Христос — новый Адам, начало новой твари, небесного и духовного человека, приводит человека к той цели, для которой был создан первый Адам, но от которой Адам уклонился чрез преслушание, гордость, своеволие, самолюбие. Ап. говорит, как непослушанием одного человека (Адам) многие сделались грешными, так послушанием одного делаются праведными многие (Рим. 5, 19). Велик и непостижим Г-дь, ради нас так Себя умалил, чтобы знали Его и любили, чтобы от любви забывали землю, чтобы жили на небе и видели славу Б. Своим избранныкам Г-дь дает вел. благодать, чтобы они любовью обнимали всю землю, весь мир, и душа их горит желанием, чтобы спасались все и видели славу Г-дню. Г-дь до того возлюбил нас, что ради нас воплотился и пролил кровь Свою за нас и Ею напоил нас и дал нам пречистое тело Свое и чтобы

мы стали детьми Его от Плоти и Крови Его и похожи были на Г-да во плоти, как родные дети похожи на отцов своих. Он питает нас Своим пречистым Телом и Кровию, воспитывает словом Своим и Духом Своим. Он открыл нам тайны. Он живет в нас и в таинствах Святой Церкви Своей во вся дни до скончания с нами и ведет нас туда, где будем видеть славу Его. Знак, что любим Бога, первый в том, когда боимся оскорбить Бога каким-нибудь грехом; второй знак, если имеем ум, чистый от помыслов не только от греховных, но и от суетных; третий, если ощущаем благодать в душе. Как живой человек чувствует, когда ему холодно или жарко, так познавший благодать опытом слышит, когда в душе благодать и когда приходят злые духи чрез помыслы. Помыслы от врага душа узнает не по внешнему виду, а по действию на душу. Когда благодать с нами, тогда мы сильны духом, но когда теряем ее, тогда видим свою немощь, видим, что без Бога и помыслить хорошего не можем. Когда благодать в нас, то горит дух по Господу день и ночь, ибо благодать связывает душу. Если думаем, что умнее, опытнее других и даже д.о., то впадаем в заблуждение, в гордость. Если по гордости теряем благодать, то долго страдает душа, пока не научится смирению, и тогда исцеляет Г-дь ее; Господь видя, что душа не укрепилась в смирении, отнимает на время благодать, от этого не надо падать духом, благодать в ней, но скрытно.

Нет, если угодно Г-ду будет, постараюсь увидеть вас. Конечно, воровство и в храме может быть, воровать могут и свои и чужие. Иуда был апостол, а сребролюбием недуговал и за это лишился Апостольства и повесился — вот конец какой плачевный.

Мне больше надо про девицу. Важно, где это было, а то говорили в Кемерово, и... знаю конец судьбы ея. С. Ксению я не забываю. Пока мне ничего не нужно, а если будет нужда, напишу. Спаси Бог тебя за все и за заботу обо мне. Я и сам знаю, что сам не знаешь, что завтра будет со мною, все под Богом ходим. Всем привет и бл. Б. и мое и да хранит вас Г. и М.Б. Ваш о. С. ...

Вывод относительно допустим. согреш. О том темном, что бродит в человеке, легко со стороны осуждать. Не осуждать надо, а глубоко входить в жизнь, в ее недра, основы и там исправлять. Не осуждать, не наказывать, а исправлять — вот основное руководящее отношение к падшему человеку.

Таинственно — своб. обращение или душевный переворот грешного в том состоит, что нить грех. жизни как бы прерывается, и образовавшееся у него грех. прошлое теряет свою определяющую силу, как бы выбрасывается из души, становится чуждым, грех в полном смысле этого слова удаляется, уничтожается, перестает быть частью его внутр. содержания и становится яснее и ближе ощущение бытия Бога и яснее даже его собств. бытия, когда оно (бытие Бога) всецело определяет его сознание и поступки. Значит, как познание истины о Боге, так и отвращение или забвение находится в зависимости от внутр. состояния человека. Злое ненавидит свет и не идет к свету. Отвергают истину, так как огрубело сердце. Люди допускают идолов своих в сердце свое. Душа видит истину по мере жития. Бог открывается тем, кто любит Его, а жизнью невоздержной вера исключается. Совершенство, чистота есть начало Богословия. Нечистая жизнь препятствует уразумению высоких истин. Бог хочет,

чтобы мы искали Бога, не ощутим ли Его и не найдем ли. Истины о Боге уразумеваются сердцем. Чистота сердца и любовь являются необходимым условием познания Бога. Кто любит, тому дано знание, кто не любит, тот не познал Бога. Мы ходим как по канату — какое нужно внимание себе, а тем более иноку в мире среди ж. пола — соблазнов легко потерять равновесие духа. Если иметь руководителя и все ему открывать, и хорошее и плохое, то будет душа такого, как сад огороженный, туда ни войдет ни птица, ни лисица, ни безрогая, не потопчет, не изроет посеянное на грядках души. Вера к д.о., послушание и откровение ему дают смирение, а за смирение — благодать, от смирения — рассуждение, от рассуждения — проничательность, от проничательности — прозорливость, от прозорливости — любовь, а от любви — богословие — познание Бога.

ВОСПОМИНАНИЯ МАТУШКИ СЕРАФИМЫ БУЛГАКОВОЙ

Мне предсказали о всех тюрьмах. Когда еще была в монастыре, блаженная Мария Ивановна сказала мне: "Ты еще по Москве скитаться будешь... А ведь тебя, мать, вышлют". Что потом и получилось в точности. Из ссылки вернулась в 36 году. (После закрытия Дивеевского монастыря м. приехала в Москву, где Владыка Федор благословил ее петь и читать в храме св. Константина и Елены, т.к. там было некому — всех забрали. М. очень боялась, но за послушание должна была согласиться. Вскоре и их всех забрали и выслали в Алма-Ату на поселение на три года.) Монастырь уже разогнали. Матушка (мать Анатолия — дивеевская монахиня, кот. руководила дух. жизнью м.) тогда жила в Муроме. Примерно в это же время вижу сон: я нахожусь в Соборе, стою на правом клиросе. Идет служба, я слышу отчетливое пение, возгласы священника и т.д. Вдруг служба останавливается, образуется пауза. Я схожу с клироса и вижу, что священники о чем-то спорят между собой, оттого и служба остановилась. Я направляюсь к выходу из Собора и вижу, как в него входят два архиерея. Я смотрю — один из них мой

Владыка Петр. Я кланяюсь ему в ноги, он меня поднимает и держит за голову и говорит: "А, раба Божия заключенная..." Я говорю: "Нет, Владыко, я не заключенная, я освободилась". — "Тебе надо еще сидеть". "Но я не хочу, я уже сидела..." — "Тебе это необходимо". Тогда я выхожу из Собора и там на паперти дверь в боковую комнату, а в ней сидит моя матушка. Я прихожу к ней и говорю: "Матушка, мне Владыка сейчас сказал, что еще нужно сидеть", — и просыпаюсь с ощущением, что все это было наяву. Тогда был 36 год — год затишья. Люди возвращались из ссылок. Но вот наступил 37 год. Тогда получилась такая вещь: начальник Казанской ж/д получил приказ, разумеется, тайный, спустить под откос два военных эшелона. Он долго колебался, как ему быть — и так посадят, и так тоже не поздоровится, но в конце концов все-таки спустил. Тогда стали говорить, что эшелоны спускают под откос бродяги, кликуши, цыгане и т.д. И монашки тоже подходили под этот разряд. И всех тогда стали хватать и сажать. Этого начальника тогда, кажется, расстреляли. Милиционерам платили по 5 рублей за каждого пойманного.

А я работала как раз тогда на железной дороге. Когда все это началось, я не могла там оставаться. Монахиню, с которой я жила, взяли на преподобного и после этого я уехала в Муром.

В тот день я пришла к матушке, и мне было так тяжело, что я даже стала молиться: "Господи, уж скорей бы взяли". Преп. Серафим говорил, что монахам такие слова даром не проходят. Я хотела уйти, но они меня оставили клеить обои и ночевать. Вдруг стучат в 12 часов ночи — "Кто к вам приехал?" — Видно, за мной следили. Я заметила, что в

тот день за мной шел один очень неприятный тип.

Матушка тогда жила у своей дух. дочери, которая была врач-психиатр, впоследствии она постриглась и умерла в схиме.

Они хотели пройти к матушке, но эта врач им запретила, как врач-психиатр. (Она сказала: "Это моя больная, я запрещаю вам входить к ней!") Тогда они взяли меня и ухаживающую за матушкой мать Рафаилу. И говорят мне: "Собирайтесь, арестованная. Пойдем". Я думаю: "Как же мне с матушкой не проститься?!" и говорю: "Знаете что? Никуда я сейчас одна ночью с тремя мужчинами через весь город не пойду. Если хотите меня забирать, приходите утром". Они согласились, только взяли мой паспорт и обязали хозяйку, что завтра утром меня к ним приведет. Я получила возможность проститься с матушкой. Она мне сказала: "Тебе дадут пять лет лагерей. Будешь работать счетоводом. Молись, чтобы Матерь Божия простила грехи. Когда простит — отпустят".

На следующее утро нас всех вместе затолкали в машину — цыган, бродяг, шпану и т.п., набили машину очень плотно, так, что все стояли прижавшись друг к другу, и повезли. Там заседала "тройка" — за три часа осудили 300 человек. В дела никто не вникал, иногда даже не видя заключенного. Меня осудили по статье, как "социально вредный элемент", на 5 лет лагерей. Первая ссылка у меня была по статье 58 — "контрреволюционная организация" (за служение в храме). А сейчас я попала в общий лагерь с уголовниками, рецидивистами и шпаной. Сначала отправили на юг. Там условия были сносные, я работала в бухгалтерии, но потом произошло у меня искушение и, чтобы избежать соблазна, я

я сама попросилась в этап. Другого выхода у меня не было. Этап оказался страшно тяжелый — на Дальний Восток. Мы строили порт Находку. Это было ударное строительство. Нас привезли на голый берег, нужно было сначала строить бараки. И, вдобавок ко всему, я попала в мужской лагерь. Как только это произошло, я сразу написала матушке письмо, всего 2 строчки: "Матушка, помолитесь, я попала в мужской лагерь". Не знаю, дошло или нет письмо, но Господь мне дал то, что у меня пропало всякое чувство, хотя мне было всего 35 лет. Когда ко мне подходили мужчины, я совершенно не понимала, чего они от меня хотят.

Я работала счетоводом, как ни сопротивлялась (мне очень не нравилось считать). И тут меня определили в аптеку. Зав. аптекой была жена одного из начальников лагеря. Ей был нужен честный человек, на кого она могла бы положиться, потому что в аптеке ведь был спирт и т.п. Ей рекомендовали меня. Она была вполне добрая женщина, мы с ней даже подружились. Мы по очереди сидели в аптеке, т.к. ее нельзя было оставлять. Рабочий день у меня был с 9 до 17 часов, а потом я шла и сидела у нее дома часов до 10 вечера. (Я была расконвоирована, благодаря тому, что у меня была такая статья, а не 58-ая, хотя хуже было то, что приходилось сидеть со шпаной.) У нее было двое маленьких детей, я там что-нибудь помогала, или сидела — вязала, потом шла в барак поздно ночью. Нас было всего 30 человек женщин на несколько тысяч мужчин. Все женщины, кроме меня, были связаны с мужчинами. Они страшно боялись ходить ночью, и даже в туалет выходили по несколько человек. А я везде ходила одна, и мне было совсем не страшно. Однажды я даже

спросила у одного знакомого рецидивиста, нужно ли мне, по его мнению, чего-либо бояться. Он сказал: "Это на воле вам надо бояться, где Вас не знают. А здесь все Вас знают, и Вас никто не тронет". Я боялась только собак, которых спускали на ночь вокруг лагеря.

Но всем было непонятно, как так может быть, что женщина в 35 лет не имеет ни с кем связи. Мне рассказали, что однажды лагерное начальство стало обсуждать это, и никак не могли понять, потом один сказал: "Она слишком хитра. Хорошо замечает следы". Видимо, на том и порешили.

Одно из самых страшных событий, которое пришлось пережить, было подавление "бунтов поляков".

Рядом с нашим лагерем была Колымская пересылка — другой лагерь, откуда людей отправляли на Колыму. Туда привезли пленных офицеров-поляков. Это было примерно в 40-41 году. Колымская пересылка была очень страшным местом. Ведь у людей было очень мало шансов оттуда вернуться. И вот, этим пленным офицерам что-то не понравилось и один из них подошел к начальнику лагеря что-то выяснять. И у них получился конфликт, поляк замахнулся на начальника лагеря. А тот дал знак стрелять по лагерю... И их 4-х углов застрочили пулеметы. Люди выбегали из палаток, в которых они жили, чтобы выяснить, в чем дело, и попадали под пули... Всего за несколько минут было убито больше 70-ти человек. Это и был "бунт пленных поляков".

...Я возвращалась ночью из сангородка в лагерь. Иду и вижу — Колымская пересылка освещена прожекторами ярко-ярко, как днем. Вдруг над головой просвистели пули. Я присела за камень —

слышу — пули свистят. Я не поняла, в чем дело, а на другой день мы узнали, что стреляли по лагерю. Так вот, из-за того, что один человек только замахнулся, было убито 70 человек.

Наша дружба с заведующей аптекой продолжалась недолго, около 2-х месяцев. Потом ее мужа сняли, ему хотели дать срок, а меня хотели использовать в качестве свидетельницы. Два раза со мной говорили чекисты. Мне грозил второй срок. Но, по милости Божией, все обошлось. Я пошла к другому начальнику лагеря, это был старый чекист, и сказала: "Кому я что делаю плохого? Что они от меня хотят?" И он мне ответил: "Ничего не бойтесь". И с тех пор меня уже не трогали. Меня поставили бухгалтером во всем сангородке, а старого бухгалтера перевели на общие работы, потому что он очень пил. В моем ведении оказалась кухня больницы. И я выяснила, что тот бухгалтер все недовыписывал. Непонятно, зачем он это делал, и, скорее всего, он и сам не понимал, зачем он это делает, но это было так. Я выписала все, как полагается, приходит повар и говорит: "Зачем столько выписали, всегда меньше было. Я не буду столько получать". Я говорю: "Я выписала, сколько полагается, моя подпись — я отвечаю. Получайте". Только он ушел, приходят со склада — "Мы не будем столько выдавать". Я говорю: "Я выписала, я отвечаю — выдавайте". Потом мы стали изобретать с поваром, как получше накормить заключенных. Там было ударное строительство, поэтому кормили неплохо. Стояло много бочек, где солили кету и горбушу. Когда рыба шла на нерест, то много ее выбрасывалось на берег. Тогда ее ловили и ели. Ее можно было только солить или варить. Если ее пожарить, она становилась жесткая.

И вот мы с этим поваром Яшкой изобретали, как поизысканней накормить заключенных. Яшка был замечательный повар. Он был еврей, но совершенно рыжий. Один человек на него донес за спекуляцию, и он сел на 4 года. А когда вышел, убил этого человека и сел еще на 10 лет и говорил, что вот теперь он знает, за что сидит. Когда я ушла, все стало по-прежнему.

Тем временем сменили заведующую аптекой. На ее место поставили вольнонаемного. Старый бухгалтер сразу стал предлагать ему свою помощь. А я сама виновата, потому что называла его просто по имени и на "ты", а я-то была заключенная, а он — вольный. Его это коробило. И вот меня отстранили от работы, а на мое место поставили прежнего бухгалтера. Правда, потом этот человек понял, что значит лишиться честного человека. Мне потом от него передавали постоянно поклоны и приветы.

А меня отправили на пароме вместе с "мамками" во Владивосток. Там один охранник был ко мне расположен, и поэтому мне почти всю дорогу позволили не спускаться в трюм. Нас накрыли брезентом (от дождя) и мы лежали на палубе. Там рядом был остров Лисий, это была просто скала в море, обвитая диким виноградом, очень красиво. Там мы простояли целую ночь. Было очень тихо. Этот остров, океан, волны, которые разбивались о скалу, да еще чайки. Я все время читала на память псалом: "Господи, искусил мя еси...", — всю дорогу его читала. Ведь мы могли не доплыть... Тогда было очень много минных полей. Так-то все мины были прикреплены, но когда начинался шторм, их срывало и они могли оказаться в каком угодно месте. Там был такой случай. Был островок один, на него

поселили несколько монахинь заключенных, чтобы шпана их не обижала. Они там жили, и больше никого не было. И вот однажды ночью был шторм, и на их острове взорвалась мина, ее ударило об их скалу. Когда наутро туда приехали, оказалось, что никто не пострадал, только они все от страха лежали на полу.

Наша баржа остановилась на подходе к Владивостокской бухте. Все подходы были заминированы, и нужно было ждать лоцмана. Он провел баржу между минными полями. Рассказывали такой случай: незадолго перед этим пришел пароход с освобожденными заключенными. Он стоял-стоял, гудел-гудел, а лоцмана все не было. И он пошел без лоцмана, и подорвался на mine. Из-за этого погибло несколько сот людей. Конечно, кого-то там сняли, но люди-то погибли...

Самым страшным испытанием для меня была Владивостокская пересылка. Я сидела со шпаной. Мы жили там 4 месяца зимой. Она была набита. Условия были там ужасные. Во-первых, было очень мало воды. Давали по кружке на человека в день — это и чтобы пить, и умываться и т.п. В коридоре стояла большая бочка, куда выливали помой, но и мочились иногда ночью туда же; и вот этой водой дежурные мыли полы, т.к. другой не было. Вонь была страшная.

Там была мужская и женская половины, их отделяла стена. В этой стене была проделана дырка, которая на день закрывалась. И вот ночью приходили "женихи" с огромными ножами.

Я всегда старалась сохранить чистоту души, а пришлось познать всю глубину человеческого падения. Там ведь были такие бандиты... Соседка по на-

рам рассказывала, правда, тоже с ужасом, как она участвовала в "мокром деле", бандит зарезал ребенка в люльке и с наслаждением облизывал кровь с ножа. Такие там были люди. Бывало, проснешься от криков — бьют кого-нибудь, или грабят, или режут — повернешься на другой бок, уши заткнешь и снова спишь. Как только выдержала, не знаю. Какие уж после этого могут быть нервы?

А было там еще вот что: был целый барак — венбарак — сифилитиков. Так вот что: пришел новый этап, места ему не было, и лаг. нач-во решило поместить его в венбарак, а сифилитиков — в наши бараки запустить. А те закрылись изнутри, не пускают, говорят: в зоне все хорошие места заняты, куда вы нас гоните, где нам, под нарами спать? Не пойдем! Тогда начальство разрешило им занимать любые места, которые они хотят. И вот ночью мы спим, вдруг страшные крики, врывается толпа сифилитичек, все в язвах, знаете ли этих, грязные, и начинают всех сбрасывать с нар или прыгать и втискиваться между людьми. Это все была шпана. Так и сидели потом с ними. Пили из одной посуды, мылись в одной бане — как только Господь сохранил, не знаю. Правда, чесоткой я заболела — вся была струпьями покрыта. И до сих пор, чуть что — сразу зуд начинается. А что вытворяет шпана в бане! Ведут всех в баню, там на каждого по одной шайке. Шпана бежит вперед, чтобы захватить две шайки. В одну она садится, а другой моется. Так я всегда бежала, чтобы захватить себе шайку. А если люди пожилые, так им не хватало. А пока шпана намочется, они возьмут шайку, потом воды — уже уводят всех. Шпана всю одежду с себя проигрывала постоянно, так что тюремное начальство не знало, во что их оде-

вать. Когда их стали развозить (их решили отправить на Колыму), они не хотели идти в машину, визжали, царапались, кусались, ругались. Охрана брала их за ноги и за руки, раскачивала и кидала в машину, иначе они не хотели идти. Одна шпана, по кличке одноглазая, убежала и спряталась. Всех из-за нее задержали, искали ее. Искали-искали, никак не могут найти. Потом случайно обнаружили — между двумя палатками залезла и сидела там. Тогда ее зачихнули в машину — она царапалась, кусалась, визжала, и повезли. Мы вздохнули с облегчением — шпана уехала! Вдруг ночью — привозят обратно. Оказалось, пароход их не дождался и ушел. Но вообще, с уголовницами мы потом подружились. Позднее они при мне даже матом перестали ругаться.

Последний год я работала на общих работах. Сначала было ничего, а потом меня поставили в совхоз работать. И я никак не справлялась. Никак не попевала за всеми. И вот, был день маминой памяти. Я думаю: "Мамочка, если ты имеешь хоть маленькое дерзновение, помолись за меня, я не могу здесь выдержать". Через некоторое время меня перевели на другую, более легкую работу. Еще был момент, когда я заболела, видимо, цингой, и уже совсем как-то стало мне тяжело. Настал день папиной памяти. И в этот день меня перевели на ферму работать, принимать молоко. Конечно, меня через месяц оттуда убрали, но я за месяц успела поправить здоровье.

Кончался срок, а в последние два года я не получила ни одного письма из дома. Последнее письмо было еще до войны, от сестры, что она куда-то едет, описание дороги. Потом — молчание. Мне освободиться скоро, а я не знаю, куда мне ехать, жи-

вы ли или нет. Был день памяти преподобного Серафима. Я выбрала момент, зашла в пустое овощное хранилище, чтобы помолиться наедине, и говорю: "Батюшка Серафим! Ты меня совсем забыл! Так давно нет ни одного известия из дома! Помогите мне!" Прихожу в барак, мне подают письмо от сестры. Весь лагерь сбежался смотреть. У нас никто уже больше года не получал писем. Это было первое.

Настало время освобождения. Вот тут-то я и вспомнила слова моей матушки: "Молись Божией Матери, чтобы простила грехи. Когда простит, отпустят". Я не молилась, думала — кончится срок, и так отпустят. А когда он кончился, вот тут-то и началось самое трудное. Я добиралась до дома 2,5 года. Сначала нас поселили во Владивостоке вместе со шпаной. У нас была комната, где стояли 4 кровати: я и еще три женщины. Каждый вечер в эту комнату набивалось до 18-20 мужчин. Я сидела на кухне, а когда уже совсем изнемогала, ложилась на свою кровать, накрывалась одеялом с головой и засыпала. Чем они там занимались, я не знаю. Однажды ночью проснулась от того, что у них там рухнула кровать. Даже в лагере уголовницы уже потом стеснялись при мне ругаться матом, а здесь было очень тяжело. Я нашла в городе прокурора и стала говорить, что я случайно прошла по этой статье, что раньше у меня была 58-я (чтобы меня поселили отдельно от шпаны). А она стала на меня кричать, что я с 58 статьей нахожусь в пограничной зоне. Получилось, что я же и виновата. А как-то двигаться я могла только в Богородничные праздники. Один раз выехала за два дня до Благовещания, пришлось вернуться с дороги — не могли проехать. А выехали в Благовещание — проехали. Да всего все равно не расскажешь...

Е. Поселянин, составивший "Подвижники благочестия", перед своей кончиной жил с неверующей сестрой в Петрограде. Видит он сон, как звонят по телефону, затем приходят ночью и уводят его. Он проснулся утром и пошел к своему духовнику о. Борису. Исповедался, приобщился Св. Таин. В ту же ночь сон, который он видел, сбился буквально: позвонили по телефону, потом ворвались, обыск, его забрали и увели. Через некоторое время сестра узнала, что он расстрелян. Она была неверующая и не стала его отпевать, и никому не сказала об этом из священников.

Через какое-то время его духовник, о. Борис, служит в храме, выходит покадить и вдруг видит — стоит на клиросе Поселянин. Когда священник подходит поближе, тот раскрывает свой пиджак, и о. Б. видит у него на груди рану от пули. О. Б. спрашивает: "Когда это случилось?" В ответ Е.П. указывает рукой на икону Трех Святителей. Священник говорит: "Мне надо кадить; подождите, я сейчас вернусь, и уходит в Алтарь. Когда он вернулся, на клиросе уже никого не было.

В селе Пузо (ныне Суворово) жила блаженная Евдокия. Она была совершенно больная, не могла ходить. Это была старица высокой духовной жизни. При ней жили несколько женщин или девушек. В 18 году в село Пузо пришел карательный отряд. Их сначала зверски избили в доме, затем вывели за село на кладбище и расстреляли. Больную старицу несли на руках. Их имена: Евдокия, Дарья, Дарья и Мария.

Одна из женщин, которая жила с ними, убежала, и еще одна в это время была в отлучке. Могила их находится на кладбище в этом селе.

В Даниловом монастыре был Владыка Федор. Он перебрался туда после того, как его выжили из Троице-Сергиевой Лавры, в 1905 году. Сразу после революции и его и владыку Гурия арестовали, и 4 года держали в тюрьме на Таганке. Там начальник тюрьмы был брат жены Менжинского. Он был порядочным человеком и много помогал людям. Когда к нему пришел приказ готовить камеру для Святейшего Патриарха Тихона, он ночью приехал к Патриарху, рискуя головой. Вспомнил, как в детстве его учили складывать руки, подошел под благословение и сказал: "Я начальник Таганской тюрьмы. Мне приказано приготовить для Вас камеру". Патриарх ответил: "Пожалуйста, приготовьте". Но тогда Патриарха не посадили в тюрьму, а заключили в Донском монастыре. Тогда в камере сидело до 12 архиереев. Они служили в камере, и т.к. не было диакона, то все по очереди говорили ектении. Начинал митрополит, а все остальные — по очереди. Тогда времена были патриархальные, с воли приносили просфоры и облачения и надзиратели передавали.

Я тогда приехала из Сибири и сразу пошла к родственникам моего Владыки Петра (Зверева). Оказалось, что он в тюрьме, но что как раз на следующий день у родных было разрешение на свидание. У меня не было никакой надежды получить такое разрешение, т.к. его давали только близким родственникам. И вот они пошли на свидание, а я осталась стоять у ворот тюрьмы. Вдруг выходит какой-то человек и спрашивает у нее: "Вы к кому?" Я говорю: "К Звереву". Он спрашивает: "Разрешения нет?" Я отвечаю: "Нет". Он оборачивается и говорит часовому: "Проведите к Звереву без разрешения". Это был начальник Таганской тюрьмы.

Владыка был очень удивлен, когда меня увидел. Он лежал тогда в больнице.

Перед самой отправкой Владыки Петра на перроне у них было еще 3-часовое свидание. Владыка говорил своим чадам: "Если бы я мог показать Вам свое сердце... Как страдание очищает сердце!"

В то время в Москве было очень много обновленцев. Подошел конец срока владыки Федора и его выпустили. Вокруг Даниловского монастыря сгруппировались все верные Православию клир и миряне. Это был 21-й год. Тогда всех архиереев сослали в Москву отовсюду. Буквально в каждом храме было по архиерею. В Даниловском монастыре образовался так называемый Даниловский Синод с митрополитом Серафимом Чичаговым во главе (это формально. Действительно же главой был Владыка Федор). Вскоре произошло освобождение Патриарха, которое было встречено всеобщим народным ликованием. Тогда началось покаяние обновленцев. Когда пришел каяться митрополит Сергей Старгородский, Патриарх, видя этого немолодого уже архиерея, с укоризной сказал ему: "Ну ладно, те-то — мальчишки, а ты-то что?" Покаяние приносил также и Алексей Симанский, тогда он был еще иеромонахом.

Когда впоследствии была составлена петиция о передаче церковных ценностей государству из архиереев под ней подписались только двое: митр. Евдоким и митр. Сергей (петиция была составлена под нажимом власти). Когда Дивеевская монахиня Магдалина принесла эту петицию к Владыке Петру в Тверь (в ссылке), он с огорчением произнес: (о митр. Сергии): "Он глуховат, что хочет — слышит,

что не хочет – не слышит”. Еще говорили: ”Один глуховат, а другой глуповат”.

В Даниловом монастыре проживал тогда о. Симеон (архимандрит). В юности он был очень веселым, любил танцевать. Однажды веселая компания молодых людей решила посетить старца Герасима. Старец благословил о. Симеона на монашество, и тот это сразу принял. В 1905 году ему прострелили позвоночник. Во время операции он не проронил ни звука, чем даже обрадовал неверующую до того медсестру, которая говорила, что только верующий человек мог так выдержать такую страшную боль. Но после этого он остался полным инвалидом. У него отнялась вся нижняя половина тела. Иногда, когда он себя хорошо чувствовал, его сажали на инвалидную коляску и вносили в храм, где он пел на клиросе. У него был очень красивый голос, и он пел даже ”Да исправится молитва моя”. Он исповедывал людей, которых направлял владыка Федор. Исповедывал он, лежа в постели на животе. Потом его посадили в тюрьму, в 36 или 37 году, и он умер в тюрьме в Твери в 42 году.

Владыка Серафим Звездинский в детстве был чудесно исцелен преп. Серафимом Саровским. Отец Коли был очень благочестивым человеком, братья и сестры также часто посещали храм Божий, а он сам был не особенно усерден к молитве. Однажды под воскресенье, когда все ушли ко всенощной, он остался дома. Почитав светскую книжку, он встал и решил выйти погулять. И он проходил мимо Елоховской Церкви как раз в тот момент, когда кончилась всенощная, и народ выходил из храма. Он поду-

мал: "Находят же люди удовольствие в молитве!" Через несколько шагов он вдруг почувствовал сильную боль под мышкой, которая затем так усилилась, что он едва смог дойти до дому. И сейчас же слег в постель. Он болел очень долго, под мышкой образовался огромный нарыв, и никакие врачебные усилия не помогали. Вскрывать же нарыв боялись, т.к. перед этим какой-то человек умер после подобной операции. Ему же становилось все хуже и хуже. Отец и все родные день и ночь не отходили от умирающего. Однажды в их дом в это время зашел один саровский монах, от которого они услышали, что батюшка Серафим помогает очень многим и что многие выздоравливали, отслужив на его могиле панихиду. Монах уехал, и через некоторое время прислал портрет батюшки Серафима (это было еще до канонизации). Коле подали этот портрет, он горячо молился преп. Серафиму о помощи и дал обет посвятить свою жизнь Богу, если выздоровеет. После этой молитвы он сразу крепко заснул. И все в доме, видя это, тоже заснули, потому что давно уже не спали. Во время сна он прижимал к губам портрет. Во сне у него прорвался нарыв и вышло столько гноя, что была залита вся кровать. Образовалась огромная рана, которая никак не хотела заживать. А родные все забывали послать, чтобы отслужили панихиду на могиле Батюшки Серафима. Опять врачи, сколько ни бились, не могли ничего сделать, рана все не затягивалась. Наконец все-таки собрались, отправили, чтобы отслужить панихиду. И как только пришло известие, что панихида отслужена, Коля опять заснул, и рана затянулась во сне. Так Коля был чудесно исцелен по молитвам батюшки Серафима.

ПИСЬМО О МУЧЕНИЦАХ СЕЛА ПУЗО

Я побывала в селе Пузо (теперь Суворово), куда давно хотела попасть на могилку мучениц. Разговаривала со старой бабушкой, которой в 1919 году было лет 14. Все были ко мне очень благожелательны, проводили на кладбище. Их могилу в селе очень чтут. Все село отличается удивительным для нашего времени благочестием.

В 1919 году в село Пузо пришел карательный отряд. Тогда еще не был закрыт храм (я снимала его ближе, но не получилось. Он очень похож на Котловановский). И в селе было несколько священников. Но не им дал Господь мученический венец. В селе жила блаженная, прозорливая старица Евдокия. Она была очень больна, не могла ни сидеть, ни ходить, только лежала и творила Иисусову молитву. За ней ухаживали несколько женщин (или девушек) из местных и соседних сел. Жили они в одном доме, молились, читали службы. Все село почитало старицу как блаженную.

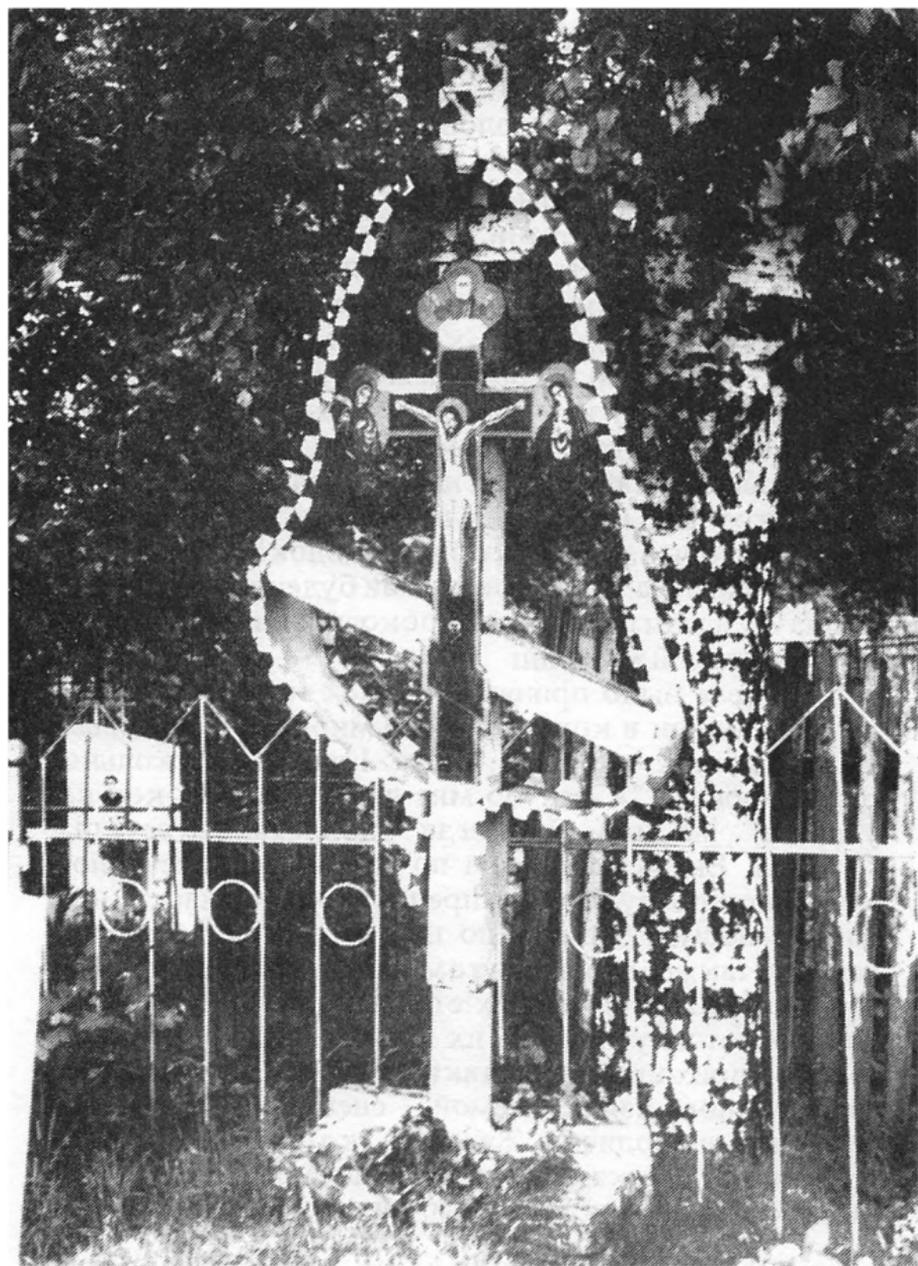
По свидетельству одних, когда их арестовал карательный отряд, сначала их долго били в доме, а потом повели на расстрел на сельское кладбище, что около села — примерно около 1 км. Больную старицу несли на руках. (Другие говорят, что не би-

ли, а только допрашивали, я не знаю.) Там их посадили на краю вырытой уже могилы и в упор расстреляли. Стреляли в голову, и мне сказали, что выстрелом Евдокии снесло половину головы. Затем тела положили в могилу, не в гробах, а просто покрыли чем-то и закопали.

Народ не пускали к кладбищу, отгоняли (нагайками?), стояло оцепление. Они слышали только выстрелы. Впоследствии, когда отряд ушел, их откопали, положили в гробы и похоронили снова, отпев. Расстреляли их вечером, когда уже начиналась всенощная под Преображение Господне.

Рассказывали, что с ними жила еще одна женщина, которая испугалась и убежала, когда их пришли арестовывать, и что блаж. Евдокия заранее ей это предсказала, что "ты не с нами будешь". Ее могила видна на фотографии — это покосившийся забор рядом с могилой мучениц.

В селе было принято, что как только кто умирал — звонили в колокол. Если мирянин — 6 раз, если священник — 12 раз. Блаж. Евдокия несколько раз говорила: "А вот по мне ни разу в колокол не ударите", на что ей всегда удивленно отвечали: "Что ты, Евдокиюшка, да по тебе мы во все колокола звонить будем". И предсказание сбылось: никто не посмел звонить по ним в колокол. Рассказывают также, что в другом селе в момент их расстрела видела 4 огненных столпа от земли к небу, и только потом узнали об их кончине. На могилу постоянно приходят паломники, летом берут землю (я тоже немного взяла), зимой — снег берут, растапливают и пьют водичку. Женщина, которая меня туда провожала, рассказала случай исцеления: заболела у них в селе девочка лет 12-ти, очень у нее болела го-

Крест на могиле мучениц села Пузо
и табличка с их именами.

лова, плачет, не может больше. Много дней — совсем умирает ребенок. Эта женщина привела ее на могилку и сказала: проси Евдокиюшку, она тебе поможет. Сама она рассказывала мне со слезами, как девочка плакала и просила: "Исцели мою головушку". Потом они взяли снежок, дома растопили, и девочка выпила и заснула. Когда проснулась, ей стало легче. Через какое-то время девочка рассказала, что ей явилась во сне Евдокия и сказала: "Пройдет твоя головушка". Девушка поправилась и сейчас еще жива, имеет семью и ничем особо не болеет.

Такая вот чудесная была поездка.

Вид на село Пузо от кладбища.

ПОД БЛАГОСЛОВЕНИЕМ КРЕСТНОГО...

А.Я. ПОЛОЗОВ

Посвящаю светлой памяти своей
матери Полозовой Наталии Васильевны.

*Рыдание, жалость и горе — се свиток
Иезекиишев, насытивший душу твою, святая
Тихоне, патриарше наш!*

Отца своего я не помню, — он погиб, когда мне исполнилось два года, и о нем я знаю только по рассказам моей матери. Отец родился в г. Кракове в семье мелкого служащего, чуть ли не в моем возрасте потерял отца и мать. Он их совершенно не помнил и его воспитывала старшая сестра. В семье было пять детей и самым младшим был мой отец.

Моя мать из старинного дворянского рода Друцких-Соколинских. Мой прадед Михаил Друцкой-Соколинский, будучи в Париже, покорило сердце молодой женщины, в которую был влюблен Александр Дюма, и увез ее в Россию, где они и обвенчались. Это моя прабабушка, в девичестве Лидия Закаревская, дочь графа Закаревского, — генерал-губернатора города Москвы. В свое время Лидия За-

каревская была сосватана и вышла замуж за Дмитрия Карловича Нессельроде; он являлся сыном канцлера Нессельроде, министра иностранных дел при трех Российских императорах — премьер-министра России. По неизвестным для меня причинам молодожены в скором времени расстались и моя прабабушка оказалась в Париже, где и встретила моего прадеда.

Мой дед Василий Михайлович Друцкой-Соколинский был, по рассказам моей матери, человеком разгульным, хлебосольным, любил вино, карты и женщин, в результате чего было промотано все состояние, и моя бабушка (в девичестве Кельш), не вынеся всего этого, ушла из жизни. У них было шесть детей — три мальчика и три девочки. Кирилл Васильевич был офицером и погиб во время русско-японской войны, средний — Василий Васильевич — окончил кадетский корпус (в этом корпусе вместе с ним учился Сергей Владимирович Симанский — будущий патриарх Московский и всей Руси Алексий), участвовал в Первой мировой войне, был ранен. В 1934 г. за принадлежность к дворянскому сословию был арестован, отбывал срок в Воркуте, после чего принимал участие в строительстве канала Москва-Волга. Последнее послевоенное время работал в Московском театре оперетты в качестве артиста и был зам.председателя местного комитета, умер в 1965 г. Младший — Игорь Васильевич, родился в 1905 г., был художником, умер в возрасте 72-х лет, т.е. в 1977 г. Старшая сестра Вера Васильевна окончила Екатерининский институт благородных девиц, вышла замуж за своего родного дядю Кельша, чем усугубила душевное расстройство моей бабушки и привела ее к плачевному концу. Моя тетка Нина Васильевна (1895 г. рождения, скончалась в

Св. мученик Яков Полозов с семьей.

1979 г.) и моя мать Наталия Васильевна (1899 г. рождения) воспитывалась в Николаевском дворянском институте, который находился у Красных ворот, — где сейчас расположено Министерство путей сообщения.

Последнее время мой дед жил в подмосковном городе Звенигороде и занимал должность полицмейстера, скончался в 1913 г. После смерти дед заботу о моей матери и ее сестре взял на себя граф Шереметев.

Институт моя мать закончила уже после революции, был последний выпуск в 1918 г. До последних своих дней она хранила самые теплые воспоминания о времени нахождения в институтских стенах.

Она вспоминала, как при приезде в институт государя императора Николая Александровича, она музицировала перед ним и его семьей, и как сам Николай II благодарил ее.

С большой любовью вспоминала она о начальнице института Ольге Анатольевне Талызиной, о педагогах и сокурсницах. По окончании института О.А.Талызина порекомендовала мою мать быть воспитательницей к правнукам фельдмаршала Кутузова, но, к сожалению, это продолжалось недолго, т.к. эта семья в 1919 г. уехала из России, — звали ее уехать с ними, но мать категорически отказалась. Устроилась работать секретарем-машинисткой в Московский военный штаб.

В это время О.А.Талызина познакомила мою мать с будущим моим отцом Яковым Анисимовичем Полозовым, который был при патрирхе Тихоне вроде секретаря или келейника.

По рассказам моей матери, патриарх, будучи

епископом, взял к себе мальчика, но точно при каких обстоятельствах мой отец попал к патриарху, сказать не могу. Только знаю, что мой отец был с патриархом задолго до его патриаршества. Отец неотлучно сопровождал Тихона по епархиям, охранял его, был с ним и в Америке. Правда, патриарх Тихон относился к отцу, как к родному сыну и делил с ним свои мысли, мечты, радости и горести.

Моя мать и отец венчались в 1920 г. на Красной горке. Поселились они в Троицком переулке около Троицкого подворья, где жил патриарх Тихон. В конце 1920 года родилась дочь Ирина, но к большому сожалению, она скоро умерла. Мать была в большом горе, но патриарх ее успокаивал и говорил ей, что невинный младенец предстанет пред Всевышним и будет ей там хорошо, а ты не печалься, и Бог пошлет тебе еще дитя. 24 октября 1922 г. в Троицком переулке, что около Самотеки, на дому родился я.

Крестил меня священник Александр Хотовицкий — ключарь храма Христа Спасителя, а крестным отцом был патриарх Московский и всей Руси Тихон, крестной матерью была настоятельница Новодевичьего монастыря мать Вера. Крещение проходило на дому, — в Троицком переулке.

Сразу же после крещения, моего отца забрали и посадили в Бутырку. Патриарх проявлял огромную заботу об отце и благодаря его настойчивым требованиям мой отец был через пять месяцев освобожден, но психически он был до предела истощен. Он не узнал свою жену, которая пришла за ним и, пока мать вела отца от Бутырок до Троицкого переулка, он на каждой тумбе садился и плакал, и матери стоило большого труда его поднять и вести дальше.

Какую он там обработку проходил — для нас осталось тайной, но во всяком случае — не гуманную. Сейчас, в эпоху гласности, мы уже знаем, что творилось в застенках ЧК.

После возвращения отца патриарх переехал в Донской монастырь. Патриарх поселился на втором этаже, мы на первом (это в доме, который находится около ворот, с левой стороны от главной колокольни).

Я уже говорил, что отца своего я совершенно не помню, а вот крестного — помню, правда, урывками. Помню его кабинет с большим кожаным креслом, помню кота, который всегда лежал на его письменном столе, на бумагах, и он никогда его не гонял, не беспокоил, помню, как он на меня одевал панюги, помню, как я играл с крестным в прятки и прятался в шкафу от него, где висели облачения. Помню, как он меня на руках вынес на площадку перед толпой народа и благословлял эту толпу. И все эти воспоминания, как в тумане — ведь мне было два с половиной годика, — правда, из того, что я помню, многое подтвердила в своих воспоминаниях мать.

В 1924 году 10 декабря моей матери должно исполниться 25 лет, хотели эту дату хорошо отметить, и 9 декабря она спустилась вниз, стала давать указание Клеопатре (это была крещеная татарка), которая работала кухаркой при патриархе и нашей семье. В это время моя мать услышала что-то вроде каких-то щелчков наверху. Она побежала на этот шум, но ей преградил дорогу патриарх и сказал: "Наташа, твоего мужа убили". Мать бросилась вверх по лестнице и увидела отца, который хрипел. В него было пущено пять пуль. Убийцы убежали. Но ментально приехали работники ГПУ во главе с Туч-

ковым, который сразу же заявил, что это дело рук белогвардейцев. Откуда он это взял? Что, он присутствовал при этом и провел расследование?!

Кстати, на патриарха при советской власти было еще совершено покушение.

12 июля 1918 года, в день Святых Апостолов Петра и Павла, патриарх служил обедню в храме Христа Спасителя и после богослужения, когда он садился в коляску, то вдруг вскрикнул, и отец увидел, что на подножку коляски упал нож, а от коляски убегает женщина. Отец, стоя на подножке, сказал кучеру Ивану Гавриловичу "тони", а сам спрыгнул с коляски и задержал убийцу. Оказалось, что под костюмом женщины был мужчина. Сразу же появились представители власти и якобы было установлено, что это ненормальный, но зачем сумасшедшему маскарад с переодеванием.

Патриарха сразу же отвезли на квартиру к настоятелю храма Христа Спасителя, был вызван доктор и была оказана помощь. Патриарха спасло то, что нож попал в широкий кожаный пояс на подряснике под рясой, который смягчил удар и нанес только царапину.

Смерть моего отца очень отразилась на здоровье Святейшего. За несколько месяцев до моего рождения, в 1922 г., в Москве проходил процесс над духовенством, сопротивлявшимся изъятию церковных ценностей, — было вынесено 11 смертных приговоров. Патриарх выступал в качестве свидетеля, но косвенным определением был тоже привлечен к уголовной ответственности и заключен под домашний арест в Троицком подворье. Когда он стоял перед судьями, что безусловно являлось своего рода издевательством над мучеником, то даже нахо-

дившиеся на суде сторонники большевиков, не выдержали и крикнули: "подайте кресло, пусть он сядет, ведь перед вами Патриарх всея Руси..." Кресло было подано, но патриарх продолжал стоять, как Иисус Христос перед своими мучителями.

Патриарха травили со всех сторон: главным "инквизитором" был Тучков, уполномоченный ГПУ по церковным вопросам, который систематически морально угнетал крестного своими происками, провокационными предложениями, клеветой на близких патриарху людей, т.е. применял гнусные методы, свойственные ГПУ.

Кроме этого, патриарха угнетала мысль и причиняла огромную боль, — это раскол в самой православной церкви, появление нового течения ("Живая церковь"), которое возглавлял некий "митрополит" Введенский, тот самый Введенский, который проводил диспуты с Луначарским на тему "Есть ли Бог?" Введенского поддерживало правительство и лично Тучков. Обновленцы сыграли очень неблагоприятную роль, вместо того, чтобы укрепить в эти смутные времена Единую Православную веру, сплотиться вокруг Патриаршего престола, клика Введенского стала якшаться с большевиками.

Все это отразилось на здоровье Святейшего, у него оказалась грудная жаба. В начале 1925 г. его положили в частную лечебницу рядом с Зачатьевским монастырем на Остоженке, но и здесь ему не давали покоя. Несмотря на болезнь, Святейший выезжал на проведение службы. За два дня до смерти 5 апреля 1925 г. он покинул больничные стены и служил воскресную литургию в храме большого Вознесения у Никитских ворот (в котором венчался А.С.Пушкин). Моя мать часто навещала патриар-

ха, но за месяц до своей смерти Святейший попросил привезти меня к нему. Меня привезли к Святейшему, но эта встреча в памяти моей не запечатлелась. Крестный мне подарил зайца, который прыгает, когда его тянешь за веревку, и которого я хорошо помню, и свою фотографию, на которой было написано "Алику Патриарх Тихон. Февраль 1925 год". Эта фотография до сих пор висит над моей кроватью.

7 апреля по новому стилю 1925 года в день Благовещения Пресвятой Богородицы к вечеру Святейший стал сильно волноваться и все время спрашивал, сколько времени... Последний раз спросил в 23 часа 45 минут, потом посмотрел на ногти, — они уже почернели — и сказал: "...скоро наступит ночь, темная и долгая" — это были его последние слова... Скончался Великий мученик Святейший патриарх Тихон Московский и всея Руси. От людей, которые были близки к Патриарху, стало известно, что за несколько дней до смерти Святейшему в связи с зубной болью была введена (скорее всего умышленно) двойная доза новокаина, что ускорило его кончину. Впоследствии стало известно, сестра, которая ввела лекарство, покончила жизнь самоубийством.

В среду 8 апреля Святейшего привезли в Малый Собор Донского Монастыря. Облачали его в алтаре за престолом, на горном месте. В комиссии по похоронам были епископ Можайский Борис, Пашкевич Константин и другие. Нескончаемым потоком днем и ночью шли верующие, чтобы проститься с Первосвященником Руси. Было много цветов, стояли пальмы, венки. Почтить память Святейшего прибыли представители посольств, они стояли у колонны справа. Посредине стояло голубое кресло, с пра-

вой стороны стоял митрополит Петр Крутицкий, слева — митрополит Сергей и еще два митрополита, имена мне неизвестны. Все возгласы произносились от имени Святейшего. Пели два хора Чеснокова и Юхова. После гибели отца Патриарх Тихон высказал моей матери просьбу, чтобы после смерти похоронить его рядом с моим отцом. Для моей матери и меня наступили тяжелые дни. При патриархе мы получали помощь — пайки через американскую компанию "АРА", но здесь никакой помощи ждать было не от кого.

Правда, через весь наш жизненный путь мы все время находились под защитой и под благословением Святейшего и это будет видно в дальнейшем. В самые тяжелые времена нам всегда приходила помощь.

Моя мать рассказывала мне, что после смерти отца и крестного, она сидела около дома в кресле и смотрела на небо (я в это время спал) и вдруг она увидела, что в одном месте среди облаков появилось яркое свечение и появилась Божия мать с младенцем на руках, благословила и видение сразу исчезло.

В конце 1925 года Донской монастырь стал заселяться посторонними людьми. Так в архиерейский дом на втором этаже поселилась семья Ольги Андреевны Вяткиной, которая проявила огромную заботу о нас в дальнейшем. Надо сказать, что Ольга Андреевна была двоюродной сестрой Ленина (Ульянова). Мать О.А. Вяткиной и мать В.И. Ульянова были родные сестры.

Несмотря на такое родство, Ольга Андреевна была религиозным человеком и крестным отцом ее внука Игоря Маркушина был наместник Донского

монастыря епископ Алексей. Мать Игоря, Вера Ивановна Маркушина (племянница Ленина), умерла 3 мая 1927 года при родах дочери Веры, которая до сих пор здравствует и живет в Москве. Очень хорошо помню, как к О.А.Вяткиной приезжал в гости Д.И.Ульянов, приезжал на "линкольне", и мы с Игорем забирались в машину, а Дмитрий Ильич говорил шоферу — "прокати их", и мы были в восторге от этих поездок по Москве.

Я вспоминаю, когда мама, а с ней и я, были на поминках по случаю смерти В.Я.Маркушиной. За столом сидели Мария Ильинична, Дмитрий Ильич, также среди присутствующих на поминках был и епископ Алексей (крестный отец Игоря Маркушина); в столовой висели иконы, но никто никогда не высказывал своего критического мнения по этому поводу, — это говорит о воспитании людей, несмотря на их убеждения. Вскоре моя мать тяжело заболела (туберкулез ног) и ее положили в 1-ю градскую больницу, а меня забрала к себе О.А.Вяткина, и вместе с ней мы часто навещали маму в больнице. Из больницы мать вышла на костылях и врачи порекомендовали ей поехать в Крым и там продолжать лечение.

В Крыму мы жили в Феодосии, и во время нашего пребывания там было сильное землетрясение. но нас Бог миловал. Крым маме помог и возвращалась домой она уже без костылей.

Дома нас ждали новые испытания, — наступила сталинская эра. Мать лишили всех гражданских прав и выселили из квартиры, на улицу. Куда идти и что делать? Все вещи были выброшены на улицу. Меня забрала к себе Ольга Андреевна Вяткина, а мать скиталась по чужим людям. Все, что осталось

мать отдала на хранение своей старшей сестре Кельш В.В., где был потом якобы "пожар" и вещи сгорели. Надо сказать, что Кельш после революции скрыла свое происхождение, работала заведующей хозяйством детским домом ГПУ и поэтому связи с моей матерью старалась не поддерживать, вернее, отреклась от нее.

Много, очень много людей в память о моем отце и патриархе давали приют моей матери. Наконец, ей с помощью настоящих людей повезло, удалось снять комнату в селе Воробьевском, что на Воробьевых горах (теперь это Ленинские горы) у домовладельца Коромыслова.

Все золотые вещи, что были у нас, мама отнесла в торгсин, который находился на Серпуховской площади на втором этаже, и я всегда сопровождал ее в этих походах. Мама решила под Москвой купить небольшой дом, который она сторговала с хозяйкой, она отдала ей деньги (царскими золотыми), это последнее, что у нее было, но когда она приехала в Пушкино, чтобы официально оформить договор, то узнала, что хозяйка убита, а дом ограблен. Кто это совершил, так и осталось неизвестно.

В эти смутные и тяжелые времена митрополит Алексей (будущий патриарх), приезжая из Ленинграда в Москву, останавливался у нас, но как будет видно в дальнейшем, он проявил себя не с очень хорошей стороны по отношению к моей матери, но это потом.

В один из дней поздно вечером в 23-24 часа, день и год не помню, во всяком случае, я уже спал, в дверь постучали и вошли двое (по нынешним понятиям офицер и солдат), предъявили ордер на обыск и на арест. Надо отдать должное, что прислан-

ный за нами "офицер" не отличался свирепостью и хамством по сравнению с теми, кто служил в это время в органах НКВД. Когда он захотел проверить иконы, он сам не стал открывать киот, а попросил мою мать открыть и самой показать. Во всяком случае, как мне рассказывала мать, с его стороны не было того хамства, что было у многих в то время.

До этого моя мать была в польском посольстве и просила разрешить ей выехать в Польшу, где родился мой отец. Ей в посольстве были выданы соответствующие документы, чтобы она их заполнила. За несколько дней до обыска мать эти документы (какой-то ей внутренний голос подсказал) сожгла.

Когда я проснулся, солдат стал перебирать мои игрушки, и я очень хорошо помню, как закричал: "не трогай мои игрушки!" — начальник сделал ему знак и он отошел в сторону.

Перебирая бумаги, "офицер" обнаружил документ, в котором говорилось, что мать болела туберкулезом ног. Он спросил мою мать, может ли она со мною дойти до Калужской заставы, где находился "черный ворон" и куда сгоняли всех несчастных. Мать ответила, что ей это сделать трудно, тем более, что ей придется нести меня и какие-то пожитки, а идти нужно более трех километров. Тогда он спросил у матери, где здесь поблизости телефон, и, узнав, что телефон находится в аптеке, послал красноармейца, чтобы он позвонил, объяснил ситуацию и попросил вызвать машину. Пока мама складывала пожитки, вернулся посланец и заявил, что все машины в разъезде, выслать не могут, пусть возьмут подписку о невыезде из Москвы. Так и было сделано. Судьба это или что?

Думая об аресте, и чтобы меня как-то оградить от этого, мать на другой же день отвезла меня в Рублево, где жила ее средняя сестра Нина Васильевна Царик, которая была замужем за инженером, работающим на Рублевской насосной станции. Эта сестра всегда проявляла родственные чувства и всегда в трудную минуту приходила к ней на выручку, в отличие от старшей сестры.

В Рублеве я пошел в первый класс. Я очень увлекался драматическим искусством и в школе всегда участвовал в самодеятельности; в Рублеве я впервые вышел на сцену и читал стихотворение, содержание которого заключалось в том, что я буду таким счастливым, т.к. буду жить при коммунизме... И вот я дождал до семидесяти лет и никто в нашей стране об этом "светлом будущем" не думает в эту утопию не верит...

В той комнате, где мы проживали, нам отказали из-за того, что у нас останавливался митрополит Алексей, и в связи с обыском хозяин Коромыслов перепугался. Я был устроен у тетки, а вот моя мать была вынуждена опять скитаться от знакомых к знакомым и в то же время поступила на курсы по подготовке фельдшеров.

Еще раньше, после смерти патриарха и после излечения в Крыму, мать поступила работать в Московскую детскую больницу в регистратуру, а потом окончила курсы, стала медсестрой в этой же больнице. Она работала на полутора ставках, чтобы как-то существовать на эти гроши. Когда мама уходила на суточное дежурство в больницу, оставляла мне еду, которой мне явно не хватало, я брал простую из колодца воду, размачивал в ней черный хлеб и с большим аппетитом ложкой съедал эту жижу. Но

зато у меня был большой праздник, когда мама получала получку и мы с ней отправлялись в Столешников переулок, там было кафе-молочная и мы с ней наслаждались кефиром с мягкой сладкой булкой... Это было пределом моих мечтаний.

Было мне шесть лет, у меня был обнаружен аппендицит и нужно было срочное хирургическое вмешательство. Операцию мне делал профессор Краснобаев. Такой усатый смешной добрый человек. Он крутил шарики из ваты, все расспрашивал меня и бросал их в меня, потом просил рассказать ему сказки и я стал рассказывать сказку про козлика и уснул... Проснулся в палате, рядом лежал ребенок и около него сидела женщина, мне так захотелось пить, я попросил воды. Женщина налила полный стакан и только хотела дать мне в руки, как вошел врач, а может быть медсестра, и буквально выбила этот стакан из рук женщины, я запомнил слова белого халата: "Вы что, хотите, чтобы он умер?.." Кто же спас меня, кто пришел на помощь, кто подтолкнул моего спасителя в эту минуту войти в палату?! Правда, синод в лице митрополита Сергия помогал, но это была мизерная помощь. Как сейчас помню, мы с мамой каждый месяц направлялись в Девкин переулок, это около метро Красносельская, в определенный день нас в прихожей встречал Миша, иподьякон Сергия, и после его доклада выходил митрополит в белом подряснике, в очках и, как всегда, улыбающийся, правой рукой благословлял, а левая рука находилась в кармане подрясника; после благословения доставал деньги из левого кармана, вручал маме, поворачивался и уходил в свои апартаменты, где мы никогда не бывали.

Когда я подрос и мне было лет тринадцать, я

стал держать посох епископу Питириму, который служил в Москве, чаще всего в храме Святого Климента Римского папы, где было семь приделов, что стоит в Климентьевском переулке, в очень запущенном состоянии; в помещении этого храма расположены какие-то конторы. В этот храм владыка Питирим разрешил мне носить орарь и с его благословения я стал иподьяконом, стал выносить декирие. Вскоре владыка Питирим был арестован, судим и его сослали в город Великий Устюг, там он и окончил свой жизненный путь.

После 34-го года синод перестал оказывать материальную помощь моей матери. До смерти Святейшего и моего отца в Донском монастыре бывали и прислуживали патриарху четыре человека, это: Юрий (отчество и фамилию я не помню, знаю, что фамилия его отца немецкая, служил он в посольстве и погиб при авиационной катастрофе) в 29-30-м году принял монашество, был сослан, там вел подвижнический образ жизни и зимой ходил босиком, в 1933 г. скончался от воспаления легких.

Вторым был Борис Александрович Шифрин, — племянник Надежды Андреевны Обуховой, солистки Большого театра, он окончил в свое время Московскую Консерваторию (у него был бас) и работал в Московском Художественном театре в вокальной группе, а в свободное время пел в церковном хоре в храме.

По этому поводу у него были всегда конфликты с администрацией театра. Часто совершал паломничества по святым местам, последнее свое паломничество совершил в 1982 году пешком, босиком, из Москвы в Загорск. Умер в 1985 году.

Борис Мерлин в 30-х годах был репрессирован,

во время Отечественной войны принимал в ней участие, после войны жил в Ленинграде около площади Пяти углов, — дальнейшая судьба мне неизвестна.

Четвертым был Алеша Беляев, сын Александра Ивановича Беляева, бывшего генерала царской армии (мать Ольга Ивановна), жили они в Грохольском переулке, дачу имели в Северяnine, — это недалеко от Москвы (теперь это Москва), на этой даче я проводил все лето, т.к. они проявляли заботу о нас в память патриарха, они были большие почитатели крестного. Их дочь Ольга Александровна была замужем за профессором Анатолием Александровичем Вердеревским и жили они на 1-й Мещанской улице, 32 (сейчас проспект Мира). В этом доме на первом этаже была квартира, в ней проживала вдова Бросова. В этом же доме проживала и Мария Александровна, сестра Вердиревского. У них часто собирались гости и вели осторожные непринудительные беседы.

Среди гостей бывал часто некий Михаил Михайлович, протодьякон храма Великомученика Трифона, что у Рижского вокзала, который однажды попросился ко мне в гости. Я жил один, т.к. моя мать в это время была призвана в армию в связи с польской кампанией. Жили мы тогда опять на Воробьевых горах, снимали малюсенькую комнату в доме Ольги Барановой, напротив церкви Святой Троицы (которая сейчас действует и ее посещают студенты университета). Сестра хозяйки дома была замужем за сыном священника этого храма отца Николая, поэтому маме удалось получить угол; в это время все чего-то ждали и боялись. Так вот в эту "комнату" я однажды и привел Михаила Михайловича, всю ночь он меня расспрашивал и выпра-

шивал о патриархе, отце, матери и вообще о жизни. Я ему все, что знал, чистосердечно рассказывал.

Так как мне одному было материально тяжело, летом 1939 г. я устроился работать корректором в золоторазведочную экспедицию и с этой группой поехал в Казахстан в поселок Елтай, что находится между Петропавловском и Карагандой, где, проработав три месяца, заболел крупозным воспалением легких и, чтобы со мной не возиться, меня посадили в поезд на боковую полку. Так, в тяжелом состоянии, я приехал в Москву. Сразу же с вокзала, я не помню как дошел до Вердеревских, — благо они жили недалеко от Каланчевки. Они приняли все меры, вызвали мою мать из Калинина, где она работала в эвакогоспитале и по приезде ее положили меня в больницу Склифосовского, я был в таком состоянии, что врачи ничего не гарантировали, и когда я поправился, были крайне удивлены.

В конце 1939 г. А.И.Беляев с женой, их сын Алеша (Алексей Александрович), их дочь Ольга Александровна с мужем, сестра мужа и брат в одну ночь были арестованы, а сын Вердеревских Вадим, — ему было 8-9 лет, — был отправлен в детский дом. Уже после смерти Сталина, из всей этой семьи вернулись только двое — О.А.Вердеревская и ее брат Алексей Александрович Беляев. А.А.Беляев в семидесятых годах погиб при таинственных обстоятельствах: он был найден в своей комнате зверски убитым. Кому это было надо? Зачем?

Из детских воспоминаний хорошо помню, как я с мамой приходил в гости к Солдатенковым, которые жили в особняке на Мясницкой улице, там нас угощали чаем, а хозяйка дома мне рисовала лица смешных человечков, вырезала, и когда их дер-

гали за кончик бумаги, у них изо рта появлялся язык, это было очень смешно и мне нравилось. И когда мы с мамой скитались по Москве, то часто останавливались в семье Рыбко (они жили около Донского монастыря). Сам Рыбко работал в свое время в качестве управляющего на заводе "Бромлей и К^О" (теперь завод "Красный Пролетарий"), который находился около Донского монастыря. У них было два сына, —летчики, один погиб в начале двадцатых годов и похоронен рядом с моим отцом (их только разделяет могила Петра Яковлевича Чаадаева), а второй сын Николай умер в восьмидесятых годах — он был Герой Советского Союза.

Когда погиб мой отец, его похоронили на новом кладбище, на территории которого строился храм Серафима Саровского, но после революции строительство было прекращено, а на основе храма стали строить крематорий. Тогда моя мать решила перенести прах отца на старое кладбище и похоронить рядом с патриархом Тихоном. Святейший похоронен в храме, а через церковную стену состоялось перезахоронение моего отца. Воля Святейшего — быть похороненным рядом с Яковом Полозовым — сбылась. Во время отпевания и при перезахоронении присутствовал архидьякон Михайлов, будущий солист Большого театра, народный артист СССР, лауреат Сталинской премии. Когда в тяжелые дни мать обратилась к нему за помощью, а он был в это время в фаворе у правительства, и особенно у Сталина, он ей в помощи отказал, заявив, что ни ее, ни ее мужа не знает. Ну, Бог ему судья!

Во время финской войны мать также была мобилизована и находилась в городе Калинин (теперь стоит вопрос о переименовании этого города,

первозначное название город Тверь) я жил один и, несмотря на то, что мать высылала на мое имя аттестат, поступил работать и одновременно учился в заочной школе. В связи с тем, что еще в первом классе я участвовал в художественной самодеятельности, играл в любительских спектаклях, поступил в театральную школу при Московском театре имени Революции, а также был принят в вспомогательный состав театра.

В начале 1940 г. я получил повестку явиться в такой-то день и к такому-то часу по адресу: Лубянка, подъезд со стороны Кузнецкого моста, комната такая-то. В это время в театре была репетиция, в которой я должен был участвовать. Я пришел в театр заранее, показал повестку А.П.Плотникову (он был у нас в театре зав. труппой). Нужно было посмотреть в его глаза, они выражали одновременно ужас, страх и глубокое сочувствие ко мне. Я же все воспринял по своей молодости спокойно, так как знал, что за мной никаких антисоветских преступлений не было и совесть моя была чиста. Я не ведал, что творилось в стране. Был убежден, что все процессы и расстрелы законны и не мог себе представить, что, придя на Лубянку, меня могли бы уже не выпустить, через несколько дней расстреляв в подвале. Поэтому шел в это адово чистилище по весенней столице с легким сердцем и в веселом настроении. В назначенное время я вошел в указанный кабинет, в котором находились двое военных, чинов их я не знаю, и того, кто сидел за столом, я не помню (что-то смутно-худое), а вот второго я запомнил хорошо, это был коренастый среднего роста с веснушистым, губошлепным лицом, торчащими лопухими ушами и с большой копной волос, рыжих-прерыжих. Он на-

половину сидел на подоконнике так, что одна нога уперлась в пол, а другая болталась над полом. Где я сидел, не помню, но присесть мне предложили. Сначала были заданы формальные вопросы: фамилия, имя, отчество, где родился и т.д., и это все записывал тот, кто сидел за столом. Потом стал спрашивать рыжий (все это приблизительно).

— Скажи (прямо на ты), знаком с Вердеревским и бывал у них в доме?

— Знаком и бывал у них дома и даже очень часто.

— Были ли у них гости и часто ли собирались?

— Как у всех москвичей, гости бывали, а вот часто они собирались, — не знаю.

— А вот не слышал, о чем они говорили?

— Говорили обо всем, и о литературе, и искусстве, ну, в общем, обо всем.

— Анекдоты рассказывали — дотошно допытывался Рыжий.

— При мне нет (?), считали меня ребенком...

— Я не говорю о неприличных, а говорю о политических...

— Я не слышал.

— Как не слышал!? Когда при тебе был рассказан анекдот, содержание анекдота приблизительно такое: Наш вождь товарищ Сталин стоит на горе и смотрит в бинокль и говорит: "где бы еще братьев найти?" (такой анекдот действительно в то время ходил по Москве в связи с захватом Прибалтийских стран, но я слышал его намного позже).

— Я такого не слышал.

— Вот список присутствующих в тот вечер, когда была рассказана эта клевета, — и он протянул список людей, которые в этот вечер были в гостях у

Вердеревских и среди указанных фамилий была и моя...

— Да, действительно, все эти люди были, а вот анекдоты не рассказывались... и вдруг я, пробежав бумажку глазами, обнаружил, что в ней отсутствует один человек, — но в этом списке нет одного человека, который присутствовал в этот вечер! Михаила Михайловича — протодьякона храма у Рижского вокзала...

Рыжий переглянулся с сидящим за столом и разговор на эту тему прекратился. Меня спросили, где сейчас находится мать, где я работаю, был ли я пионером. — "Нет, пионером я не был". Думаю ли я вступать в комсомол? — "Нет, — ответил я, — в комсомол вступать не думаю. Почему? Да потому, что я верующий, а комсомол и религия несовместимы. Такими или приблизительно такими были мои ответы. На прощанье рыжий сказал: "желаю творческих успехов"; тот, кто сидел за столом, подписал мне пропуск, но до этого взяли с меня расписку о неразглашении беседы. В таком же настроении, как и пришел сюда, отправился я в театр.

Там только что окончилась репетиция и товарищи на меня смотрели как на пришельца с того света. Мне нужно было в отдел кадров отдать повестку с отметкой и на столе у начальника лежало мое личное дело. В это тяжелое время кто меня спас от явной смерти?!

После моего посещения Лубянки некоторые артисты театра стали проявлять ко мне особое внимание, и не потому, что я был на Лубянке, потому что они знали, кто мой отец и кто крестный. Я никогда не скрывал этого. Особо хочу отметить Михайла Федоровича Астангова и его жену артистку Адамай-

тис, которые проявляли ко мне большое внимание, приглашали меня к себе домой, на Ленинский проспект, где кормили, и я у них был частый гость. А также артист А.П.Лукиянов и его жена. Кстати, надо сказать, что Лукиянов был незаменимым партнером великой актрисы, но незаслуженно забытой, хотя ее портрет в Третьяковке висел рядом с портретом такой же великой актрисы М.Ермоловой. Это была Мария Ивановна Бабанова. И вот эти люди проявляли ко мне внимание в те дни, когда могли за одно только общение со мной пострадать головой. Кстати говоря, Астангов в 1965 году похоронен был также в Донском монастыре и на том месте, куда он часто приходил и занимался голосом, около монастырской стены.

В сороковых годах моя мать была демобилизована и вернулась в Москву. В осенний день 1940 г. я получил повестку в военкомат на призыв в армию по своему возрасту. Пришел, меня осмотрели и признали негодным по зрению и выдали белый билет. Кто помог? Ведь надвигалась страшная бойня и я был от нее освобожден.

Наступил 1941 год. Театр был на гастролях в Сочи — Кисловодске и именно в Кисловодске меня застала война. Руководство театра решало вопрос ехать в Москву или продолжать гастроли и ждать в Кисловодске окончания войны, т.к. ни у кого не вызывало сомнения, что война скоро кончится. "Если завтра война... мы сегодня к походу готовы"... и пяди земли не отдадим и бить будем на его же территории... и т.д. — вообще шапками закидаем. Все были уверены в этой пропаганде... Решили ехать в Москву, но перед выездом было проведено патриотическое собрание, на котором было принято

решение произвести запись в Народное ополчение. Почти весь мужской состав записался, даже Абдулов О.Н. со своей атрофированной ногой, но по приезде в Москву в первых числах июля на сборный пункт явилось человек десять, не более, — и необученных нас бросали в битву.

Под Можайском я заболел и меня направили в оздоровительный батальон, который находился в Москве, где мне пожилой с бородкой врач сказал: "у тебя белый билет, иди домой, к маме, когда нужно будет, тебя позовут"... и в этом случае Всевышний хранил меня. Все, кто пошел в ополчение, погибли или умерли после войны от ран. В данное время жив только В.С.Розов, драматург.

Мою мать в первые дни войны мобилизовали, и она до самого конца была на фронте и завершила войну в Берлине. В начале войны мать была направлена во 2-ю ударную армию под командованием генерала А.А.Власова. При окружении армии под Старой Руссой образовался коридор в несколько километров, который без перерыва обстреливался. По коридору выходили окруженные войска — кто хотел (а кто не хотел сдавался в плен). И вот по этому же коридору хрупкая, маленькая женщина, любящая Родину, под бесконечным обстрелом выходила из окружения и кроме того тащила на себе раненого комиссара ее части... За это она была представлена к ордену Боевого красного знамени. При подготовке документов к награде ее вызвали в особый отдел и сказали: мы все о вас знаем, кто вы и что вы... и представили к медали за "боевые заслуги". Но несмотря на все это, она осталась жива... Кто помог? КТО?

Или вот такой случай: один из бойцов принес

неопознанный предмет, положил его около матери и стал в нем ковыряться, — офицер ему сказал, чтобы он со своим изучением предмета пошел на другую сторону шоссе, солдат ушел, но через минуту раздался оглушительный взрыв — от солдата нашли только руку, на которой были часы и они шли... Мама получила контузию, после чего стала плохо слышать. Но кто-то подсказал офицеру приказать солдату уйти от этого места?! КТО? Много раз она подвергалась смертельным опасностям. Бог оберегал ее... Демобилизовалась она в 1946 году, но вернулась инвалидом второй группы, у нее была открытая форма туберкулеза. В войну я работал в Свердловском драмтеатре и каждые полгода проходил в военкомате переосвидетельствование: сначала было заключение "не годен", потом "не годен к службе в армии — годен к физическому труду", следующий этап "нестроевая" и в довершение всего — "годен к строевой". Но в это время стала выдаваться творческим работникам бронь, которую я и получил, но ведь многие и не получили...

Перед самым окончанием войны я перешел в Ленинградский театр имени Ленинского Комсомола, который после эвакуации возвращался в Ленинград с заездом в Сочи на гастроли, где и застал меня день победы.

По приезде в Сочи я часто ходил в единственную церковь, которая была открыта, молился в алтаре и помогал в богослужении по просьбе настоятеля храма. В алтаре на всех службах присутствовала, сидя на стуле, моя крестная, мать Вера, бывшая настоятельница Новодевичьего монастыря, — она была очень, очень старенькая. Как я потом узнал, в Сочи она и похоронена. В Пасху во время крестного

хода меня увидели несколько сослуживцев, которые пришли одни помолиться, а другие из любопытства, и вдруг они видят меня в стихаре... Утром уже дирекция театра об этом знала, меня вызвали на беседу.

Когда я к ним явился, то они не знали, с чего начать, т.к. во время войны, в ночь с 4 на 5 сентября 1943 г. Сталин в Кремле принимал митрополита Сергия, Алексия и Николая, кроме того, перед окончанием войны состоялся поместный Собор (после кончины патриарха Сергия), на котором был избран на патриаршество митрополит Ленинградский Алексий и по стране демонстрировался хроникальный фильм ("Поместный Собор"). Во всяком случае, секретарь парторганизации разговор повел о том, что мы работаем на идеологическом фронте и что вера в Христа и коммунистическое мышление несовместимы... но никаких репрессивных мер ко мне принято не было.

Когда театр после дня Победы возвращался в Ленинград, то в Москве остановилась главный бухгалтер театра Дина Вильгельмовна (фамилию не помню, по мужу Степанова), у нее во время войны прспал без вести сын на фронте и ей посоветовали сходить в церковь, что находится в Сокольниках, а в этом храме находилась Иверская чудотворная икона Божией матери. На другой день Дина Вильгельмовна пошла в храм Воскресения, и, поставив свечку к чудотворной иконе, стала горячо молиться и просить о возвращении ее сына, и во время коленопреклонения перед святыней из глаз молящейся брызнули слезы, и сразу наступило облегчение... Обо всем этом она рассказала мне и окружающим. Прошло три месяца, мы уже были в Ленин-

граде, она получает известие, что ее сын жив и находится в заключении, т.к. сдался в плен, будучи раненым.

По возвращении в Москву, будучи инвалидом Отечественной войны второй группы, мать оставалась без жилья, т.к. на Воробьевых горах, откуда она была мобилизована в армию, жить было негде — дом снесли, а государство ей в предоставлении жилплощади отказывало. В жилотделе сказали: "Уезжайте туда, откуда приехали", а мама ответила: — "Я только что из Берлина". Правда, на учет ее поставили, но в то время можно было находиться всю жизнь на учете и ничего не получить. В Москве ее приютила семья Маркушиных, которые перед войной получили трехкомнатную квартиру у зоопарка и выехали из Донского монастыря. Ольга Андреевна Вяткина через год умерла в 1939 году, похоронена в могиле дочери в Донском монастыре. Игорь, ее внук, погиб на фронте, в квартире остались зять Иван Трофимович и внучка Вера, которой в это время шел двадцатый год — большое спасибо этим людям за заботу.

В 1946 году, осенью, я приехал в Москву и стал хлопотать о предоставлении моей матери жилплощади, но все безрезультатно, и только благодаря тому, что секретарем у начальника райжилотдела была моя школьная соученица, которая помогла получить ордер на небольшую, метров восемь, комнату в бывшей Андреевской богадельне, на берегу Москва-реки. Ни мебели, ни посуды, — ну вообще ничего-ничего не было, и в довершение всего мне отказали в прописке к матери...

Во всех отказах мотивировок было много: и санитарная норма не позволяет, и что я никакого от-

ношения к матери не имею, и что, раз уехал из Москвы, то и не москвич, хотя я показывал свой паспорт, в котором было указано, что паспорт выдан "милицией гор. Москвы" до войны и прописка московская, но мне отвечали: "шесть лет не был в Москве — ты уже не москвич, а если хочешь жить с матерью, забирай ее и уезжай из Москвы, Союз большой..."

После каждого отказа мне приходилось скрываться, т.к. сразу же ночью приходили с проверкой и, если заставляли, то штрафовали и брали расписку, что я в 24 часа уеду из города. Без денег жить тяжело, а на работу без прописки не берут. Приходилось ходить на вокзалы и там работать неофициально ноильщиком.

Так жить дальше было невозможно, все время скрываться у знакомых, а дворники, видевшие, что у таких-то живет без прописки посторонний, — обязаны были сообщать в милицию и те ночью приходили. Доходило до курьеза: как только раздается звонок в дверь после 10 часов вечера, меня прятали в большой кованный сундук, и это продолжалось месяцев пять-шесть... Был я у комиссара милиции города Москвы Полукарова на Петровке, 38 с письмом-просьбой от очень авторитетных людей и везде только одно — отказ, отказ...

Осталась только одна инстанция — это Верховный совет. Но прежде чем предпринять этот шаг — это была последняя попытка, — если откажут, уезжай из Москвы и прощай родной город, прощай родственники, прощай дорогие могилы, вот к ним-то я и пришел в Донской монастырь.

На другой день я пошел на Моховую, где находилась приемная председателя Верховного совета,

чтобы записаться на прием к главе страны Швернику Н.М.

Принял меня референт, очень внимательно выслушал, просмотрел огромное количество принесенных мною бумаг и попросил принести еще какую-то справку, и когда я эту справку принес, назначил день приема и выдал пропуск...

В назначенный день и час (часов 8 утра) пришел. Народу было человек двести, не менее. Кроме пропусков проверяли еще по спискам с предъявлением паспорта. В вестибюле находился врач и сестра, а во дворе стояла скорая помощь, т.к. в этот день решались не такие пустяковые вопросы вроде моего, а решалась судьба человека, вопрос его жизни и смерти... Ведь если отказывали в отмене смертной казни, были истерики и даже с печальным исходом, поэтому скорая помощь была необходимостью, как бы неотъемлемой частью, своего рода милосердием.

В 10 часов стали запускать в зал, в котором рядами были расположены скамейки и по стенам тоже. Перед скамейками барьер... нас по очереди впускали в зал и рассаживали. Никаких сумочек, даже дамских, в руках держать нельзя, — ничего, кроме заявлений с документами, вставить с мест и ходить запрещено, по бокам стояли человек шесть-восемь из охраны и внимательно следили за залом. В 11 часов появились два здоровых человека в черных костюмах и стали по краям за барьером. Вслед за ними появился Шверник, а с ним еще свита человек пятнадцать, и среди этого окружения был и мой референт. В порядке очереди гуськом к барьеру двинулись сначала те, кто сидел у стенки по часовой стрелке, потом первый ряд и т.д. Около Шверника никто не задерживался, все быстро проходили мимо

главы. Я думал, почему все проходит так быстро — и понял, когда подошла моя очередь. Когда я подошел к "главе" государства — он спросил: "Что у вас?". Я не успел открыть рот, как он посмотрел на пропуск, который был приколот поверх документов, и сказал: "комната номер..." — он назвал номер той комнаты, где находился референт, который занимался моим вопросом... это говорит о том, что все вопросы разрешили его референты, он только присутствовал при сем как китайский болванчик, на зато каждый скажет, что он был на приеме у самого президента страны.

Вся очередь прошла за какие-то час-полтора. Все, кто подходил к главе, покидал зал и ждал своего вызова в указанный кабинет. Часов пять пришлось ждать до вызова, где мне сказали: "Председатель Верховного совета СССР тов. Николай Иванович Шверник разрешил вас прописать... временно, на шесть месяцев". Вот так. Потом в 41-ом отделении милиции начальник паспортного стола майор Козлов продлил еще на шесть месяцев, потом на год; потом, пригласив Козлова к себе домой, я накрыл стол и после нескольких рюмок водки он сказал: "Не надо было ходить куда-то и просить, а пришел бы ко мне и вот так, как сейчас... и все было бы в порядке — ясно?" Навредить Козлову я уже не смогу, так как он давно отошел в потусторонний мир, но зато мне стало ясно, что в нашей стране надо жить так, как сказал Козлов.

До возвращения в Москву был с театром на гастролях в эстонском городе Петсери, а после войны этот город отошел к Псковской области и стал городом Печоры.

В этом небольшом провинциальном городе

расположен мужской монастырь и на территории его находятся известные рукотворные пещеры, в одной из них находится придел, где совершаются богослужения. По стенам пещеры расположены захоронения, в которых покоится прах служителей данного монастыря, а также усыпальницы лиц, которые внесли при жизни свою лепту на содержание этой обители. Настоятелем монастыря в то время был архимандрит Агафон, — кстати, надо ему отдать должное, очень хозяйственным был человеком, — при монастыре была молочная ферма, пасека, конюшня, где находились хорошо ухоженные кони и вокруг монастыря огромные земельные угодья, где даром не пропадало ни клочка земли. Засеивали рожь и пшеницу, сажали картофель, даже местные власти часто прибегали к помощи монастыря, — если в городе было плохо с картофелем, тогда шел обмен: монастырь — картофель, город монастырю — соль.

За неповиновение властям-оккупантам фашисты несколько раз сажали отца Агафона в тюрьму, но по недовольству верующих отпускали его. Когда германские войска стали отступать, то они забрали всю ценную утварь монастыря, а также царскую карету, которая хранилась в монастыре как реликвия под специальным застекленным колпаком, — на которой приезжал Петр I, — карета сломалась, император уехал на другой, а та сломанная осталась в монастыре...

Так вот, все это фашисты погрузили в товарный вагон и увезли в Германию. Отец Агафон поехал следом на розыски этого вагона и где-то под Кенигсбергом разыскал вагон, отцепил от состава и пригнал обратно в Печоры — как ему удалось все

это совершить, я не знаю, но об этом мне рассказывали и монахи монастыря, и директор гостиницы (он же бывший хозяин), и местные жители. Я ежедневно ходил в монастырь и все свое свободное время проводил там... и были часы, когда приходила мысль остаться здесь и посвятить свою жизнь служению Богу.

В один прекрасный день я узнал, что в монастырь приезжает патриарх Алексей. И верно, через несколько дней из Пскова к монастырю подъехал кортеж автомашин, в котором приехал патриарх, а с ним митрополит Ленинградский и Новгородский Николай, несколько духовных лиц, также руководители Псковской области во главе с председателем по делам религий при Совете министров СССР Карповым. Через несколько часов советские официальные лица уехали в Псков; патриарх остался в монастыре, т.к. на другой день он должен был отслужить обедню.

Наутро я отправился в монастырь и, зная, где находится патриарх, попросил сидящего у двери монаха, чтобы сообщили о моем приходе. Меня впустили в прихожую архиерейского дома и после того, как доложили обо мне, ко мне вышел иеромонах, в котором я узнал Мишу — бывшего келейника Сергея... Я его назвал по имени, на что он сказал: "я уж не Миша, а Иоанн, т.к. принял постриг" (в дальнейшем он был посвящен в епископы, имел епархию, где он сейчас и жив ли, я не знаю). Он меня отвел на второй этаж, где я встретился с патриархом Алексием. Принял меня патриарх не в рясе, а в шелковом халате, и сразу после благословения стал жаловаться, что плохо спал, что кровать неудобная и даже продемонстрировал мне, как он спал... кро-

вать была с сеткой и, когда человек ложится, ноги и голова наверху, а туловище проваливается. Потом стал меня расспрашивать о репертуаре театра и кого я там играю... Узнав, что в спектакле "Он пришел" играю Джерольда, патриарх стал очень расхваливать Пристли — автора этой пьесы.

На мой вопрос, как он смотрит на то, чтобы я принял монашество, он ответил отрицательно, сказав, что я рожден для того, чтобы быть в миру. Во время нашей с ним беседы пришел отец Агафон, сразу же получил выговор и за кровать, и за то, что территория не освещена, и за то, что монастырские дорожки не асфальтированы, и что в соборе во всю иллюминация, а нужно, чтобы электроосвещение в храме был меньше, горело больше свечей, этим самым создав для молящихся благолепие. Были и другие указания. После этого патриарх оделся и пошел осматривать территорию монастыря. Меня он взял с собой. Народу в монастыре было много, и много было сделано фотографий, которые мне были переданы после отбытия патриарха из монастыря. По приезде в Москву я был у патриарха в Чистом переулке и передал ему лично имевшиеся у меня фотографии; кое-какие фотокарточки, где я с ним, он отдал мне... И хочется сказать, что когда мама вернулась с фронта и не могла получить жилплощадь, она обратилась к патриарху Алексию, чтобы он похлопотал, но он в грубой форме отказал ей в просьбе.

В 1957 году врачи из тубдиспансера, где находилась под наблюдением моя мать (открытая форма туберкулеза легких) ей заявили, что они не гарантируют ей и года жизни, если она не согласится на операцию по удалению левого легкого. Мать ка-

тегорически отказалась. Однажды, придя на кладбище в Донской монастырь, она встретила у могилы крестного, свою знакомую, которой и рассказала о своей беде и о том, что врачи ее приговорили к смерти... На это женщина ей ответила, чтобы она не унывала, т.к. у нее есть знакомый гомеопат, которая, возможно, ей поможет. Семенова (фамилия врача) дала свое согласие и записала маму на прием — она работала в гомеопатической поликлинике на Ленинском проспекте, но предупредила, что им запрещается лечить туберкулез и она будет лечить — плеврит... Выписала ей уйму разных таблеток, которые нужно было принимать по часам и через два месяца ей показаться. Во время лечения в тубдиспансере матери каждый месяц накладывали пневмоторакс и откачивали жидкость. И вдруг чудо! После курса лечения не нужно было применять вышеуказанные процедуры; кроме этого, прекратилось выделение мокроты, а через некоторое время она перестала являться бациллоносителем и прожила еще 31 год, и, если бы не несчастный случай, она бы жила и поныне.

Поздно вечером 3 января 1988 г. она решила достать книгу с полки, стала на стул, сидение которого под ней провалилось, и в результате — перелом шейки бедра. Находясь в больнице, она мужественно переносила страдания, которые доставлял ей этот перелом, и только благодаря заботам и уходу моим старшей дочери и ее любимой внучки Наташи, мучения ослабевали. 3 февраля 1988 года около 12 часов дня на 89 году она ушла из жизни. Через 54 года ее душа полетела на свидание к моему отцу и Святейшему патриарху Тихону.

По ее завещанию, ее нужно было отпеть в цер-

кви, совершить кремацию, а урну захоронить в могилу к отцу. Все было сделано, как она просила, кроме последнего. Донской монастырь является, хоть и в запущенном виде — музеем-заповедником, где захоронения запрещены даже к родственникам.

Я обратился в Синод и был на приеме у управляющего делами Московской патриархии митрополита Владимира; в беседе с ним я попросил оказать содействие в захоронении урны, а также высказал мысль, что почитатели моего отца как в стране, так и за рубежом собираются воздвигнуть памятник на могиле отца, и негоже Московской патриархии стоять в стороне от этого начинания; но, как видно, его высокопреосвященство, хороший дипломат, пропустил мимо ушей вопрос о памятнике, а в отношении захоронения обещал помочь.

Действительно было написано письмо в управление по делам религий, откуда письмо было отправлено в Моссовет, из Моссовета в Главмосбыт, и здесь мне сказали, что Донской, — это музей. Когда я стал возмущаться и заявил, что при Сталине разлучали мужа с женой при жизни, а теперь даже захоронить урну в могилу с мужем нельзя... Варвары и те так не поступали! Вышел начальник из своего кабинета, стал меня успокаивать, после чего решили направить письмо на усмотрение дирекции музея, к Щусеву А.М.; потом посоветовали захоронить урну "втихаря", чтобы никто не видел, но при этом надпись делать нельзя.

В письме было написано, что Главмосбыт не возражает против захоронения урны. Щусева такая формулировка не устраивала: "вот пусть напишут вместо слова "не возражают" слово "разрешают"..." И эта бюрократическая машина все вертится и вер-

тится и конца не видно. Потом мне сказали: если и разрешим, то учтите, вы там лежать не будете, этого мы не допустим, и не рассчитывайте — вот так или приблизительно так (?!).

Мама не дожила несколько месяцев до тысячелетия Крещения Руси, ей было бы очень приятно увидеть всю помпезность этого праздника, но Бог не уподобил ее. И вот еще один момент, который повлиял на меня очень удручающе: в день смерти патриарха в 1987 г. Тихона моя мать пришла в монастырь, чтобы почтить память Святейшего, туда приехал патриарх Пимен и, когда она подошла к нему под благословение, он отвернулся от нее и не благословил. Конечно, он не знал ее, кто она, но чья-то рука отвела его благословение. Правда, мама была в большом расстройстве: как это так, Святейший патриарх, мученик Тихон, беседовал с ней, находил ласковые, теплые слова и вел с ней непринужденные беседы, а этот новоиспеченный патриарх даже не повернул к ней головы...” Я ее как можно было успокаивал, говорил ей, что он тебя не знает, но у нее был один ответ: ”но ведь он должен любого подходящего под благословение благословлять, а не по выбору”, — и то правда.

Вы, святые отцы советской церкви, забыли о тех мучениках, которых расстреливали, вешали, топили в реках, поднимали на штыки... Почему ваш Святейший синод и лично патриарх Пимен не подымет голос в защиту тех, праведных, которые в самую трудную годину не изменили Христу, а понесли мученическую смерть за правду, за Всевышнего Христа? Почему ваше издательство ни разу не упомянуло о моем отце и не описало с точной подробностью жизнь и деятельность Святейшего патри-

арха Тихона? И не уподобляйтесь вы тем служителям Богу, которые после смерти патриарха Тихона поселились в его апартаментах в Донском монастыре, — это был так называемый "владыка" Виссарион, обновленец, который жил со своей любовницей и пресмыкался перед советской властью. Тучков, Введенский и другие отступники от православной веры почитали его, а я, малявка-ребенок, в самые тяжелые годы не соблазнялся дорогими конфетами, которые он через свою любовницу присылал мне, и я отказывался это принимать, — помню это смутно, но об этом рассказывала моя мать. И я возмущался, почему там, где жил мой любимый с такой мягкой бородушкой дедушка — поселился бритый человек, да еще хочет, чтобы его называли владыкой. В моем тельце маленького человечка был бунт против этих советских "священнослужителей" — это были приспособленцы, неверные сыны Бога. Боже мой, сколько настоящих верующих они предали... Бог тому судья.

Да вы, члены Святейшего синода, живете сейчас как у Бога за пазухой, но это не ваш Христос, вас ничего не волнует, а ведь совесть вас должна мучить. Мне было крайне печально и больно, когда в газете "Аргументы и факты" (№ 10 за март 1989 г.) было интервью с одним первым после патриарха занимающим чин, (его титул: патриарший экзарх западной Европы, управляющий делами Московской патриархии, член Синода Русской православной церкви митрополит Ростовский и Новочеркасский Владимир): и когда ему задали несколько вопросов о погибших духовных лицах во времена Ленина-Сталина, он ответил, что об этом он не знает, так как он родился в 35 году. Но неужели Вы, митро-

полит, чуть ли не первый после патриарха в синоде, не знаете истории, сколько погибло во время революции и в последующие года служителей Русской православной церкви? Имя им легион. И на нашей — и в том числе на вашей — совести эти жертвы. Вы все пристроились при правительстве, вас это устраивает, ваша грудь увешана орденами и медалями, но под ними ничего нет кроме предательства и обмана. Правда, вы отдаете долг патриарху Тихону в день его кончины, но это не любовь к нему, а обязанность. Вы все лицемеры, а патриарх Тихон был не такой. Так почему на Западе канонизировали патриарха Тихона и императорскую семью и причислили их к лику Святых, а вы не спешите это сделать? Бойтесь? Так какие же вы православные иерархи Русской православной церкви — вы просто приспособленцы... Во время торжеств по случаю 1000-летия Руси я обращался во все духовные инстанции, чтобы получить пригласительные билеты на посещение храма, где проходили праздничные молебствия, также в Большой театр, но везде я получил отказы. Мне даже отказали в приобретении за деньги юбилейной Библии, а также серии выпущенных пластинок с грамзаписями. И только секретарь патриарха вручил мне юбилейную пластинку, на которой есть портрет Тихона. Ну, Бог им судья!

Но все-таки, кто убил моего отца? Белогвардейцы? Грабители? Или... Давайте разберемся: какой смысл белогвардейцам было убивать моего отца, чтобы совершить покушение на патриарха, ведь это глупее глупого! Все белогвардейцы были воспитаны в религиозном духе и безусловно рука у них не поднялась на Первосвященника Русской Православной Церкви, и потом какой в этом смысл?!

По мнению Тучкова, это были белогвардейцы, и о чем он заявил сразу по прибытии, чтобы восстановить народ... против чего? Против белогвардейцев? Но война гражданская уже закончилась, многие из них были в эмиграции, другие остались на родине и были к тому времени лояльны к Советской власти и сотрудничали с ней, — зачем, спрашивается, им убивать патриарха? Но, если даже и допустим эту наиглупейшую версию, зачем им нужно было убивать отца, не выполнив основной цели — убить патриарха... Появись они в помещении и не увидев патриарха, — встретили отца, представились ему, сказав, что хотели бы иметь аудиенцию с патриархом, отец бы о них доложил Святейшему и он бы или вышел к ним, или попросил в свой кабинет, если бы был дома, где они и без шума разделались и с патриархом, и с отцом, спокойно бы вышли, и не надо им было бы забирать шубы и изображать из себя грабителей... Так против кого восстановить общественное мнение? Против белогвардейцев или против Советов, что не смогли уберечь патриарха на восьмом году своего существования. Абсурдной версии быть не может, и только недалекий в своих суждениях Тучков мог это сказать..

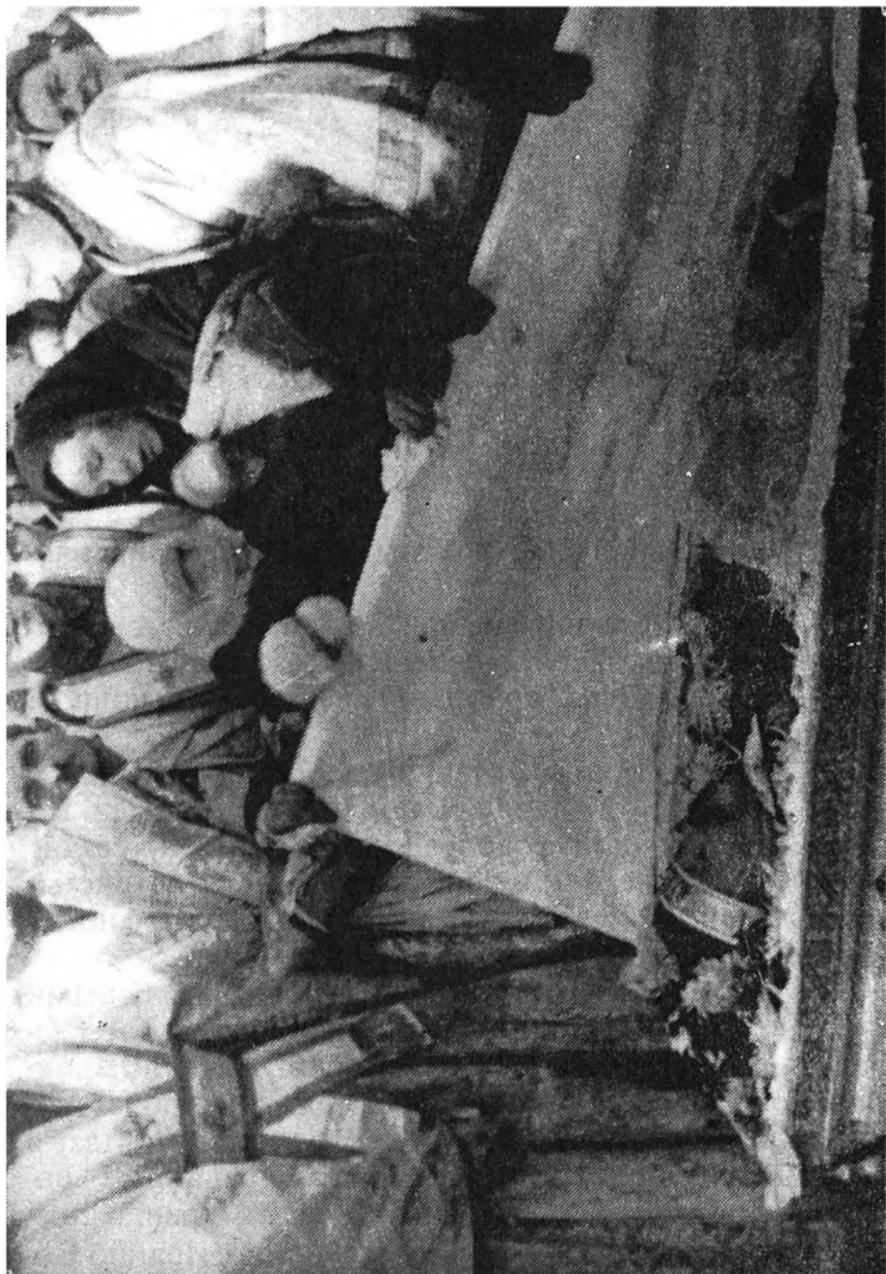
Грабители или воры не стали бы впутываться в мокрое дело, зная прекрасно, куда они лезли, — они себе могли найти для грабежа более выгодные объекты и без убийства.

Значит, это могли совершить только те, кому нежелательно было видеть на патриаршем престоле Тихона и нужно было вместо него поставить другого, своего, вроде Введенского... или еще кого-то? По всей вероятности, когда отец вышел к ним, он столкнулся со знакомыми лицами и стал сопротив-

ляться, не пуская их к патриарху. На месте борьбы был разломан стул и все в комнате говорило о том, что была борьба, и они, видя то, что не могут проникнуть к патриарху, стали стрелять в отца, но сразу его свалить не смогли, поэтому было выпущено пять пуль... после этого они слышали шаги и разговор... это из своего кабинета, услышав выстрелы и разговаривая с самим собой шел патриарх. Думая, что он разговаривает с кем-то и не зная, сколько там людей, они боялись разоблачения, прихватили шубы для убедительности и моментально скрылись... Это второе покушение и все покушавшиеся были у Тучкова или сумасшедшими или белогвардейцами.

Сейчас, в период гласности, зная, какие зверства творили работники ГПУ (взять власть Соловецкую да весь архипелаг ГУЛАГ), можно без колебания назвать убийц моего отца, покушавшихся на жизнь Святейшего патриарха Тихона, но все равно они косвенно добились своего, так как трагическая смерть отца приблизила кончину Святейшего.

(Примечание от составителя: по свидетельству супруги св. мученика Якова Полозова, в момент убийства св. Патриарха исповедника Тихона в доме не было.

Похороны мученика Якова Полозова.

СУРА.

РОДИНА СВ. ПРАВЕДНИКА ИОАННА КРОНШТАДТСКОГО СЕГОДНЯ...

Сура. Сретение.

Солнечный день. Пронизывающий северный ветер.

Село довольно большое, не одна сотня дворов. В период укрупнения деревень Сура стала центральной усадьбой. Дома довольно крепкие, в основном старинные.

Вид со стороны въездного моста привычный — ни колоколен, ни глав церквей, ни часовен (как это было на старинной фотографии). Дорога проходит по краю древнего кладбища, заросшего ветвистыми соснами. Сейчас оно закрыто. Могилки — с покосившимися или свалившимися крестами.

Монашеские могилки с красивыми белыми крестами, что стояли по краю кладбища, залиты асфальтом, по ним проложена дорога. Нет и кладбищенского храма, и часовни, растащили на дрова.

Дальше, по левой стороне дороги — остатки бывшего Девичьего монастыря. Деревянные постройки разорены и сожжены. Остался, правда, прекрасный бревенчатый дом священника Иоанно-Бо-

гословского собора, но в нем выбиты стекла, в комнатах, еще недавно жилых, гуляет холодный ветер. Наверно, увезут и его на дрова, если некому будет отремонтировать в ближайшее время.

Главы собора, колокольня вся — разобраны на печи, а балки перекрытий пошли на дрова. В начале 70-х годов храм перестроили в клуб для кино. Николай Алексеевич — внучатый племянник о. Иоанна Кронштадтского — принимал участие в этой перестройке.

В 1915 году состоялось освящение собора, один предел остался не освященным — в надежде на будущее прославление о. Иоанна и посвящение его имени.

Когда о. Иоанн освящал постройку его, сказал, что службы в нем не будет, — почему — не объяснил. Чудный, величественный собор, осмотреть бы внутри. Но открылась дверь, засмердело клубным духом, и пропало сразу желание войти. Против входа в собор сколочены щиты с изображением идола и бесноватыми призывами.

Рядом с собором стояла 3-х-классная школа 1 ступени с церковью в восточной части 2-этажного здания. В 30-е годы купол деревянного храма разобрали на дрова, а нижние два этажа устроили под школу. Тяжело было входить в перестроенный под классы храм. (1)

В 30-е годы в коммунах детей растлевали атеизмом, активной борьбой против дезертиров и лодырей (2), т.е. тех, кто не хотел оставлять своих детей, больных стариков, хозяйство и выполнять приказ: валить лес. Устроили даже факельное шествие ночью, к домам непокорных. Школьники надрывно кричали адресированными голосами: "В лес, в лес!!!" В эту же ночь сгорела их школа при невыяс-

ненных обстоятельствах, сгорели учитель и жена другого учителя. (3) Сгорела деревянная часть постройки — церковь бывшая, каменную же половину здания долго ремонтировали, не до учебы было. Ведь все трудоспособное население угнали на воскресники, пятнадцатки, декады, месячники валить лес. В Суре же оставались дети и больные, так что до лета возились с ремонтом.

Сохранились погост и еще два монастырских здания — для келий. Там сейчас больницы. Все остальное разорено до основания или сожжено — ограда каменная, ворота часовни.

На север от монастыря, через дорогу, стояла небольшая изба, где родился в семье дьячка Ильи Николаевича и Феодоры Власовны Сергиевых о. Иоанн и сестры его Дарья и Анна. Семья жила бедно, в единственной комнате стояла каменка, топили по-черному, в углу — мельница ручная, стол посреди комнаты и лавки по сторонам у окон. Монахини бережно хранили этот благодатный уголок, особенно красный угол, где среди икон был также большой портрет о. Иоанна, поставленный еще при его жизни. (4) Этот дом снесен, на его месте огород сейчас, но рядом стоит небольшой домик, напоминающий тот старый дом.

Рядом стоит 2-х-этажный бревенчатый монастырский дом, где не раз останавливался о. Иоанн в свои частые почти ежегодные приезды в Суру, беседовал с монахинями, крестьянами. Теперь этот дом отдан под какой-то склад.

Старинная улица Суры, на которой почти все постройки — и монастырские, и мирские — сооружены на средства о. Иоанна при его живом участии — благословении построек, освящении домов, служе-

нии всевозможных молебнов — названа сейчас именем Кирова. (5)

Если идти на запад, к центру современного села — магазину — справа, против продмага, увидим двухэтажный деревянный дом. Он принадлежал старшему сыну Дарьи Ильиничны — Евдокиму Семеновичу. (6) Его, как самого состоятельного из всех Малкиных, раскулачили, т.е. ограбили в 30-е годы и выслали. Нищенскую жизнь он окончил в инвалидном доме в Верном (7) еще до войны. Говорят, что он любил благотворить, часто ходил по Суре с корзиной, полной денег и раздавал бедным и нуждающимся.

Сейчас в доме Евдокима Семеновича гостиница для вербованных, как здесь называют сезонных лесорубов.

Далее по улице справа (дом 58) стоит дом Алексея Семеновича Малкина — младшего сына Дарьи Ильиничны. Алексей Семенович скончался в 1942 году, сейчас в этом доме живут его дети: в левой половине Николай Алексеевич с семьей, а в правой — Любовь Алексеевна. Любовь Алексеевна, бывшая комсомолка, живет одна, помнит об о. Иоанне по рассказам отца и матери, читает его проповеди и поучения в книге, составленной священником Иоанном Орнатским. (8)

Но печать безбожного растления осталась, — считает, что (по словам молодых врачей, с которыми ей доводилось беседовать) о. Иоанн обладал больше всех гипнозом; а предсказывал будущее потому, что ездил к знаменитым писателям и знал все от них, от таких, как Лев Толстой... "Пророк — без чести в отечестве своем". Не прошли даром факельные шествия с криками "В лес!!!"; (9) участие родителей и детей в сокрушении святынь.

Любовь Алексеевна — мягкий, гостеприимчивый, приветливый по характеру человек, много, как и все, перестрадавшая, задумывается над нынешними плодами тотального растреления русских душ. Ее ереси — без базы, как у многих простых людей, как бы от того, что везде об этом говорят — по радио, телевидению, в газетах — заученные, но не следствие внутренних убеждений. Три слова о Боге — и понимает, что ошибается в безвольном принятии навязанного. Соглашается, что без Бога жить нельзя, а дальше — уже и невозможно.

Ее родной брат — Николай Алексеевич — живет в левой половине дома с женой — очень говорливой, приветливой женщиной, сам же тихий, немногословный. В комсомол, в партию не вступал. Но когда позвали делать клуб из разоренного собора — пошел, и перекрытия на дрова возил. Его жена рассказывает, что когда впервые истопили печь дровами с собора, в самоваре что-то сильно загромыхало в полночь, "заверькало", как она говорит — страшно стало. Пошли к Дарьюшке — монахине. Та объяснила, что нельзя было вам брать дрова с собора, у вас дядя, т.е. о. Иоанн, в Церкви служил. Дала святой воды, покропили в избе и перестало громыхать по ночам. (10)

Через три дома по этой же правой стороне (дом 66) стоит большой, крепкий еще, дом семьи Малкиных — Семена Прокофьевича и Дарьи Ильиничны. У них было шестеро детей — Евдоким, Андрей, Михаил, Алексей, Анисья и Анна. Алексей — младший, умер в 1942 году.

Дарья Ильинична умерла до боль. перев., похоронена в каменном гробу в часовне, что стояла около двухэтажной кирпичной монастырской шко-

лы 2-й ступени (1-6 классы). Эта школа цела еще, стоит на левой стороне в конце улицы — предпоследний дом.

После ликвидации монастыря в здании школы устроен инвалидный дом, куда пригоняли ссыльных инвалидов: в 30-е годы — с Украины, во второй половине 40-х годов — из Прибалтики. Среди них много верующих было, молились они у горюшки камней, что осталась на месте часовни.

Мелким ремеслом зарабатывали на хлеб, кто — валенки катал, кто — платки вязал для сельских жителей.

Позднее устроили там общежитие школы-интерната. В прошлом (1988) году рыли яму для водяной колонки, разворотили ковшом каменную могилу Дарьи Ильиничны и вытащили череп покойной. Школьники подхватили и долго дурачились, на забор нацепили. Через некоторое время школа-интернат сгорела, все изнутри в пепел превратилось, но дом каменный — уцелел. Теперь уже отремонтировали его.

Напротив дома Дарьи Ильиничны стоит крепкий большой деревянный дом — это была, похоже, первая школа, построенная на средства о. Иоанна. Сейчас в этом доме школьные мастерские.

Дальше, в конце улицы, против общежития интерната стоит бывший дом священника храма св. Николая, теперь в нем правление совхоза "Сурский". Перед домом обычные щиты с идолом и разными показателями.

За общежитием интерната стоит 2-этажный кирпичный дом, внизу раньше выпекали хлеб, а во втором этаже — просфору для службы. После боль. перев. там был винный магазин, а сейчас пром-

товар. магазин "Космос". На противоположной стороне улицы остатки храма св. Николая, без глав, колокольни, перекрытий — одни стены, без крыши, ветер завывает так, что не зажечь свечу, а на месте бывшего алтаря зловеще колышется веревочная петля, напоминающая виселицу. (11)

На этом месте стояла деревянная церковка св. Николая (12), где крестили младенца Иоанна 20 октября 1829 года, на второй день после рождения, по слабости здоровья. Крестил, как написано в регистрационной книге, священник Сергиев. (13)

Позднее на средства батюшки Иоанна Кронштадского здесь был выстроен чудесный кирпичный храм, строили местные крестьяне, сами и кирпич формовали, на месте.

Рядом, справа от храма, стояла старинная Введенская церковь, деревянная. Во время последней войны ее распилили на дрова.

После уничтожения всех святынь в Суре верующие ходили молиться за 5 верст, в с. Гора. Там часовня была, но и ту сожгли (как говорят здесь) после войны, на Сурский праздник — св. Николая. Подумали старушки и решили соорудить новую часовню подальше, в лесу. Привезли досок на лошадях, занавесили доски мхами, иконы, свечи принесли и молились. Вела часовню одна старушка из Оксовицы. Все, что приносили в часовню, она раздавала бедным. Председатель же страдал — будешь часовню вести — пенсию снимем, и не стала больше вести. Потом и ту сожгли. Новую подальше построили, вернее, сколотили. Татьяна вела, потом умерла, часовенка по сей день стоит, в честь св. Николая. Из Верколы, Янгоры, Оксовицы, Марково, Слуды, Верхней Суры ходят — отовсюду. Столбики доска-

ми связали, внутри иконки, свечи. Много наносили всего, потом кто-то разбросал иконы, даже жгли в костре, но одна иконка св. Николая чудом уцелела. Сейчас пока не жгут часовню и не страшат пенсией, как прежде. И молодежь туда ходит, и партийные, "как прижмет, так все ходят", и помогает св. Николай. Кабы не помогал, так и ходили бы.

Для некоторых простых людей, еще при жизни на земле "о. Иоанн являлся своего рода "Николой Угодником", ходатаем и заступником, к нему можно обратиться в горе, беде, в болезни — он поможет" — писал в своей статье Б. Зайцев.

Сура — это живая сердечная забота св. пр. батюшки Иоанна, все здесь согрето его молитвой, благословением, материальным пожертвованием и нынешним невидимым, но явным покровительством.

В один из своих приездов, в конце 80-х годов, видимо, он обошел окрестности Суры с молитвой и предсказал, что теперь на 100 лет не будет здесь обижать домашнюю скотину. Так и было: утром угоняли скотину в лес, а вечером возвращалась домой сама, не было пастухов в Суре. Но в последние годы то волк, то медведь забредает в село. Иссякла, видимо, сотня лет.

Лес почти вырубил, реки захлამились, как и везде, гниющим лесом, вырубки поливают с самолетов ядохимикатами, чтобы березу заглушить. Надо, чтобы ель да сосна шла. Все душат — рыбу, птицу, зверье, ягоды, грибы, землю. Какая рожь здесь росла, а теперь земля не родит.

Человек бесплодно живет — и земля, иссохло чрево земли — не плодоносит, как прежде. Оскудела вера наша, и земля гибнет. Восстанет ли Святая Русь от помрачения греховного или окончательно загубит ее беспамятство?

Меня удивляет и поражает сила, действующая на человека через чтение книг о Иоанна. Это не просто поддержка, укрепление, а что-то большее. Все его книги обладают неиссякаемой благодатной силой, отрезвляющей душу, отвращающей от привычной греховности. Но всегда испытываешь трудности при чтении — все очень просто и концентрировано одновременно. Каждое слово обладает какой-то осязательностью, осязательностью, как бы представляет собой живой плод Небесного Сада.

Чтобы душа стала способной вкушать сии чудные плоды, нужно жить соответственно, постоянно подвигая себя к решительному волевому шагу, результатом чего являются новые навыки, обновляющейся внутренней жизни, новое восприятие Божьего промысла обо мне. И эта перемена — условие дальнейшего деятельного, трезвого чтения книг святого праведного батюшки Иоанна. Но трудно меняться, трудно бороться с лукавыми привычками, укоренившимися в душе, душа так и расползается, дробится в греховных стереотипах.

И вот дом на Карповке, Сура, все благодатные места Святой Руси, где Господь оставил печать пребывания Своего угодника, настраивают разболтанные струны души на гармонический лад, делают хоть на какое-то время душу способной к деятельному обновлению и жаждущей этого обновления. Без них, без святынь, нельзя жить. Так же и без книг о Иоанна нельзя жить. Нельзя миновать их, как неподходящие мне, строю моей души. Это будет лукавство, которое рано, поздно ли, даст свои горькие плоды.

Путь ко Христу только через святых угодников Его, только они нас могут привести к Нему, а

мы — ничто. И особенно последние, по времени близкие к нам, святые. Их подвиг — плод алчущей Божией правды души. Их опыт наиболее понятен и близок нашей душе. И, если это не так, то последовательно-временная цепь строительно-церковного опыта рвется, тогда мы вне Церкви, а это страшно. Если у нас нет чувства полноты укорененности в живой действующей Церкви, то есть чувство отсутствия этого чувства полноты. Никак не миновать честного осмысления духовного опыта последних святых. То же и с опытом Новомучеников и Исповедников Российских. Мало говорить о них. Надо научиться молиться к ним, просить их подготовить нашу душу к плодоношению на основе их опыта, приближенного к нашему, а потому и питающего наш опыт, укореняющего нашу душу в Церкви Христовой Православной.

Если любой человек, независимо от своего теперешнего состояния и его веры, возжаждет правды искренно, всем сердцем, то получит ее. Книги св. пр. б. Иоанна переведены на многие языки. Они доступны всем, кто больше не хочет лгать сам себе. Да и сам св. б. Иоанн близок к нам, ныне живущим более, чем при жизни на нашей грешной земле, потому что ближе ко Христу — источнику Правды и Красоты.

Батюшка Иоанн ясно сказал о пути жизни каждого человека, каждой страны и всех людей вместе — это покаянный возврат ко Христу. Не хватает общего покаяния народа, особенно русского, и плода достойного покаяния — всеобщего прославления Кр. Чудотворца и молитвенного обращения к нему за помощью и второй шаг — всеобщего прославления Новом. и Испов. Российских. Не будет этого — и

истории дальнейшей не будет, мир самоистребится. Церковь Господь сохранит, а мир останется наедине со своей сожженной совестью, влекущей его к тотальному самоубийству, необратимому, огненному, как и предсказывал б. Иоанн. Да не будет. Св. пр. о. Иоанн, спаси нас, гибнущих.

ПРИМЕЧАНИЯ

1) Один школьник забежал в пустующий рядом со школой собор, – и был страшно напуган видением монахини в черном.

2. Не желающих вступать в коммуны выселяли на бесплодные земли, где ничего не росло, и люди либо погибали от голода и болезней, или уезжали в города. Да и в коммунах было не легче. Например, из Суры людей увозили на плотках в чужие незнакомые места на р. Кулой, там нужно было начинать жизнь сначала – вырубать, корчевать лес, поднимать дикие земли. Все это делалось бестолково, люди голодали, гибли от слабости и болезней. После неудачной попытки устроить рай на пустом месте, обескровленные полувывершие семьи возвращались в родные места.

3. Вину за пожар возложили на дочь священника – Марьюшку, хотя все знали, что она не виновна.

4. На фотографии в журнале Животовского "На Север с о. Иоанном Кронштадским".

5. Если идти на восток по этой улице, то через 4 версты будет Сурский аэропорт, откуда за час можно долететь до Архангельска при летной погоде.

6. По отцу – Малкину.

7. С. Веркола, где подвизался преп. Артемий Веркольский, расположено к северу по Пинеге в 37 верстах по дороге в Карпогоры – нынешний центр Пинежского района. В Вер-

коле был прекрасный мужской монастырь, где не раз бывал о. Иоанн Кронштадский.

8. Этот замечательный пастырь, служивший в Иоанно-Богословском храме Леушинского подворья в Петербурге, был большим почитателем Кронштадского Чудотворца – о. Иоанна, его другом и родственником. Он был женат на Анне Семеновне Малкиной – младшей дочери Дарьи Ильиничны. Кажется, мученически закончил земную жизнь в лагерях. Анна Семеновна умерла в конце сороковых годов в Петербурге. Одна из двух дочерей о. И. Орнатского еще жива и работает в каком-то литературном институте (по словам Любови Алексеевны, которая гостила у нее, но давненько) в Питере. Фамилию в замужестве не поменяла, осталась Орнатская.

9. Любовь Алексеевна участвовала в них, ей было 12 лет тогда.

10. Эта монахиня Дарья (1893 года рожд.), "как поп у нас была", говорят старики, крестить детей – к ней шли, что стряслось – к ней, праздники религиозные – к ней молиться. Умерла она лет 10 назад. Когда закрывали церкви в 30-е годы, некоторые монашки еще жили в Сурсе, а во время войны их вывезли, "чтоб продукты не запасали". Несколько монашек жило в Роше, неподалеку, там церковь была, потом ее сожгли вербованные и монахини ушли от туда.

11. Не стала бы она знамением Иудиной петли: не раскается русский народ, кончит тем же.

12. По словам одной старушки, отец о. Иоанна, Илья Николаевич, служил во Введенской церкви. В маленьком селе не могло быть двух храмов. В каком же храме его крестили?

13. По словам той же рассказчицы, во время рождения о. Иоанна село называлось Погос Сергиевской волости, т.к. здесь служил род священников Сергиевых.

Дивеево. Старый и Новый соборы.

ДИВЕЕВСКИЕ БЛАЖЕННЫЕ

В Дивеево было несколько блаженных: св. Пелагея Ивановна, Прасковья Ивановна, Наташенька и Мария Ивановна. По преданию, все они были пострижены в схиму в Киеве. У них существовала преемственность. Так, например, блаженная Прасковья Ивановна перед своей смертью благословила Марию Ивановну. Они были также и Старицами. Все они несли тяжелый подвиг юродства Христа ради.

Известно, что св. мученик Государь Николай Второй обращался к блаженной Прасковье Ивановне за старческим руководством.

Когда Царская семья приехала в Дивеево на

открытие мощей преп. Серафима Саровского, блаженная Прасковья Ивановна предсказала им появление наследника-цесаревича. К их приезду она подготовила большую куклу-мальчика, которую и вручила. (Она часто, пророчествуя, показывала на куклах, что делал и Оптинский Старец Нектарий.)

Государь, побеседовав с блаженной, сказал, что он ездил и бывал у многих блаженных, и что все принимали его, как Царя, и только одна Прасковья Ивановна приняла его, как человека. Впоследствии Государь переписывался с блаженной Прасковьей Ивановной.

Блаженная не только крестилась, как на икону, на его портрет, висящий в ее келье, но и каждый день клала перед ним земные поклоны, несмотря на то, что была уже очень слаба и больна, и после земных поклонов не могла встать сама, ей приходилось помогать подняться. Незадолго до своей смерти в 1914 году, когда она прикладывалась к портрету Государя, как к иконе, она произнесла: "Недолго еще осталось родненькому..."

Блаженная не раз называла Государя мучеником и говорила, что "этот Царь будет выше всех Царей".

По словам очевидцев, незадолго до своей кончины, блаженная в ответ на письмо Государя ответила: "Государь, сойди с Престола сам".

Перед открытием мощей преп. Серафима Саровского нужно было сделать дорогу от Арзамаса до Сарова, чтобы Царский поезд смог проехать. Дороги тогда были очень плохие. Царский поезд приходил в Арзамас, где сделали временную станцию, а дальше нужно было добираться на лошадях. Никто

не брался строить дорогу — боялись ответственности. Взялся один инженер, и преп. Серафим ему помогал. Дорогу сначала рыхлили плугами, потом поливали водой и укатывали огромными бревнами. Как раз в это время стояла страшная жара, и дорога так затвердела, что стала как асфальт. Преп. Серафим, на глазах у рассказчицы, исцелил впоследствии тяжело больного инженера, который строил эту дорогу. У него была очень тяжелая ползучая пневмония, он страдал от бессонницы и был очень слаб. К нему привезли кусочек от мантии преп. Серафима, и как только он приложился, то сразу захотел спать, после сна почувствовал большое облегчение и через несколько времени выздоровел окончательно. Так преподобный отблагодарил строителя дороги.

Когда царский поезд проезжал через село Пузо, то его вышли встречать все местные жители. Царский поезд остановился, и Государь благословлял детей.

Перед самым приездом в Саров в храме было очень много народа, и одна женщина родила ребенка в храме, перед самым входом в него Государя. Едва не под ноги Государю — "едва успели убрать". Государь, когда узнал об этом, стал крестным отцом ребенку.

Блаженная Наташенька. Однажды она стала сильно звонить в колокола на монастырской звоннице. Вышли все монахини, и стали спрашивать, зачем она это делает. Блаженная ответила: "Я провожаю правду на небо. Правды на земле больше нет".

Блаженную Марию Ивановну перед смертью благословила блаж. Прасковья Ивановна.

Миша Арц. был морской офицер. Он был старший брат в семье. Родители рано умерли, и он содержал всю семью. Во время Цусимы крейсер, на котором он служил, не погиб, т.к. был отправлен куда-то в другое место с каким-то заданием.

В 1918 году большевики топили очень многих офицеров. Впоследствии они сваливали на белых и на фашистов подобные злодеяния, а сами это делали.

Вот их построили и повели топить. М.А. шел самым крайним с конца. Он был глубоко верующий человек, и все время молился. Вдруг он подумал: "А что я теряю? Попробую отстать". Он замедлил шаги, потом завернул в переулок, прошел по нему спокойно и медленно до поворота, а потом побежал стремглав. Погони не было.

Через какое-то время он вместе с братом приехал в Петербург. Как-то раз, когда они молились в Казанском Соборе, в него вошел матрос с того крейсера, на котором М. служил офицером. Он узнал М. Тогда М. вместе с братом на коленях проползли через весь храм в Алтарь, и вышли алтарной дверью на улицу, таким образом были спасены.

В 1931 году по "делу рыбаков" М. был арестован и расстрелян. Его сестре, монахине, впоследствии схимонахине, которая тогда лежала в больнице и ей делали операцию, не сообщили о его смерти. Но она узнала: он приснился ей во сне с пулевой раной во лбу.

Дивеевская блаженная Мария Ивановна очень любила М.А. Он часто приезжал к ней за духовным руководством. Мария Ивановна часто шутила. Однажды приехали в Дивеево монахини, двоюродные сестры Миши, и спрашивают у Марии Ивановны:

”Как там Миша поживает?” Мария Ивановна говорит: ”Миша связался с цыганкой”. Сестры очень взволновались. Через некоторое время приезжает Миша. Они спрашивают его: ”Ты должен нам сказать, что с тобой стряслось?” Тот говорит: ”А что со мной стряслось?” — ”Мария Ивановна сказала нам, что ты связался с цыганкой”. Миша рассмеялся, а потом объяснил, что много лет не курил, а тут недавно проходил мимо табачного ларька, и соблазнился — купил пачку сигарет ”Цыганка” и закурил.

Вскоре после революции Мария Ивановна стала очень ругаться, и делала это много дней. Монахи, жившие с ней, не выдерживали и выходили из дома, чтобы как-то прийти в себя. Как-то раз они не выдержали и стали упрекать Марию Ивановну: ”Разве можно так скверно ругаться? Вот Прасковья Ивановна (прежняя Дивеевская блаженная) никогда так не ругалась”. Блаженная ответила: ”Хорошо ей было блажить при Николае. А попробуй поблажи при Советской власти”.

Перед тем, как матушку выпустили из лагеря, ей приснился во сне Владыка Федор, ее духовный отец, и сказал ей, что скоро освобождение. Примерно через неделю ей приснился другой сон: Блаженная Мария Ивановна перекрестила ее кругом, потом перекрестила ее справа и сказала: ”Это тебе на дорожку”. Перекрестила слева, и сказала: ”Это от всех бед”.

Через какое-то время после того, как м. рассказывала о блаженной Прасковье Ивановне, ей во сне приснилась Мария Ивановна и упрекнула ее за то, что о ней м. ничего не рассказывает. ”Вот я теперь и рассказываю”, — сказала м.

Дивеево. Общий вид.

Из рассказа матушки Ефросинии, монахини Дивеевского монастыря

...Нас постригали в Церкви, что была в канавке, где этот дом сейчас стоит — большой, каменный. В рясофор там постригали. У меня было послушание — звонить к службе, и я жила при Тихвинской Церкви.

Да... Монастырь закрыли в 192... году. Под Рождество Богородицы это было. У нас ведь храм был — Рождеству Богородицы...

Помню, нужно мне было звонить ко всеобщей. Колокольню мы на замок закрывали, я подошла, беру замок, только вставляю ключ — вдруг! —

хватить меня кто-то за руку – вот так: ”куда?! Не дозволено!”

Смотрю – а это милиционер стоит рядом, звонить запретил. Все сестры выходят к службе – ”Почему не звонят?!” Потом все-таки разрешили в последний раз отслужить всенощную.

Матушку игуменью арестовали в тот же день. Посадили ее в тарантас, рядом – владыку Серафима, напротив – Марию, и еще Владыка один был. Сестры стали проситься прощаться:

– Плакать будете, г : разрешим!

– Да не будем, не будем!

А как стали прощаться, сначала ничего, а потом все в голос зарыдали: Матушку игуменью увозят!

Нас прогонять! – Вот говорили, что плакать не будете, а сами плачете! Не разрешим прощаться. – Да не будем, не будем!

Подходим снова, и снова зарыдали. Невозможно тяжело было это.

Колокольня Дивеевского монастыря.
Рядом с ней – гипсовый Ленин...

Танцевальная площадка в скиту Оптиной Пустыни
на месте кладбища.

ЗАПИСКИ ОБ ОПТИНОЙ ПУСТЫНИ

ОПТИНА - 1956

Внешний вид Оптины такой: он просто ужасный. Соборы не только без крестов, но и без глав. Казанский храм и Марии Египетской совсем не видны издали, от них стоят только остовы, нет даже крыш. Виден лишь Введенский, и в нем именно, в одном, глаз улавливает знакомые линии, характерные. Это крыша закругленная, и столбики, на которых были купола. Все это ободрано. Видно, что рука ничья не прикасалась с того времени. И это-то вот и очень дорого. Штукатурка облупилась, железо с крыши сорвано, растут на ней деревья, трава.

Передняя стена монастырская почти не существует. От нее лишь отдельные куски. Стоит лишь левая башня. Монастырские ворота — у них сшиблен верх и внизу правая сторона отломана. Самые ворота, ниша — существует, туда можно войти. Видны остатки лестницы, вросшие в землю, заросшие травой.

Но подняться в монастырь лестницей нельзя. Она перегорожена сначала стогом сена, а потом арка колокольни заложена кирпичом. Там, как я понимаю, были два корпуса по бокам, а сейчас они соединены. От колокольни нет и следа. Правая сторона передней монастырской стены, т.е. часть по правую сторону от св. ворот до правой южной угловой

башни, не существует. Тут, поправее Св. ворот, дорога, вернее, тропка. По ней я и вошла. Общий вид развалин, когда войдешь.

Часть дома отремонтирована, отдельный кусочек, а остальное валится, крыльца нет совсем, или едва держится, покосилось. Вот такой вид у корпусов.

Больничной церкви нет совсем. Кладбища нет — ровное место. Я вошла и направилась прямо к могилам Старцев. Их нет и следа. Мимо самого алтаря Введенского Собора идет дорога. Место, где могилки, просто покрыты травой, дорога по ним не проходит. (?) Когда я вошла в первый раз (одна), я не решилась останавливаться, не знала, можно ли это, и потому только прошла и вышла в лес в заднюю стену. От нее тоже остатки, но все же она существует. Когда я вышла, увидела перед собой в лесу какие-то белые домики. Я не подумала, что это Скит. Мне казалось, что он дальше, да и знала я, что он за густым лесом. Поэтому я решила, что это что-нибудь новое, и взяла по дороге правее. Шла, шла, но ничего нет. Вернулась к этим домикам. Подхожу, и поняла, что это и есть Скит, только просто вырублен лес между ним и монастырем. Я подошла к воротам. — Полукруглые, чугунные резные ступени. Ворота открыты, над ним полукругом надпись: "Вниду в дом Твой, поклонюся Храму Святому Твоему". Вся она цела, совершенно ясная. Видно, что была забелена, но вся побелка слетела. Тишина полная. Ни души. Я вошла на эти ступени. Вошла в ворота. Все тонет в цветах. Посредине стоит деревянная Церковь совершенно целая, только без купола. Все домики целы, нет только ограды. Я пошла, но тут нечаянно чуть не наступила на собаку со

щенятами, она на меня неистово набросилась. Я едва смогла выскочить в лес направо между домиками. Забыла сказать: колокольня без верхушки. Покрашена белой краской. Но лупится, и через нее видна прежняя розовая. Икон нет. Хибарка стоит целехонька. Висит вывеска на воротах: "Спец. детский дом".

Когда я была одна, я вот так бегло все увидела и пошла. Меня собака выгнала. Ее нападение было последней каплей. Поразил весь ужас разрухи, а собака была последней каплей.

Шла обратно я вдоль стены северной по дороге. Эта стена вся цела, задняя северо-восточная башня даже отремонтирована.

Жиздра изменилась. Мне она помнится более заросшей. И по картинке я ее так знаю. А сейчас, когда стоишь на противоположном берегу, весь монастырь открыт. Нет перед ним на берегу деревьев. Но сама Жиздра чудная. Так и чувствуешь, что для нее не существует теперешней окружающей ее жизни, ее воды несут тот же прежний дух. Смотреть в эти ее воды и слушать их можно без конца, и уходить не хочется. Над водой кусты ивы. Там, где был паром, убогий простой, — старый деревянный мост.

Когда я вошла в Оптину второй раз (с монашенками), оказалось, что тут можно ходить спокойно, ничего не боясь. Они знали каждый кусочек.

Пошли сначала в храм Марии Египетской. Входим. Первое, что я увидела — Иоанна Предтечу на стене внутри храма. Он просто написан на стене (на северной), а дальше и всю роспись. Вся она цела, совершенно свежая, чистая. А крыши нет, даже потолка, кажется, нет, небо наверху. Мальчишки складывали внутри храма бревна. Они навалены были там

грудью, и они клали их как следует. Спутницы мои без боязни вошли. Прикладывались к иконам, читали надписи. Мальчишки нас обступали. С серьезными лицами слушали рассказы. (Мальчишки лет по 17-18.) И ни один не смеялся, не позволял себе никакого плохого слова сказать. "Что такое? Вот мы здесь сколько раз ни белили стены — не держится побелка? Опять облетит, и все картины опять наружу!"

Монашки рассказали мне, что здесь была зимняя церковь, показали, как стояли монахи, как все было здесь.

Потом пошли в Введенский Собор. Я не вошла внутрь. Там полно каких-то машин (это ведь тракторные курсы). На Горнем месте прорублена дверь. Она открыта, и видно, что на месте Престола тоже какая-то машина стоит. Я не заглядывала, не входила.

А на улице (на внешней стороне стен) по правую и левую сторону Горняго места два Святителя, видно, были написаны. С левой стороны — святитель Николай, он совершенно ясный. Видно, что его и замазывали, и просто выбивали, выколупывали его изображение, но он остался совершенно ясным с ног до головы, и самый лик. Очень сильный! Другой же святитель, тот, что по правую сторону, весь исчез. От этой иконы видно только наверху изображение благословляющего Спасителя. Я не знаю, м.б. там и не святитель был. Тут ничего не осталось.

Отсюда пошли в Казанский. Там внутри все забелено. Мне показали лишь точно место, где лежат о. Моисей и о. Антоний. Тут идет ремонт. Делают потолок. Пола нет ни в том, ни в другом храме. Под ногами просто земля.

Здесь на Горнем месте снаружи образ Казанской Божией Матери. Очень сильный. Видно и на нем, что его старательно хотели уничтожить. Видно, как терпеливо просто выколупывали. Но он виден, смотрит. Образ прекрасный, очень скорбный. Под ним весь тропарь цел. Отсюда мы пришли на могилки. Тут цела каменная дорожка. По ней монашки определяют места могил Старцев. Здесь растет ромашка и еще какая-то трава. Немного дальше посажены молодые липки. В одном месте вырыта яма с полметра глубиной (словно хотели врыть сюда столб). Из этой ямы я брала землю.

Мальчишки спрашивают: "Что это, кто ни придет, сразу идут на это место, и здесь молятся и в землю кланяются?" Монашки рассказали о Старцах. Они слушали совершенно серьезно. Некоторые лица обратили мое внимание — очень задумчиво слушали, хорошие лица были.

Потом пошли в Скит. Пошли по той дорожке, по которой ходили прежде — по устланной камнем. Деревья редкие. Стоят громадные вековые пни. Колодец о. Амвросия цел. Мы привезли мою чашку и черпали оттуда воду, умывались, пили. В Скиту они мне показали лишь окошко кельи о. Нектария. Я смотрела в него. Там видна печка со старыми изразцами) с синими каемочками, а посреди, кажется, цветочек.) Из-под этого окна, из-под самого дома вылезала одуванчиковая травка. Я Вам ее сорвала и послала.

Хибарка штукатуренная снаружи. Они сказали мне, что это штукатурка с тех пор. Та же дверь, крыльцо. Все прежнее, нетронутое, все цело. Я посидела на крыльце. Кусочек этой штукатурки я Вам послала. Отсюда они меня повели опять в мона-

стырь. Им захотелось к больнице пойти, они там работали прежде.

Задняя южная башня заново отремонтирована. Также и больничный корпус. Тут, как я поняла, тоже было кладбище, но и на нем — ровное место, заросшее травой. Потом пошли на колодец преп. Пафнутия Боровского. И все.

Между О.П. и Козельском все тот же луг. Ничем он не застроен. И вокруг О.П. не выросло новых построек. Стоит она одна.

Правее, с полкилометра от нее, лес прорезан шоссейной дорогой. Она идет на какой-то Шахтстрой. Там тоже мост через Жиздру; там идут машины, а на Оптинском — тишина.

Дом о. Рафаила, как войдешь в город, и еще не дойдя до линии, еще не поднимаясь в гору (если идти по главной улице), надо повернуть направо. Не доходя до аптеки, и тут направо. В переулке на горке, Церковь, кажется, Благовещения. Это там же, где он прежде жил... Но дом другой. Из его дома из сеней видна вся Оптина, как на ладони. (Он живет на втором этаже).

Храм о. Рафаил сделал заново. Его не существовало, он был разрушен. Иконостас самый настоящий, прежний, очень изящно сделан, белый, с золотом. Я бы никогда не подумала, что он теперь сделан. В Козельске есть настоящий прежний иконостасчик-резчик. Этим же мастером сделаны паникадила. Мне тоже очень понравилось. Они деревянные, резные, покрытые бронзой. Никакого нет сравнения с хрустальными люстрами — гораздо лучше, церковнее. Только по почте неудобно об этом писать.

Со страхом, но хочу все-таки позволить себе попытаться описать Оптину. Я не способна на такие вещи вообще, но там со мной бывает вот что: я чувствую как живых Оптинских Старцев. Ощущаю их тут. Этого не было, когда я в первый раз в ней была. Я писала Вам, что душа моя говорила наоборот, что отошел дух Старцев, что я не могу поверить, что мощи их здесь, под этой землей. Так было тогда.

В тот раз было так, что я и на Оптину не могла смотреть, так мне было больно, потому что я видела не ее, а ее обломки. Но сейчас все у меня изменилось. Получив с этого места такую большую помощь, я уж очень ясно почувствовала, что Старцы здесь, и великую их силу. Великую святость этого места.

Сейчас, когда я бываю там, мне совершенно не мешает то, что там сейчас оно не существует. Вернее, не существует, а как-то под другому. Это как-то соединилось с Оптиной. Я чувствую ее живую при этом внешнем. Мне страшно писать, потому что это уж очень свято, а я вся — один сплошной грех. Но ведь я Вам это пишу, м.б. не будет грехом это, то, что я позволяю себе говорить это. Я чувствую святость несравнимо большую, чем я чувствую в современных церквях. Там она отгорожена многим и многим ничего не имеющим общего со святостью. А здесь она ничем не закрытая, живая. Бог смотрит во всех этих обломках.

В церкви Бог соединен с какой-то пышностью, с внешним, со всем этим, что не имеет никакого от-

ношения к Нему. Не то это. Это было более приемлемо, м.б. в прежнее время, когда вера в Бога не была попираема, тогда вязалось это. В этих обломках, со страшной Своей Святостью, силой смотрит Бог. Тут Он такой, какой Он есть сейчас в нашей жизни, в душах человеческих, заброшенный, изуродованный. Эта изуродованность не закрыта ни чем внешним, никакими шелковыми облачениями. Она открыта так, как она есть в действительности. Чувствуешь в них состояние своей души с такой силой, с какой нигде не чувствуешь. И действительное истинное состояние Церкви, веры. Не прикрытое ничем внешним, истинное, то, которое оно перед Богом. Это несравнимая ни с чем ценность. Икона Казанской Божией Матери осталась на Горем месте Казанского храма, снаружи на улице. Она не сравнима ни с какой иконой, которую я когда-нибудь видела. Слов найти нельзя для ее описания. Это больше слов. Это Бог. Это такая сила, глубина страдания. Видно много раз ее старательно, даже м.б. терпеливо старались уничтожить, выколупывали, выскребали. Из всего этого получилась такой силы икона, что около нее страшно стоять. Такая смотрит прямо в душу твою. Она незабываемая. Мы были с Н. Она никогда ничего даже не читала про Оптину. И даже не захотела идти туда сначала. Я ей не рассказывала ни слова, я ее просто молча подвела к этому месту. Я ей не говорила, что я чувствую. Она высказала мне все то же, что во мне, только гораздо сильнее, потому что она очень хорошая. Она не могла смотреть на икону, стояла и плакала.

Это совершенно живое, это сильнейшая молитва Божией Матери, скорбная, какая она действительно может быть сейчас о мире.

В Церкви бывает иногда так загорожено всем человеческим, как непроницаемой стеной, что и искорки не чувствуешь. А здесь сила Божия ничем не загорожена, открыта. Прямо душа с ней соприкасается. И сейчас эти обломки не мешают мне видеть Оптину, как это было в первый раз. Сейчас я в них вижу Оптину, живую, ту, какая она сейчас. Не воспоминание Оптины, а это живая Оптина. Это такая сила. Так в душу входит, всю ее проникает, что окружающее, то, что там делается, совершенно ничтожно перед этим, не имеет никакого значения, не мешает совсем. Оно, м.б. увеличивает эту силу, служит Этому.

Внутри Казанского храма в Алтаре остались куски живописи: снятие с Креста, Моление о Чаше. Сохранились именно лики. Сила их великая — это страдание. Могилок Старцев нет. Ровное место. Но точно известное. Определяется оно по каменной дорожке, которая осталась. На этом месте можно стоять. Ни летом, ни сейчас ни один человек не позволил себе сказать мне ни слова плохого.

От Введенского Собора с разрушенных куполов ввысь, в небо, поднимается трава — как молитва. На горнем месте снаружи правого придела св. Николай покрашен, но весь проступает через краску.

В храме преп. Марии Египетской нет даже крыши — открытое небо. Как рассказали нам мальчишки, они сколько ни белили, не держится на стенах побелка. Там ничего не содрано. Вся живопись совсем свежая. Зимой мы не входили, потому что было закрыто, через окна смотрели — на левой стене наверху Иоанн Предтеча словно только что написанный, Спаситель спасает Петра в море и еще другое многое. Орнамент весь смотрит.

Между Оптиной и Скитом лес сильно вырублен. Скит весь виден. Целы Святые Врата. Только Креста нет. Окрашены в белую краску. Она лупится, и через нее проступает прежняя розовая. Чугунные полукруглые ступени. Самих ворот нет. Над воротами сохранилась надпись (видно, на ней тоже краска не удерживается) "Вниду в Дом Твой, поклонюся храму Святому Твоему". Вся она совершенно ясная. Над ней вывеска: "Спец. детский дом".

Все домишки целы. Белые, штукатуренные. Сломано только два в левом заднем углу. Церковь стоит вся целая, лишь без креста. И направо в углу Церковь каменная вся цела. Видно, Скит поддерживается. Летом все утопало в цветах. Разрушена только ограда.

Если смотреть на ворота из самого Скита, то видны остатки живописи, вернее, не остатки, а видно, что она цела, только просто сверху замазана. Справа проступает лик какого-то преподобного. Сама арка ворот тщательно забелена, но на потолке через всю толщу побелки совершенно ясно проступает треугольник, а в нем слово: "Бог". Перед Скитом цел колодец. Монашки называют его колодцем отца Амвросия.

КАК БЫЛА НАПИСАНА СЛУЖБА ПРЕПОДОБНОМУ СЕРАФИМУ

Отец Коли был очень благочестивым человеком. И вот перед канонизацией преподобного он получает из Св. Синода письмо с поручением написать эту службу. Он никогда ничем подобным не занимался, и поэтому отказался, понимая, что не сможет

этого сделать. Он был очень изумлен, что попросили писать службу именно его. Тогда пришло второе письмо с просьбой написать службу. Он отказался вторично. Тогда пришло третье письмо. Он уже сел за стол, чтобы писать отказ в третий раз, как вдруг увидел батюшку Серафима, который стоял рядом и ласково смотрел на него, как живой. Отец Коли закричал, стал звать детей; но батюшка Серафим стал невидим. Тогда он понял, что преподобный хочет, чтобы именно он писал службу. Он наложил на себя пост и стал писать службу. И когда он это делал, то все время видел батюшку Серафима рядом с собой. Так была написана эта дивная служба.

На открытии мощей в 1903 году Государь хотел, чтобы канон читал сам творец канона. А когда отец Коли и он ехали в Саров, то отец простудился, и у него совершенно пропал голос, и он не знал, как исполнить просьбу Государя. Тогда Коля ему предложил взять масла из лампадки на могиле преп. Серафима. После этого появился такой голос, что Государь был даже удивлен, и сказал, что никак не ожидал, чтобы таким голосом мог читать такой уже пожилой человек. (В современном издании Минеи эта дивная служба преп. Серафиму заменена другой, которую написала какая-то современная монахиня из Карпат. Вместо Параклиса туда ввели два канона Умилению, один из которых составил митр. Сергей Старогородский. Имеется ввиду Минея — издательство Московской Патриархии.)

ЗАПИСКИ МИССИОНЕРА О КРЕЩЕНИИ МЛАДЕНЦЕВ

Во время одной из миссионерских поездок по стране в городе Львове имела место предлагаемая беседа. Мне неоднократно приходилось пересказывать своим друзьям содержание этой и других бесед, и со временем встал вопрос о том, что неплохо было бы описать их для тех православных, которые хотят иметь аргументы в защиту своей веры. Также мне представляется, что подобные материалы могут показаться интересными и для инославных христиан, которые, особенно в последнее время, с живым интересом прислушиваются к нашим аргументам.

Миссионер: Вы можете конкретно объяснить, почему вы не крестите детей?

Баптист: Да, конечно. Мы не крестим детей потому, что это противоречит Библии, ее духу, и ее содержанию. В Церковь Христову человек приходит через личную веру, покаяние и решение, которое обнаруживает перерождение. Встреча с Богом — это обоюдный процесс, который несомненно требует отдачи и с нашей стороны. Первое: мы должны верить, что Бог есть. Второе: мы должны покаяться в

своей прежней жизни. И третье: должно принять решение жить в Боге и с Богом. Кстати, последнее и составляет содержание крещения. Крещение — это "обещание" пред лицом Божиим БОЛЬШЕ НЕ ГРЕШИТЬ, которое дает добрая совесть человека. Крещение — "обещание Богу доброй совести" — так учит Библия. Сам процесс крещения, обряд, есть символ произошедшей перемены, когда крещаемый как бы заявляет себе и всему миру — "я христианин". Так было и в древней апостольской церкви. Это и наша практика. Младенец не может верить, каяться и обещать — значит он не может быть крещен. Посмотрите, как все это подтверждается словами Библии. Первое, о научении вере: "Идите, научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святого Духа, уча их соблюдать все" (Мф. 28, 18-19). Второе, о покаянии: "Петр же сказал им: покайтесь и да крестится каждый из вас" (Деян. 2, 38). Третье, об обещании "доброй совести" — я уже процитировал. Далее, Сам Господь принял крещение в зрелом возрасте, и Новый Завет вообще не знает того, чтобы крестили детей. Это наша позиция по этому вопросу.

М.: Хорошо. Вы довольно подробно изложили свой взгляд на данную проблему. Но мне представляется, что рассматривать ее должно в комплексе, т.е. надо учитывать сразу несколько факторов. В основном те аргументы, которые вы выдвигаете против крещения младенцев, на мой взгляд, они не касаются, я имею ввиду цитаты, этого вопроса. Скажите, какой период по вашему мнению более благодатный: Ветхозаветный или Новозаветный?

Б.: Конечно, в Новозаветном периоде больше благодати.

М.: Правильно. Об этом сказано и в Евангелии: "Ибо закон дан чрез Моисея, благодать же и истина произошли чрез Иисуса Христа" (Иоан. 1,17). Без сомнения, благодать присутствовала в мире и до пришествия Христа на землю. Но лишь с Его пришествием она чрез Боговоплощение стала реальностью для всех нас; она сроднилась с нами, когда "Слово стало плотью и обитало с нами полное благодати и истины" (Иоанн. 1, 14). Вне всякого сомнения, Новозаветный период человеческой истории более благодатный, чем Ветхозаветный. Скажите, мы с вами ответили на вопрос, где явлено больше благодати, теперь ответьте на другой: где легче войти в народ Божий — в менее благодатное время или в более благодатное время, в Ветхом Завете или в Новом?

Б.: Без сомнения, легче войти в народ Божий в Новозаветный период, когда Весть спасения обращена ко всем народам и племенам, чем нежели в Ветхозаветном, когда истина, за редким исключением, звучала к одному, еврейскому народу.

М.: Хорошо. А теперь скажите, в Новозаветной Церкви, когда легче войти в народ Божий по благодати Божией, через какой обряд пройдя человек входит в народ Божий, его допускают до Причастия, от Тела и Крови Господа?

Б.: Только прошедшие через крещение, с о з н а т е л ь н о принятое, допускаются у нас к хлебопреломлению. Но вообще мы считаем, что подлинное обращение к Богу должно произойти до крещения. Крещение — это, как я вам уже сказал, завершение того процесса возрождения, который имел место в жизни приближенного. Это, если хотите, как та печать праведности, которую получил Авраам от

Бога как следствие подлинно благочестивой жизни, а главное — твердой веры.

М.: Вы довольно уместно вспомнили о той печати праведности, которую получил Авраам. Скажите, когда было менее благодатное время, когда труднее было войти в народ Божий, чрез какой обряд пройдя человек в Ветхозаветное время входил в народ Божий, его допускали до участия в еврейской пасхе (пейсахе)?

Б.: Господь запрещал участвовать в пасхе необрезанным. В еврейском народе полноценными членами общины считались обрезанные. Чрез обрезание древний еврей входил в народ Божий. Даже пришельцы — прозелиты — чрез обрезание становились иудеями, как бы духовными детьми Авраама.

М.: Да, действительно, это было так. Надо также заметить, что первый еврей Авраам был выходцем из Ура Халдейского и стал начатком нового народа, народа Божия посредством того духовного перерождения, которое имело место в его жизни. Слово "еврей" обозначает и переводится — "пришедшие с другого берега". Скажите, когда было менее благодатное время, когда трудней было войти в народ Божий, в каком возрасте можно было обрезать ребенка?

Б.: В восьмидневном... о, я понимаю, куда вы клоните...

М.: Неужели вы всерьез думаете, что с приходом Христа на землю положение детей усугубилось? Ведь это абсурд. Если в менее благодатное время, когда трудней было войти в народ Божий, и вы с этим согласились, младенец становится членом общины, то неужели в наше время мы будем препятствовать детям приходить к Христу? О том, что об-

резание прераобразовывало собою крещение, сказано в послании св. Апостола Павла к Колоссянам, 2, 11-12. Я прочту это место: "В Нем вы и обрезаны обрезанием нерукотворным, совлечением греховного тела плоти, обрезанием Христовым; быв погребены с Ним в крещении".

М.: Но куда вы денете те места из Библии, которые я предложил вам? Положим, что в вашем мнении есть логика, но она не созвучна всей Библии.

М.: Хорошо. Разберем одно из мест, которое было приведено вами: "Петр же сказал им: покайтесь и да крестится каждый из вас во имя Иисуса Христа для прощения грехов и получите дар Святого Духа". Во-первых, надо заметить, что в Библии нет ни одного лишнего слова. Далее, обратите внимание на то, что когда Петр говорит о покаянии, он не призывает вовсе всех покаяться, как это дело обстоит с крещением. Он просто говорит: "покайтесь", т.е. кто может это сделать и созрел до понимания, что это необходимо, должны покаяться. Здесь, без сомнения, нет и намека на детей, младенцев; ведь они просто не могут этого делать. А вот когда речь идет о крещении, то Петр говорит, обращаясь уже и к взрослым, и к детям. Он категорически призывает именно уже всех принять крещение, причина видна из контекста: "Да крестится каждый из вас во имя Иисуса Христа для прощения грехов". Из приведенного текста видно явно, для чего крещение, — "для прощения грехов. А из Библии мы знаем, что решительно "все согрешили", включая и детей — "во грехе родила меня мать моя", "Бог ревнитель, наказывающий детей за вину отцов до третьего и четвертого рода". И дети, и взрослые под грехом. И те, и другие нуждаются в избавлении от него, и

мы знаем, что иного средства, кроме того искупления, которое совершил Иисус Христос, нет, которое очистило бы всех нас от страшной проказы греха. Если крещение имеет целью "прощение грехов", то чрез него должен пройти именно каждый находящийся под грехом. Апостол Павел замечает, что избавление от греха в водах крещения дает нам возможность приобщиться к благодати Духа Святого. В этой дивной благодати нуждаемся мы все, и также дети наши. И надо заметить, что право на избавление от греха и исполнение благодатию Духа Святого даровано от Бога к а ж д о м у. Еще раз внимательно прочитаем текст и то, чем он завершается: "покайтесь, и да крестится каждый из вас во имя Иисуса Христа для прощения грехов; и получите дар Святого Духа. Ибо вам принадлежит обетование и детям вашим". Действительно, нам принадлежит обетование и *детям* нашим.

Б.: Ну хорошо. А как тогда понять "научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святого Духа"?

М.: А так и понять, как это сказано. Что вы думаете, апостолы должны были входить в дом, брать младенцев и крестить, не просветив светом Евангелия их родителей и их окружение?! Проповедь звучала ко всем, кто мог ее понять, благодать действовала на к а ж д о г о, так или иначе, кто соприкасался с ней. И для нас, впрочем как и для вас, понятно, что если веру принимает взрослый человек, то от него требуется то, чтобы он веровал, прошел оглашение; и именно имея такую ситуацию в виду, Писание говорит: крещение есть "обещание". Впрочем, за младенца тоже дается обещание и предлагается как бы от его лица исповедание веры — все это делают крестные.

Б.: Но извините, разве можно верить за другого человека?

М.: Можно! И в Библии есть этому много примеров. Я приведу один из них: "Когда же вошел Иисус в Капернаум, к нему подошел сотник и просил Его: Господи! слуга мой лежит дома в расслаблении и жестоко страдает. Иисус говорит ему: Я приду и исцелю его. Сотник же отвечая, сказал: Господи! я недостойн, чтобы Ты вошел под кров мой, но скажи только слово, и выздоровеет слуга мой; ибо я и подвластный человек, но, имея у себя в подчинении воинов, говорю одному: пойдя, и идет; и другому: приди, и приходит; и слуге моему: сделай то, и делает... И сказал Иисус сотнику: иди, и как ты веровал, да будет тебе. И выздоровел слуга его в тот час" (Мф. 8; 5-9, 13).

Из приведенного текста мы видим следующую ситуацию: сотник приходит к Господу, чтобы просить за слугу, который "лежит дома в расслаблении". Господь, видя его, сотника, веру, исцеляет, т.е. воздействует благодатию на его слугу. Почти то же самое происходит по тому же закону посредничества в вере, когда крестные родители исповедуют за младенца веру и дают обещание за него же; тем более, что здесь имеется ввиду, что именно они, крестные родители, будут отвечать за духовное, последующее воспитание дитяти. В таком случае православные, как правило, уповают на текст из Священного Писания: "Наставь юношу в начале пути его и он не уклонится с него во дни старости. Та практика детокрещения, которая имеет место быть в Церкви на протяжении всей ее истории, вне всякого сомнения имеет под собой основанием Священное Писание. Отказ от этой практики ставит в крайне опас-

ное положение младенцев, которые могут прекратить свое бытие, не достигнув зрелого возраста, когда обычно сектанты и крестят. Православная Церковь, следуя указанию Господа Иисуса: "Не запрещайте детям приходить ко Мне", – принимает младенцев в благодатное общение с Богом посредством введения их чрез крещение в Тело Господа Бога нашего Иисуса на земле и Его Святую Церковь.

Беседа с баптистом коснулась далее и других вопросов. После чего мой собеседник признал, что он не готов к беседе теперь и предложил перенести ее на другое время.

Как часто мне приходится в миссионерской практике сталкиваться с полной несостоятельностью оппонентов от сектантства, и это вовсе не моя заслуга, а мощь того Правоверия, начало которого – Господь, сказавший:

"Создам Церковь Мою и врата ада не одолеют ее" (Мф. 1:18).

ДВА ПИСЬМА

Всем известно имя исповедника владыки Афанасия Сахарова, более 25 лет проведенного в Гулаге. Имя владыки Афанасия часто вспоминают и как большого ученого-богослова. Публикуемое письмо, принадлежащее перу владыки Афанасия, сыграло очень большую роль в истории катакомбной Церкви в России. Это письмо владыко Афанасий рассылал по всему Советскому Союзу членам катакомбной церкви. К этому времени владыко Афанасий вошел в Московскую патриархию и очень многим его собратьям, "непоминающим" членам катакомбной Церкви, было непонятно, почему так поступил тот, кто всей своей жизнью исповедовал неприятие декларации митрополита Сергия Старогородского.

Письмо неоднозначно было принято в катакомбной Церкви в СССР. Одни, оставаясь на прежних бескомпромиссных позициях, отвергали его,

другие, нестойкие и уставшие от постоянных преследований, увидели в нем оправдание своей слабости и по примеру владыки вошли в советскую церковь. Мы не относимся с осуждением или недоброжелательством к тем, кто оказался слаб, но с чувством глубокой скорби вспоминаем как и по сей день, те, кто принял позицию вл. Афанасия, с написанной на лице растерянностью и надеждой на сострадание и Милость Божию свято хранит это письмо у себя, возлагая как бы всю ответственность за измену своих убеждений на его автора... Некая кроткая беспомощность и слабость есть во всем этом...

Как мы упоминали выше, вл. Афанасий был большим ученым богословом, и поэтому прекрасно отдавал себе отчет в том, что он писал в своем письме.

Совершенно наивно выглядит то, что вл. Афанасий как бы разделяет патриарха Сергия и патр. Алексия Симанского. Он, конечно, был знаком с книгой, выпущенной в то время "Патриарх Сергий и его духовное наследие" (составитель А.Ведерников).

Из этой книги с абсолютной очевидностью следует, что патр. Алексий преумножил и еще гораздо более приблизился к богоборческой власти, чем его предшественник (и поэтому мы приводим сразу после письма вл. Афанасия письмо патриарха Алексия Сталину).

Совершенно беспочвенно выглядит то, что вл. Афанасий ссылается на авторитет "вселенских" патриархов! Какой это авторитет, если они могли принимать в общение обновленческое движение!?

Если в декларации мит. Сергия Старогородского было положено начало страшного богоборче-

ского компромисса, то патр. Алексий этот процесс превратил в жуткую действительность, т.к. именно при нем уже не только богоборческие власти уничтожали и казнили, но и сама Патриархия принимала в этом участие (вспомним как наиболее яркий пример хрущевские гонения, закрытие храмов и расправу над священнослужителями непосредственно руками советского епископата).

На наш взгляд, вл. Афанасий хотел оправдать свою слабость, а его авторитет как исповедника для многих укрепил ту неправду, которая содержится в этом письме. Очень натянутым и неверным с церковной точки зрения видится обращение к "совести патриарха", мол за свои грехи он "даст отчет Господу"! Но мы же знаем, что компромисс с безбожниками так или иначе переносится на всех членов церкви и послание человекоубийце Сталину писалось и печаталось от лица всей церкви московской патриархии...

Дважды в своем письме владыка упоминает о тех соблазнах, которые исходят из действий патриарха Алексия. И это соблазны не его просто личной греховности, а исходящие непосредственно из его патриаршей деятельности! И странно читать в письме владыки, что все это не лишает его благодати Божией?!

Когда патриарх Алексий служил панихиду по человекоубийце Сталину, существовало церковное единство, принцип которого лежит в "едином сердце и едиными устами". Воздавая хвалу и почести тому, кто убивал миллионы людей, как мог патр. Алексий смотреть в глаза своей пастве, сохранить Благодать Божию? Ведь практически каждая семья пострадала, и после 1917 года была лишена безбож-

никами своих родных и близких! Когда владыка Афанасий пишет о том, что "теперь нет поминающих и непоминающих храмов" — это просто неправда, и я уверен, что он ее знал.

Одним словом, это письмо сыграло очень большую роль в нашей церкви, а посему должно быть известно всем.

К ТЕМ, КОТОРЫЕ СОБЛАЗНЯЮТСЯ

Мне кажется, что Вы еще не совсем решили вопроса о хождении в храмы. А я без всякого колебания решил для себя этот вопрос. По возможности хожу в храм. Я вспоминаю пример Спасителя, Который пришел, чтобы упразднить ветхозаветное прообразовательное Богослужение. И однако Он во всю свою жизнь до последнего момента принимал участие в Богослужении, совершавшемся иудейскими священниками, несмотря на то, что самих священников Он грозно обличал.

И святые Апостолы уже после того, как было окончательно установлено новое христианское богослужение, долгое время, по-видимому, до самого разрушения Иерусалимского храма в 70-х годах по Р.Х., продолжали ходить в храм, участвовали в отменяемом уже ветхозаветном богослужении, склоняли свои головы, когда первосвященники или священники преподавали благословение именем Божиим.

Церковь Христова свята и непорочна. Но до второго пришествия только одна половина ее — члены Церкви небесной, не могут грешить. Другая

же половина ее — Церковь воинствующая на земле, ища спасения грешников, не изгоняет их из своей ограды.

В Церкви земной Божественная благодать изливается на всех чад ея, хранящих общение с нею, через облагодетельствованных, в законно совершенном таинстве священства предстоятелем Церкви священников и епископов. Каждый отдельный член Церкви земной вступает в действительное таинственное благодатное общение с нею и со Христом только через своего правомочного духовника, при условии, если сей последний *находится в общении с патриархом, призванным* в качестве такового *всеми первоиерархами* всех других православных и автокефалических церквей, составляющих в своей совокупности Единую Вселенскую Церковь.

Кроме этой иерархической цепи нет и не может быть иного пути для благодатного соединения с церковью Вселенской и со Христом.

Даже великие подвижники многие десятки лет проводившие в одиночестве, всегда мыслили себя держащимися этой благодатной иерархической цепи и при первой же возможности спешили принять Св. Тайны, освященные *благодатными* служителями церкви.

А в Церкви Христовой благодать изливается, и освящение и спасение совершается *не священнослужителями, а самую Церковь* через священнослужителей.

Священнослужители не творцы благодати: они только раздатели ее, как бы каналы, по которым изливается на верных Божественная благодать и помимо которых нельзя и получить божественной благодати.

Иерархи и священнослужители поставляются из обыкновенных смертных грешных людей.

На земле нет святых. Священнослужители, даже ведущие явно зазорный образ жизни, продолжают оставаться действительными раздавателями благодати до тех пор, пока законной церковной властью не будут лишены дарованных им в таинстве священства благодатных полномочий раздавать Божественную благодать и возносить к престолу Божию молитвы верных.

За недостойных священнослужителей Господь посылает ангелов своих совершать святые таинства. Таинства, совершаемые недостойными священнослужителями бывают в суд и осуждение священнослужителей, но в благодатное освящение верою приемлющих их.

Только одно обстоятельство, если священнослужитель начнет открыто, всенародно с церковного амвона *проповедовать ересь* уже осужденную Отцами Церкви на Вселенских соборах, не только даст право, но и обязует каждого христианина, не дожидаясь Соборного суда, прервать всякое общение с таким проповедником, какой бы высокий пост в церковной иерархии он ни занимал.

Из церковной истории мы знаем много случаев, когда недостойные лица занимали высокие посты, когда патриархи были ересеиерархами.

Но и Соборы Вселенские, собравшиеся для Суждения и Осуждения новой ереси, до самого последнего момента посылали им и в первый, и во второй, и в третий раз приглашение прибыть в собор, именую их "боголюбнейшими епископами".

И только тогда, когда на третье приглашение приглашаемые прибыть в Собор отказались явить-

ся, тогда собор возглашал им "анафему", и только с этого момента они лишаются благодати и таинства, тогда совершаемые ими таинства становятся безблагодатными. А посмотрите, например, историю константинопольских патриархов в XVII веке. Патриархов назначали турецкие султаны, которые ставили на патриаршество того, кто больше сделает взнос в султанскую казну.

Некоторые патриархи занимали патриаршую кафедру по году, по несколько месяцев, по несколько дней. Тут были тайные иезуиты, были сочувствовавшие протестантизму. Султан смещал одного патриарха, потому что другой обещал больше внести в султанскую казну. Как быстры и неожиданны были смены патриархов, видно из того, что с 1598 по 1654 г. сменилось 54 патриарха. Какой соблазн был для окружающих и верных.

А жизнь христиан греков в то время была одним сплошным страданием, но они не отделялись от своих пастырей и архипастырей, не уклонялись от посещения храмов, где возносились имена патриархов, назначенных султанами-магометанами.

А среди патриархов этого времени был и Св. Афанасий Пателарий, три раза с уплатой соответственного взноса на константинопольскую кафедру и потом в России, в Лубнах, скончавшийся и причисленный к лику святых.

А каким соблазном был для православных русских людей Петровский сподвижник, первенствующий член Синода Архиепископ Феофан Прокопович — бражник, развратник. Может быть, его соблазнительное поведение иных ревнителей толкнуло в раскол. Но не раскольники, а те, которые молились в храмах, где возносилось имя Феофана, оста-

вались в православной церкви и получали благодать и освящение.

Много соблазнительного и в наши дни. Но несмотря на всякие соблазны, у нас нет никакого законного основания и права уклоняться от общения со священнослужителями, состоящими в канонической зависимости от патриарха Алексия.

Настоящее положение церковного управления совсем не похоже на то, что было в то время, когда делами русской церкви ведал митр. Сергей в качестве митр. Петра по Его поручению. Когда Митр. Сергей заявил, что его полномочия вытекают из полномочий Митр. Петра и что он Митр. Сергей.

Мы все заявили — признали Митр. Сергия как законного руководителя церковной жизнью православной церкви — первоиерархом которой признается Митр. Петр. Когда же Митр. Сергей, не удовлетворившись тем, что было дано ему и что он мог иметь при жизни законного первоиерарха русской церкви, рядом действий выявил себя как захватчик прав первоиерарха, когда в своем журнале он всенародно объявил, что ему, Митр. Сергию, не только принадлежат все права местоблюстителя, но что он "заместитель, облеченный патриаршей властью" (Журнал Моск. Патр. №1) и что сам наш законный первоиерарх Митр. Петр не имеет права вмешиваться в управление и своими распоряжениями исправлять даже ошибки своего заместителя. Тогда ряд архипастырей, в том числе и я, признали, что такое присвоение Митр. Сергием всех прав первоиерарха Митр. Петра лишает захватчика и тех прав по ведению дел церковных, какие в свое время даны были ему (Митр. Сергию) и освобождает православных от подчинения Митр. Сергию и образованному им

Синоду. Об этом я откровенно в письменной форме заявил Митр. Сергию и образованному им Синоду. По возвращении моем из ссылки в декабре 1939 г., отказавшись от какого-либо участия в церковной работе под руководством Митр. Сергия, я не уклонялся от посещения храмов, где богослужение совершалось священнослужителями, признававшими Митр. Сергия.

Резкие ругательные отзывы о так называемых сергианских храмах и о современном богослужении я считал и считаю хулой на Духа Святого.

Истинная ревность о вере Христовой не может соединиться со злобой. Где злоба, там нет Христа, там внушение темной силы. Христианская ревность с любовью, со скорбью может быть и со гневом, но без греха. А злоба — величайший непростительный грех, хула на Духа Святого: Духа Любви, Духа благодати. И ревностнейший Владыка Митр. Кирилл в качестве протеста недопускавший посещения храмов, осуждал хуления неразумных ревнителей и говорил, что он сам в случае смертной нужды будет исповедываться и причащаться у сергиан.

В настоящее время положение Церкви и дел Церкви непохоже на то, что было при Митр. Сергии. Митр. Петра нет в живых. Помимо первоиерарха Русской Церкви, ни священника, ни епископа не может быть в общении со Вселенской Церковью; не признающие своего первоиерарха, остаются вне церкви, отчего да избавит нас Господь. Иного первоиерарха, кроме патр. Алексия, в русской церкви нет. Его признали также восточные патриархи, его признали все русский иерархи, не дерзаю уклониться от него и я.

Теперь нет поминающих и непоминающих хра-

мов. Тогда можно было в качестве протеста не посещать те храмы, где незаконно наряду с именем законного первоиерарха поминали и его заместителя не по первоиерархическим правилам, а поведению текущих дел. Теперь везде возносится имя русского патриарха Алексия. Может быть иное в деятельности патриарха Алексия соблазняет, смущает, заставляет ревнителей насторожиться, но все это не лишает ни его, ни подведомое ему духовенство благодати.

Ереси, отцами осужденные, патр. Алексей и его сподвижники не проповедают, а по канонам церковным, случай, когда должно прервать даже и с патр. Алексием, не дожидаясь суда церковного.

Никакой законной высшей иерархической властью патр. Алексей не осужден, а я лично мог бы только свидетельствовать против него, если бы это потребовалось, но не могу и не имею права сказать, что он безблагодатный и что таинства, совершаемые ими и его духовенством, не действительны.

Поэтому, когда в 1945 г., будучи в заключении и бывшие со мною иереи, не поминавшие Митр. Сергия узнали о избрании патр. Алексия, признанного всеми Вселенскими патриархами, мы обсуждавши создавшееся положение, согласно решили, что так как, кроме патр. Алексия, признанного всеми вселенскими патриархами, теперь нет иного законного первоиерарха русской поместной церкви, то нам должно возносить на наших молитвах имя патр. Алексия, как патр. нашего, что я и делаю неопустительно с того дня.

Все, что в деятельности патриарха и патриархии смущает и соблазняет ревностных ревнителей — все это остается на совести патриарха, и он за это даст отчет Господу.

А из-за смущающего и соблазняющего, что иногда может быть и не совсем таким, каким нам кажется — только из-за этого лишать себя благодати святых таинств страшно. Не отделяться, а будем усерднее молить Бога о том, чтобы Он умудрил и помог патр. Алексею и всем у кормила церковного сущим право править слово истины и чтобы нас всех Господь наставил так поступать, чтобы совестью не кривить, против единства церковного не погрешать и соблазнов не ублажать.

ПИСЬМО
ПАТРИАРШЕГО МЕСТОБЛЮСТИТЕЛЯ
МИТРОПОЛИТА АЛЕКСИЯ

Председателю Совета Народных комиссаров
Маршалу Советского Союза
И.В. Сталину

Дорогой Иосиф Виссарионович!

Нашу Православную Церковь внезапно постигло тяжелое испытание: скончался Патриарх Сергей, 18 лет управлявший Русской Церковью.

Вам хорошо известно, с какой мудростью он нес это трудное послушание; Вам известна и его любовь к Родине, его патриотизм, который воодушевлял его в переживаемую эпоху военных испытаний. А нам, его ближайшим помощникам, близко

известно и его чувство самой искренней любви к Вам и преданности Вам как мудрому, Богопоставленному Вождю (это его постоянное выражение) народов нашего великого Союза. Это чувство проявлялось в нем с особой силой после личного его знакомства с Вами, после нашего незабвенного для нас свидания с Вами 4 сентября (1943 г.) минувшего года. Не раз мне приходилось слышать от него, с каким теплым чувством он вспоминал об этом свидании и какое высокое, историческое значение он придавал Вашему, ценнейшему для нас, вниманию к церковным нуждам.

С его кончиной Церковь наша осиротела. По завещанию почившего Патриарха мне судил Бог принять на себя должность Патриаршего Местоблюстителя.

В этот ответственный для меня момент жизни и служения Церкви я ощущаю потребность выразить Вам, дорогой Иосиф Виссарионович, и мои личные чувства.

В предстоящей мне деятельности я буду неизменно и неуклонно руководиться теми принципами, которыми отличена была церковная деятельность почившего Патриарха: следование канонам и установлениям церковным — с одной стороны, и неизменная верность Родине и возглавляемому Вами Правительству нашему — с другой.

Действуя в полном единении с Советом по делам Русской Православной Церкви, я вместе с учрежденным покойным Патриархом Священным Синодом буду гарантирован от ошибок и неверных шагов.

Прошу Вас, глубокопочтительный и дорогой Иосиф Виссарионович, принять эти мои заверения с

такую же доверенностью, с какою они от меня исходят, и верить чувствам глубокой к Вам любви и благодарности, какими одушевлены все, отныне мною руководимые, церковные работники.

Алексий, Митрополит Ленинградский и Новгородский. Патриарший Местоблюститель.

20 мая 1944 года

Из книги: "Патриарх Сергей и его духовное наследство".

ОТ СОВЕТА НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ СОЮЗА ССР

Совет народных комиссаров Союза ССР, в связи со смертью Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Сергея, выразил Священному Синоду Русской Православной Церкви глубокое соболезнование.

"Известия", 20 мая, 1944 г. № 20

ИЗ НЕДАВНЕЙ ИСТОРИИ ПСКОВО-ПЕЧЕРСКОЙ ЛАВРЫ

Не так давно, во времена т.н. "перестройки", арх. Гавриил, бывший наместник Псково-Печерского монастыря, был возведен в сан епископа и направлен в Хабаровск. В связи с этим считаем необходимым опубликовать эти материалы об арх. Гаврииле и событиях в монастыре, предшествовавших возведению арх. Гавриила в сан епископа.

КОПИЯ

ЕГО СВЯТЕЙШЕСТВУ, СВЯТЕЙШЕМУ ПАТРИАРХУ
МОСКОВСКОМУ И ВСЕЯ РУСИ ПИМЕНУ
от иеромонаха Валерия

ПРОШЕНИЕ

Ваше Святейшество, Святейший Патриарх Московский и Всея Руси Пимен, прошу разобраться и помочь мне. Я, иеромонах Валерий (Климов Владимир Петрович), с 5 ноября по 11 ноября находился в г. Печорах Псковской области. Здесь в Успенской

Псково-Печерской обители 10 ноября 1982 года наместник монастыря Архимандрит Гавриил и эконом монастыря иеромонах Варнава избили меня.

Дело происходило так, когда я стал выходить с территории монастыря (было около 8 часов вечера), то передо мной закрыли ворота монастыря. Причина такого поступка, как объяснил мне привратник, заключалась в том, что наместник не разрешил, оказывается, выпускать меня с территории монастыря.

Через небольшой период времени к воротам монастыря подошли наместник монастыря Архимандрит Гавриил и эконом монастыря иеромонах Варнава. Архимандрит Гавриил приказал иеромонаху Варнаве открыть ворота, а мне следовать за ним. Я за ним не пошел, так как оба они были ПЬЯНЫ. После этого наместник монастыря Архимандрит Гавриил сдирает с моего лица очки, я от него вырываюсь и *бегу по дорожке* вниз к Успенскому собору. Внизу меня сбивают, а бежавший сзади иеромонах Варнава налетает на меня и начинает бить рукой по голове. Затем он *заворачивает мне руки* и ведет к наместничьим покоям. С покоев наместничьих меня проводят вверх к Михайловскому собору. Здесь нас встречает Архимандрит Гавриил. Он спрашивает меня: "Откуда ты приехал и как твоё фамилие?" Я, конечно, на все вопросы ответил. Затем он спрашивает мой паспорт. Я отвечаю, что паспорт свой я оставил на квартире, где остановился на ночлег. Архимандрит Гавриил велит мне раздеться, чего, конечно, я не стал делать, за это он ударяет меня. После этого он, вместе с иеромонахом Варнавой и еще какой-то монах *начинают меня раздевать*. Сняв с меня подрясник, куртку и пояс, они заворачивают у меня

руки и ведут вниз по лестнице к Успенскому собору. На площади, возле часовенки, я вырываюсь от них и забегаю в монастырский корпус. Здесь меня опять ловят кто-то из числа братьев. Вместе с Архимандритом Гавриилом затем мы идем в келию епископа Федора. После этого была вызвана милиция. По требованию капитана милиции я предъявил имевшийся у меня паспорт, а также справку, данную мне во время летнего отпуска в Троице-Сергиевой Лавре. Справка была передана Архимандриту Гавриилу, а мне были возвращены мои вещи: подтяжники, пояс и куртка. Однако в карманах своих вещей я не нашел записной книжки и *ручных карманных часов "ракета"*.

После этого меня отвезли в отделение милиции.

Ваше святейшество, прошу разобраться и, если можно, то наказать виновных.

15 ноября 1982 г. Вашего Святейшества нижайший послушник иеромонах Валерий (КЛИМОВ).

Адрес: г. Рязань, Кафедральный собор.

Иеромонах Валерий (КЛИМОВ)

ЕГО ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕНСТВУ, ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕННЕЙШЕМУ ИОАННУ МИТРОПОЛИТУ ПСКОВСКОМУ И ПОРХОВСКОМУ

от братии Псково-Печерского монастыря

Ваше Высокопреосвященстве, 21 ноября сего года было послано письмо на имя Святейшего Патриарха Пимена о имевшем случае избияния иеромонаха Валерия в нашей обители.

Ночью 22 ноября (с 00 час. 30 мин.) о. наместник устроил "следствие" по поводу посланного пись-

ма. Послушник-паломник Алексей, когда его тащили за рукав, кричал: "Я не подписывал! Иноку же Александру было приказано собираться и уходить (без паспорта и ночью!)."

В келью иеромонаха Дамаскина о. наместник пришел вместе с благочинным, казначеем и экономом. Последний сделал обыск и быстро нашел черновик письма Святейшему Патриарху. С иеромонахом Дамаскиным экономом вел себя грубо, а пишущую машинку у него изъяс.

После того, как иеромонаха Дамаскина и инока Александра поддержали шесть человек из братии, подготовившись уходить вместе с ними, о. наместник утром резко переменял свое отношение, что видно было из разговора с братией. После один из участников этой встречи воскликнул: "Хоть один раз наместник поговорил со мной как с человеком за все время моего пребывания в монастыре!"

Во время этой же встречи о. наместник сказал, что он сейчас сам повезет это письмо (которое ночью нашли в келье иеромонаха (Дамаскина) к Владыке. После этого отпала необходимость посылать Вашему Высокопреосвященству копию письма Святейшему Патриарху Пимену; о содержании этого письма Вы теперь знаете после своеобразного ночного "обхода" монастырского начальства.

Ваше Высокопреосвященство, нам очень хотелось бы встретиться с Вами и побеседовать.

Испрашиваем благословения у Вашего Высокопреосвященства как на эту встречу, так и на дальнейшее несение своего послушания в нашей св. обители, настоятелем которой Вы являетесь.

Испрашиваем также Ваших св. молитв о нас недостойных.

28 ноября 1982 г.

ЕГО СВЯТЕЙШЕСТВУ, СВЯТЕЙШЕМУ ПАТРИАРХУ
МОСКОВСКОМУ И ВСЕЯ РУСИ ПИМЕНУ

от насельников Псково-Печерского монастыря.

С великой скорбью и большой тревогой сообщаем Вашему Святейшеству о том, что нам, нижеподписавшимся, стал известен очередной факт грубого произвола, связанного с избиением, по инициативе наместника архимандрита Гавриила и при его участии, бывшего насельника Троице-Сергиевой Лавры иеромонаха Валерия; произошло это 10-го ноября сего года после вечернего богослужения. Притом, с пострадавшего была сорвана верхняя одежда, подрясник и скуфья, сняты с руки часы и отобрана записная книжка.

На первый взгляд можно подумать, что подобный грубый произвол был следствием дерзкого поведения иеромонаха Валерия. Ничего подобного! В том-то и трагедия этого события, что нападение было сделано на человека, который, идя из Храма после богослужения, не проявил ни к кому никаких признаков агрессивности.

Эта трагедия тесно связана с унижением наместником епископского достоинства находящегося на покое в нашей обители епископа Феодора. Один из свидетелей этого унижения и грубости наместника был отправлен в отдаленный приход Псковской епархии якобы для временного служения, после чего его келья была занята другим, а все вещи вынесены на склад.

Унижение епископа Феодора наместником свя-

зано с проникновением в келью Владыки иеромонаха Валерия. Дело в том, что избитому иеромонаху Валерию удалось все же вырваться из рук наместника и эконома и попасть в келью епископа Феодора; раздосадованный наместник ударил сторожа-паломника Алексия, а с епископом Феодором вел себя грубо.

Ваше Святейшество, мы не ставили себе целью подробно описывать всю эту прискорбную историю на основании свидетельства пострадавшего и очевидцев. Довольно-таки частые случаи насилия и грубости со стороны наместника и эконома были и раньше. Просто последний случай избияния переполнил чашу нашего терпения, а совесть заставила не пройти мимо этого прискорбного события.

Просим Ваше святейшество принять соответствующие меры в связи с фактом избияния, чтобы предохранить нашу обитель от поругания в будущем.

20 ноября 1982 года.

Подписи:

(Продолжение жалобы насельников Псково-Печерского монастыря от имени ЕПИСКОПА Феодора — быв. Южно-Американского и Аргентинского, находящегося на покое в монастыре).

...Факт, описанный Вашему Святейшеству монахами Псково-Печерского монастыря, происходил по промыслу Божию при моем присутствии и при моем свидетельстве, что и подтверждаю, как имевший место у моей кельи 10-го ноября 1982 года.

Подтверждаю удивительно несносное поведение о. Наместника по отношению ко мне и другим присутствующим лицам, в том числе и к представителям милиции. Например: когда я хотел закрыть двери своей кельи, о. Наместник мне препятство-

вал это сделать. Когда я заметил о. Наместнику, — что у Вас делается за безобразие: избивание иеромонаха? Он ответил мне *грубо*: "Врешь" и, с подтверждением очевидицы, замахивался *на меня кулаками*. Когда я спросил иеромонаха Валерия: кто его бил? Он ответил: "*Наместник и его помощник эконоом иеромонах Варнава*".

Когда иеромонах Валерий потребовал свои вещи и ему принес их эконоом иеромонах Варнава, наместник и эконоом обители "нахлобучили" их на О. Валерия и грубо вытолкали его из моего помещения, на что я намеренно обратил внимание капитана милиции *на отношение к человеку*.

Когда капитан милиции захотел увидеть пострадавшего и я пригласил его зайти в мое помещение, наместник в *недостойной форме запретил* это капитану милиции (как будто бы он был его подчиненным), несколько раз крикнув: "*Я запрещаю*".

Когда наместник и эконоом грубо выталкивали О. Валерия, я заметил им, что *вы духовные лица* и за это извергают из священного сана. Все это делалось в присутствии милиции.

Следует заметить еще, что я человек *больной* и такие выходки наместника очень неблагоприятно сказываются на моем здоровье.

Я думаю, что уже и этого достаточно, чтобы представить неприглядную картину поведения монастырского начальства, зачинщиком чего явился сам охранитель порядка обители О. Наместник. Он же и вызвал милицию.

Вся эта история, как и поведение О. Наместника, представилась мне *верхом безобразия*.

Считаю очень хорошим жестом монахов, обращающихся к Вашему Святейшеству за установлением порядка в обители.

Мне бы казалось, что за такие дела зачинщиков следовало бы предавать прещению действительному и эффективному, а в случае неисpravления и извержению из сана по канонам Святой Православной Церкви.

Кроме того, наместник и эконоом обители всеми мерами стараются не допускать ко мне посетителей, желающих меня видеть. Не содействуют в помощи в моих нуждах. А тех, кто мне поможет — преследуют. Так, инвалида Петра Ивановича, отвезшего меня на дачу (на своей машине) вскоре же исключили из монастыря.

Испрашиваю святых молитв и благословения Вашего Святейшества, пребываю Божиею милостию
21.11.1982 года.

Псково-Печерский монастырь. День Св. Архистратига Михаила и прочих сил бесплотных.

ЕГО СЯТЕЙШЕСТВУ СЯТЕЙШЕМУ ПИМЕНУ ПАТРИАРХУ МОСКОВСКОМУ И ВСЕЯ РУСИ

от братии Псково-Печерского монастыря

Ваше Святейшество, посылаем Вам копию письма на имя Высокопреосвященного Митрополита Иоанна, которое своим содержанием может явиться дополнением к ранее посланному письму на имя Вашего Святейшества (от 20 ноября).

Как и следовало ожидать, письмо от Митрополита Иоанна сразу же попало в руки о. наместника, который не только высказал свое мнение иеродиакону Августину относительно содержания письма и лиц, его подписавших, но и сказал, что Владыка не приедет. Понятно, что каких-то перемен после бесе-

ды мы не ожидали, зная сильную зависимость Высокопреосвященнейшего Митрополита Иоанна от наместника, но все же были настроены смело высказать в присутствии братии о беспорядках в монастыре, включая очередной случай избиения.

Ваше Святейшество, вот уже более двух недель мы фактически находимся в осадном положении. Особенно в первые дни весьма заметна была слежка, распространялись провокационные и клеветнические слухи, а в последней встрече с иеродиаконом Августином (6 декабря) наместник даже пригрозил судебным разбирательством. Монастырскому фельдшеру было приказано не лечить подписавших письмо. Правда, после этот запрет был отменен, но полностью ограничения не были сняты, из-за чего инок Александр вынужден был обратиться к наместнику с прошением отпустить его на лечение в г. Вильнюс, где он раньше проживал (прошение его было удовлетворено). Подписавшие письмо были также лишены возможности получить очередной номер ЖМП, а также и календарь на 1983 год. Более того, близкий к наместнику человек передал одному из братии такие его слова: "Пусть только успокоятся, а потом я их по одному повыбрасываю из монастыря как собак".

Если даже эта угроза будет осуществлена на деле с такой грубостью, как она была высказана на словах, то все же нас ожидает изгнание из монастыря. Но каждый из нас решил не дожидаться своей очереди, а уйти сразу же, если выяснится, что наместником остается архим. Гавриил. Еп. Феодор, при всей своей немощи, тоже не рискует оставаться в обители; не исключено, что кто-то еще захочет присоединиться к нам.

Но это только планы на будущее, а пока мы живем надеждой, что зло наконец-то будет пресечено, а все мы сможем спокойно продолжать свое послушание в нашей св. обители.

Испрашиваем св. молитв Вашего Святейшества за нашу св. обитель и за нас недостойных.

” ” 1982 г.

ЕГО СЯТЕЙШЕСТВУ СЯТЕЙШЕМУ ПИМЕНУ, ПАТРИАРХУ МОСКОВСКОМУ И ВСЕЯ РУСИ

от братии Псково-Печерского монастыря

Ваше Святейшество, мы с 13 декабря 1982 года с большим нетерпением ожидали приезда Комиссии для разбора нашего письма на имя Вашего Святейшества от 20.XI.82 г. по случаю избиения в нашей обители 10 ноября 1982 года иеромонаха Валерия (КЛИМОВА).

1 февраля 1983 г. мы, находясь в Москве, пошли в канцелярию Патриархии выяснить свое положение. Оказалось, что в Печоры в этот же день выезжает комиссия в составе 2-х человек — высокопреосвященнейшего архиепископа Никодима и протоиерея Леонида.

Архиепископ Никодим при встрече с нами заметил, что он только из Совета по делам религий. Затем Владыка зачитал нам Указ Вашего Святейшества с распоряжением подробно разобраться в настроениях монастырской жизни в связи с многочисленными жалобами. Вся наша группа была приглашена на разбор в Печоры. Когда же архиепископу Никодиму был задан вопрос о возможности при-

гласить на разбор свидетелей, то на него не было дано определенного ответа.

Выехать вместе с архиепископом Никодимом мы не успели, а поэтому не присутствовали в первый день разбора (2 февраля).

2 февраля был произведен частный опрос (11-ти человек), а после обеда общее собрание, на котором с обвинительными речами против отсутствующей братии выступили наместник, эконо́м, иеромонах Палладий, иеродиакон Антоний, иеродиакон Гурий.

3 февраля в день приезда братии после 11 часов состоялась беседа архиепископа Никодима с епископом Феодором. Со слезами встретил Владыка Феодор высокого гостя и в кратком взволнованном слове выразил надежду, что дело будет рассмотрено беспристрастно.

Примерно за час до обеда в покоях наместника состоялась встреча митрополита Иоанна, архиепископа Никодима, наместника и протоиерея Леонида. Как показал ход дальнейших событий, там несомненно совместно обсуждался вопрос, связанный с приездом братии. После этой встречи и общей трапезы с братией началось собрание, перед которым не было зачитано ни самого Указа Вашего Святейшества архиепископу Никодиму ...подробно разобраться в многочисленных жалобах, ни других деловых бумаг.

Высокоприсвященнейший архиепископ Никодим, видимо, в данном случае следовал своей позиции, которую он высказал позже: "Я приехал ни снять наместника, ни поставить другого, а зафотографировать положение".

Собрание началось совсем необычно. Архиепи-

скоп Никодим поздравил братию с возвращением в обитель, похвалил певцов за пение, а игумена Елевферия за чтение "Жития Святых" во время трапезы; всем вернувшимся предложено было занять свои келии. После нравоучения Владыка предложил желающим выступить. Такой необычный подход вернуть братию в обитель без подробного разбора многочисленных жалоб совершенно противоречил резолюции Вашего Святейшества.

Когда вся братия отказалась вернуться в обитель из-за поведения наместника и эконома, то архиепископ Никодим неожиданно заявил, что теперь ситуация ясна и нет никакого смысла проводить дальнейший индивидуальный опрос братии.

Трудно себе представить, что могло бы случиться, если бы братия случайно не узнала о выезде комиссии в Псково-Печерский монастырь. Тогда необоснованные обвинения со стороны наместника, эконома и иеромонаха Палладия, и иеродиакона Антония и иеродиакона Гурия (2 февраля) могли бы сыграть решающую роль для несправедливого решения по отношению к нам. Но вот после появления братии 3 февраля и после просьбы повторить эти обвинения хотя бы вкратце, никто из обвинителей не откликнулся на эту просьбу, за исключением иеромонаха Палладия и иеродиакона Гурия, которые в нескольких словах изложили свое вчерашнее выступление, предварительно предупредив, что ничего особого они против нас не сказали. Наместнику был задан вопрос лично относительно ничем не обоснованного высказанного обвинения. За наместника ответил архиепископ Никодим, назвав все это пустяками. Если бы братия не приехала, то и на таких "пустяках" можно было бы создать серьезное дело.

Большой упор архиепископ Никодим сделал на то, что братия не имеет оснований возбуждать вопрос об иеромонахе Валерии, в то время как сам он молчит. Игумен Елевферий ответил, что у нас есть копия письма на имя Святейшего Патриарха Пимена от иеромонаха Валерия, в котором описаны события 10 ноября с просьбой разобраться в них и принять меры. Игумен Елевферий испросил благословения на прочтение этого письма, но архиепископ Никодим возразил, сказав, что раз это письмо направлено Святейшему Патриарху Пимену, то он сам и разберется в нем. Видимо, по этой же причине не разбиралось и наше письмо от 20 ноября 1982 года, а также и все жалобы, поскольку они направлены на имя Святейшего Патриарха Пимена.

Архиепископ Никодим обвинил иеромонаха Валерия в том, что он без благословения наместника пришел в обитель, хотя как священнослужитель не имел на это права. Владыке возразили, что иеромонах Валерий проживал в городе и приходил в обитель как паломник, а с наместником он пытался несколько раз связаться. Возможно, доводы владыки и справедливы, но из-за этого, понятно, нельзя избивать человека.

Почему-то особое внимание было обращено на нашу группу в 10 человек, в то время как только за 1982-й год по разным причинам из обители ушло кроме нас 14 человек. Это обычное ежегодное явление в нашей обители, а лучше сказать — ее трагедия. На этот факт было указано архиепископу Никодиму, однако никакого сочувствия со стороны Его Высокопреосвященства мы не услышали, наоборот, всякий раз, когда кто-то из братии указывал на беспорядки в обители, со стороны архиепископа Нико-

дима мы слышали аргументацию в защиту существующего порядка в монастыре.

Ваше Святейшество, мы с большой тревогой и в то же время с чистой совестью можем сказать, что в момент нашего присутствия на собрании братии (3 февраля с.г.) никакого разбора жалоб не было, а также разбора нашего письма от 20 ноября на имя Вашего Святейшества. Со стороны Высокопреосвященнейшего архиепископа Никодима была лишь сделана попытка убедить братию вернуться в обитель.

Ваше Святейшество, нам многократно ставился в вину отказ выполнять благословение Вашего Святейшества вернуться в Псково-Печерскую обитель. Мы верим словам Высокопреосвященнейшего архиепископа Никодима, что такое благословение было дано, но в то же время нам очень трудно вернуться в обитель, где наместник и эконоом творят беззакония. Или разве маловажен тот факт, что наместник набрасывался с кулаками на епископа Феодора? А разве можно пройти мимо угрозы расправы, в случае нашего возвращения в обитель?

Мы смиренно просим, Ваше Святейшество, дать нам возможность продолжать нести свое послушание в условиях приходской жизни до тех пор, когда нормальная обстановка в монастыре позволит нам вновь вернуться в Псково-Печерскую обитель.

Вашего Святейшества
недостойные послушники:

”7” февраля 1983 г.

**В ВЕРХОВНЫЙ ОРГАН Советской власти —
ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ
ПАРТИИ Советского Союза (Отдел по религии)**

**ГЕНЕРАЛЬНОМУ ПРОКУРОРУ Советского Союза —
РЕКУНКОВУ Александру Михайловичу**

от насельников Псково-Печерского монастыря

ЖАЛОБА

Направляя Вам копию письма на имя Его Святейшества, Патриарха Московского и всея Руси ПИМЕНА, мы, насельники Псково-Печерского монастыря, просим Вашей помощи о создании комиссии по разбору нашей жалобы, так как до сего времени каких-либо мер по вышеуказанным фактам не принято.

Нас 10 граждан Советского Союза, оказавшихся в дико униженном, оскорбленном положении и выброшенных на улицу без паспортов, без прописки, без средств к существованию.

Произвол со стороны наместника СТЕБЛИЧЕНКО и эконома монастыря БАСКАКОВА еще не пресечен.

Суть нашей жалобы состоит в том, чтобы выслать на место авторитетную комиссию, ибо все, что будеи прислано правящему архиерею на разбор, будет тут же известно наместнику СТЕБЛИЧЕНКО.

Мы просим СРОЧНО разобрать на месте все факты, указанные в жалобе Святейшему Патриарху Московскому и Всея Руси — ПИМЕНУ.

При разборе вышеуказанной нами жалобы и при личной беседе с нами, будут указаны факты

произвола, не указанные еще в настоящей жалобе, а сказать и подтвердить свидетельскими показаниями есть что, о чем гарантируем свидетельскими показаниями.

Просим принять меры и виновных наказать.

Братия Псково-Печерского монастыря

- 1) Игумен Елевферий (ПОПОВ Иван Константинович),
- 2) Иеромонах Дамаскин (САХНЮК Иван Евгеньевич),
- 3) Иермонах Евсевий (ГОЛУБЕВ Евгений Борисович),
- 4) Иеромонах Антоний (МЕЗЕНЦЕВ Александр Григорьевич),
- 5) Иеромонах Алипий (АКСЕНОВ Петр Андреевич)
- 6) Иеродиакон Кирилл (ВИНОКУРОВ Петр Данилович),
- 7) Иеродиакон Николай (НЕТРЕБА Николай Петрович),
- 8) Иеродиакон Августин (ПАЛКИН Анатолий Михайлович),
- 9) Инок Александр (МАТЮШИН Александр Иванович),
- 10) Иеромонах Арсений (ТУРКОВ Анатолий Иванович).

Приложение: вышеуказанное письмо и жалоба иеромонаха ВАЛЕРИЯ. По поручению вышеуказанной братии все ответы высылать на московский адрес: 111537, ул. Молостовых, дом 11, корп. 1, кв. 255 — ПЛАКСИНОЙ Анне (для Аксенова Петра Андреевича).

НЕКОТОРЫЕ ДОКУМЕНТЫ - СВИДЕТЕЛЬСТВА О ЖИЗНИ МОСКОВСКОЙ ПАТРИАРХИИ

АНКЕТА

на служителя культа

(заполняется собственноручно)

1. Фамилия, имя, отчество

2. Год и место рождения

3. Национальность

4. Социальное происхождение

5. Образование:

а) духовное

б) светское

в) имеет ли богословную степень

6. Сан и дата посвящения

7. Название церкви и ее адрес, куда назначается служить (указать настоятелем, 2-ым священником и т. д.)

8. Имеются ли правительственные награды

9. Адрес местожительства и телефон

КВИТОНЦИЯ № 36
Покровская церковь

Вид образа
Назв кем совершается образ

Адрес

Получено

Свидетельство о рождении: №

ЗАГС

Отец

Мать

Деньги удержаны (индекс)

Фамилия, имя, отчество, год рождения

РУБ

Дата

Код

заполняется при приеме в церковную общину

полное

Фамилия, имя, отчество

полное

Фамилия, имя, отчество

получена

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

о наложении административного взыскания

№ 2 от 29 1986 г.

Административная комиссия при исполкоме Советского районного Совета народных депутатов, рассмотрев протокол № 1195 от 15 09 1986 г.

о нарушении ст. 193 № 1090 СР

ГЛАВА ЗАКОНОВАННО НОРМАТИВНО

дата-указа, постановления, решения и др.

совершенном:

1. Фамилия, имя, отчество Челнина Эльвира Ивановна
2. Год рождения 1957
3. Место работы (учебы) Алико №167
4. Место жительства, адрес Алардарского 4, кв. 3

который 15 09 1986 г. присудить штраф и штраф
наша алиментное удержание в соответствии с законом
Судебные приставы - работники государственной
службы судебных приставов
Постановил: исполнительный комитет

Штраф 50 (пятидесять)
рублей.

№ 00090541 р 12 § 2.
срок 30 дней

Настоящее постановление может быть обжаловано в 10-дневный срок: о штрафе — в народный суд; о наложении иного взыскания — в соответствующий исполком Совета народных депутатов.

Штраф должен быть внесен в любую сберкассу в 15-дневный срок. В случае недоставления квитанции дело будет передано в народный суд или по месту работы для взыскания.

Председатель
административной комиссии

Члены комиссии:

протокол № 1195
исполнительный комитет
исполнительный комитет
исполнительный комитет

[Подписи]

МИНИСТЕРСТВО СВЯЗИ СССР

ТЕЛЕГРАММА

П Р И Е М 13 го час. 08 мин.	ПЕРЕДАЧА: _ го час. _ мин.	Адрес: <u>Срочная</u> <u>Визитное слово</u> <u>Алексий Луханов рше</u> <u>Исаков: де</u> <u>Яковлевская церковь</u> <u>священнику Владимиру</u> <u>Шибасву</u>
Бл. № 4 33 Приним. <u>Луханов</u>	№ связи Передача <u>Исаков</u>	
Из <u>Москвы.</u>	№ <u>435/021</u>	Служебные отметки:
<u>36</u> сл. <u>11</u> го <u>18</u> час. <u>22</u> мин.		
<p><u>Направляющие благословляются Вам</u> <u>совершить 12-го февраля панихиду</u> <u>по почившем Юрии нашему государеве</u> <u>Юрии Владимировиче Андропове по</u> <u>формуле Д упокоением но</u> <u>представленного Юрия. Митрополит Ювеналий</u></p>		

Версия, тип, в. 700, 15,000x100-1988

Телеграмма о панихиде по Ю.В. Андропову.

Настоящим благословляется вам совершить 12-го февраля панихиду по почиванием главы нашего государства Юрия Владимировича Андропова по формуле Д упокоением но-представленного Юрия. Митрополит Ювеналий.

Постановление о штрафе за участие в собрании евангельских христиан-баптистов.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>От составителя</i>	5
Молитва по святым новомученикам и исповедникам российским	8

Журнал "ЦЕРКОВНОСТЬ" — ноябрь, декабрь 1917 г.	11
---	----

К ГОДОВЩИНЕ КАНОНИЗАЦИИ ОПТИНСКИХ СТАРЦЕВ

Воспоминания о Старце Нектарии:

Воспоминания Н.А.Павлович	93
Воспоминания Н.Д.	104
Рассказывает Ирина Ивановна	109
Рассказ Фени	115
Ириша рассказывает	122
Из дневника монахини Таисии Каширского женского монастыря	126
Дядя Тимофей рассказывает	132
Из воспоминаний монахини Белевского монастыря (Нат. Б.)	134
Из воспоминаний арх. Б.Х.	149
Из воспоминаний Софии Александровны Энгельгард, духовной дочери старца Нектария	154
Копия письма старца Оптиной Пустыни иеромонаха Нектария	157
Некоторые последние насельники Оптиной Пустыни	162

Отец Рафаил Оптинский	
Из воспоминаний монахини Любови	165
Архимандрит Серафим Климов	203
Воспоминания матушки	
Серафимы Булгаковой	232
Письмо о мученицах села Пузо	248
А.Я.Полозов. Под благословением	
крестного...	253
Сура. Родина Св. Праведника Иоанна	
Кронштадтского сегодня	294
Дивеевские блаженные	306
Записки об Оптиной Пустыни	315
Записки миссионера	326
Два письма	334
Из недавней истории Псково-Печерской	
Лавры	347
Некоторые документы-свидетельства из	
жизни Московской Патриархии	363

